

В. М. НАССОН
В. И. САРИАНИДИ

НАРАНУМЫ: ЗАРЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

**В. М. МАССОН
В. И. САРИАНИДИ**

**НАРАКУМЫ:
ЗАРЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1972

Восемь тысячелетий назад на окраине каракумской пустыни забрезжил первый свет цивилизации — появились поселения оседлых земледельцев. В античную эпоху на территории Средней Азии встретились жизнерадостное искусство Греции и восточные традиции, озарив блеском эллинизма культуры Бактрии и Парфии. Цивилизация среднеазиатских народов оставила потомкам рукописи великих ученых и поэтов, изысканные памятники Самарканда и Бухары. В книге, написанной доктором исторических наук В. М. Масоновым и кандидатом исторических наук В. И. Сариниди, рассказывается о событиях, происходивших в Средней Азии на протяжении нескольких столетий. Перу этих известных специалистов по истории и археологии принадлежат такие книги, как «Средняя Азия и Древний Восток» (В. М. Масонов. М.—Л., 1964), «Страна тысячи городов» (В. М. Масонов. М., 1966), «Тайны исчезнувшего искусства Каракумов» (В. И. Сариниди. М., 1967), «За барханами — прошлое» (В. И. Сариниди, Г. А. Кошелев. М., 1966).

Пролог.

Сражение при Анкаре

20 июля 1402 г. при Анкаре разыгралось одно из крупнейших сражений эпохи средневековья. 200-тысячная армия османского султана Баязида сошлась с почти столь же многочисленным войском среднеазиатского эмира Тамерлана, чья родина находилась за тридевять земель от горных теснин Малой Азии. В этой битве молодая Османская империя, успешно соперничавшая с Византией и уже совершавшая опустошительные набеги на поля Венгрии, потерпела поражение. Баязид был схвачен и вскоре бесславно умер в плену, а его держава в течение почти четверти века не могла оправиться от разгрома.

Эпоха Тамерлана и его ближайших наследников прославила Среднюю Азию, хотя эта слава порой запятнана кровью и озарена отблесками пожарниц. Самарканд, даже в его частично уцелевшем архитектурном великолепии, до сих пор привлекает восторженных туристов и вдумчивых исследователей прошлого. Однако все это имеет свою предысторию.

ПЕРВЫЕ СТУПЕНИ ПРОГРЕССА

Переход к земледелию и скотоводству ознаменовал начало новой эпохи, когда производство продуктов питания пришло на смену присвоению даров природы путем охоты, рыболовства или собирательства. Новые формы экономики привели к столь радикальным изменениям в культуре, идеологии, общественных отношениях, что некоторые исследователи считают возможным говорить о неолитической революции. В результате этой революции складываются первые в мире оседлые цивилизации.

На территории СССР это три основных центра — Средняя Азия, Кавказ и северо-запад Причерноморья. Благоприятные природные условия и целый ряд исторических предпосылок оказали решающее влияние на их формирование с конца эпохи каменного века.

Каракумская заря цивилизации

Вполне сложившуюся земледельческо-скотоводческую культуру, получившую наименование джейтунской, мы застаем на юго-западе Средней Азии в VI тыс. до н. э.

Здесь, в горах Копетдага, на окраине каракумских песков в изобилии произрастали дикие злаки и паслись стада безоаровых козлов и горных баранов — бесспорных предшественников домашних пород мелкого рогатого скота, теснились жилые поселки. Песок великой среднеазиатской пустыни скрипел на зубах у пионеров цивилизации, вступивших на неизведанную тропу прогресса, тонким слоем оседал во дворах, проникал в дома, мутил

питьевую воду в сосудах. Сколь бы архаично ни выглядела оставленная ими культура, надо помнить, что чуть ли не в каждом деле они были новаторами, а многие из их открытий привели в дальнейшем к подлинному расцвету хозяйства и искусства.

В небольших поселках джейтунских племен все дышит устойчивостью и благополучием, принесенными оседлой жизнью. Жилищами служат прочные глинобитные дома площадью 20—30 м², планировка которых носит черты поразительной стандартизации. Внутри дома, почти квадратного в плане,— массивный очаг, в стене, противоположной очагу,— выступ с миниатюрной нишей. Достаточно тщательно отделан пол, обычно покрытый известковой штукатуркой и окрашенный в черный или красный цвет. Рядом с домами — небольшие дворiki и глинобитные хозяйственные строения. Для хранения и приготовления пищи местные жители изобрели глиняную посуду, весьма прочную благодаря обжигу в печах. Ее поверхность они украшали несложными узорами, нанесенными красной краской.

Из глины изготавливались также статуэтки людей и животных, иногда выполненные с несомненной экспрессией. Выточенные из камня фигурки животных носили в качестве подвесок-амулетов. Из кости, камня и раковин (иногда из Индийского океана) делали бусы. Интересны терракотовые каменные фишки, предназначавшиеся для какой-то игры и свидетельствующие о наличии у древних джейтунов определенного досуга.

Подъем культуры, улучшение быта стали возможными лишь благодаря налаженному и процветающему хозяйству. Основу его составляли земледелие, скотоводство и охота, а также целый ряд сопутствующих домашних промыслов. При этом главная и ведущая роль принадлежала земледелию. Недаром на одном из полностью раскопанных поселений обнаружено 1054 кремневых вкладыша серпов, что составляет свыше трети всех найденных здесь орудий. На полях возделывался двухрядный ячмень и два вида пшеницы — мягкая и карликовая. Есть основания полагать, что паводковые воды сбегавших с Копетдага ручьев использовались для примитивного орошения полей. Такая форма земледелия обусловила длительное существование джейтунских поселков на одном и том же месте в течение многих столетий.

Постепенно утверждается как вторая ведущая отрасль хозяйства и скотоводство. На ранних этапах развития джейтунской культуры в состав стада входили козы и овцы, а позднее и крупный рогатый скот. Горные бараны, быстроногие обитатели пустыни и степей джейраны и куланы, а нередко и дикие кабаны дополняли мясной рацион древних джейтунцев, хотя роль охоты постепенно уменьшалась. Основным оружием охотникам служили праща, стрелы и дротики с составными наконечниками из мелких кремневых пластин геометрической формы.

Большое значение придавалось обработке шкур животных (возможно, из-за слабого развития ткачества) с помощью костяных и кремневых скребков различных видов, последовательно применявшихся в работе. Надежным оружием в руках охотников были тесла и топоры из шлифованного камня.

Переход к новой экономике и новому образу жизни, отмечаемый на юге Средней Азии, — только частное проявление аналогичных процессов, охвативших обширные области Передней Азии. Целый ряд племен на Ближнем Востоке переживал в VII—VI тыс. до н. э. завершающий этап неолитической революции, и джейтунцы бесспорно поддерживали тесные связи со своими соседями. Об этом свидетельствует джейтунская расписная керамика, которая имеет сходные черты с глиняной посудой таких иранских памятников, как Тепе-Сиялк и Тепе-Гуран. Еще более обширен круг аналогий джейтунской архитектуры — почти идентичные приемы домостроительства отмечены вплоть до Иордании (Иерихон) и Турции (Хаджилар).

Мы никогда, к сожалению, не узнаем имен политических вождей и хозяйственных руководителей, при которых происходили столь грандиозные перемены. Впрочем, на этом этапе их роль не столь уж велика. В условиях первобытного строя именно народ являлся лидером и творцом неолитической революции. Без упорного труда безвестных тружеников практически был бы невозможен последующий расцвет Средней Азии, прославившейся именами Авиценны, Бируни, Джелал ад-дина. Однако заря рождающейся цивилизации едва забрезжила.

Храмовые фрески старинных художников

Пока как будто бы ничто не предвещало изменений в жизни людей джейтунской культуры. Они по старинке пользовались лишь каменными и костяными орудиями, возделывали небольшие участки земли, прилегавшие к их поселкам, выращивали пшеницу и ячмень, разводили домашних животных, занимались охотой.

Однако связи и культурные контакты между племенами, населявшими территорию Древнего Востока, расширялись. В конце V тыс. до н. э. на северном форпосте ойкумены раннеземледельческих культур, расположенном на юге современного Туркменистана, появляются загадочные пришельцы, выходцы из районов Северного Ирана. Трудно сказать, что заставило их покинуть насиженные места: военные ли тревоги, нехватка ли хороших, пригодных для земледелия плодородных земель или что-то иное, так или иначе причины, видимо, оказались достаточно серьезными, если североиранцев не остановили даже высокие, труднопроходимые горы Копетдага. Но это было не военное нашествие — попав в привычные условия, североиранские племена довольно быстро смешались с аборигенами, восприняв их культуру и обычаи. Правда, они стали вводить некоторые новшества — прежде всего по-иному изготавливать и орнаментировать посуду, используя навыки, которые веками передавались из поколения в поколение на их прежней родине. Теперь тонкостенные высокого качества сосуды расписываются несложными рисунками в виде заштрихованных простых геометрических фигур. Таким образом, на рубеже V—IV тыс. до н. э. изделия из керамики украшаются как старыми, джейтунскими, узорами, так и новыми.

Но не эти нововведения оставили яркий след во всей дальнейшей тысячелетней истории южнотуркменистанских племен. Еще в Иране, богатом медными рудами, пришельцы познакомились с приемами обработки первого металла — меди. Со своими секретами в области древнейшей металлургии они не расстались и в подгорных оазисах Копетдага. Грубые, неумело изготовленные украшения и орудия из мягкой меди встречены археологами на древнейших памятниках Южного Туркменистана — Монджук-

лы-Депе и Коушутском поселении. С этого момента в истории местных племен началась новая эра — палеометалла.

Прогресс в области древнего хозяйства послужил толчком к дальнейшему экономическому развитию. Уже в начале IV тыс. до н. э. на плодородных равнинах предгорий Копетдага, орошаемых бурными горными речушками и ручьями, длинной цепочкой вытянулись новые поселения. Наряду с небольшими деревушками, вроде Анау около современного Ашхабада, от которого, кстати, и получили свое условное название племена Южного Туркменистана эпохи энеолита и бронзы, выросли новые огромные поселения. Вскоре все подгорные оазисы оказались густозаселенными. Наиболее предприимчивые группы людей, не желавших тесниться по берегам горных речушек, решились на смелый шаг и проникли в глубь юго-восточных Каракумов, где еще плескались воды древней р. Теджена. Колонисты быстро освоили земли дельты Теджена и положили начало образованию Геоксюрского оазиса энеолитических поселений.

Поселки того времени в предгорьях Копетдага, с их узкими, кривыми улочками и серыми стенами домов, сложенными из сырцовых кирпичей стандартной формы, производили довольно унылое и однообразное впечатление. Зато далекие предшественники будущих церквей и соборов — культовые святилища (несколько обширных, связанных между собой помещений со специальными алтарями-жертвенниками) — помпезно украшались. Даже на таком небольшом периферийном поселении, как Яссы-Депе у современного г. Каахка, святилище было расписано внутри красочными фресками, состоящими из комбинаций различных геометрических фигур. Орнаменты выполнены густыми тонами ярко-красного и черного цветов, окаймлены по контуру белой инкрустацией. Вдоль красочного настенного панно шла деревянная колоннада. Такие настенные полихромные фрески в сочетании со стройными колоннами создавали ощущение парадности, а яркие отблески горящего алтаря подчеркивали особое назначение всего сооружения. С благоговением и страхом входили сюда благочестивые соплеменники для совершения культовых обрядов и молений. Святилище находилось под неусыпным присмотром. По мере необходимости оно подновлялось, и тогда поверх старых, обветшалых фре-

сок наносились новые рисунки иных расцветок. Можно представить, какие шедевры монументального изобразительного искусства древних художников ожидают своего открытия на огромных «столичных» поселениях Намазга-Депе или Улуг-Депе все в том же Южном Туркменистане!

В эпоху медно-каменного века совершенствуется и керамическое искусство. Наряду с простой кухонной ничем не украшенной посудой местные мастера делают и парадную, предназначенную для особо торжественных случаев. Из мягкой, податливой глины изготавливаются не только сосуды, но и всевозможные статуэтки.

На протяжении IV тыс. до н. э. древнеземледельческие племена Южного Туркменистана добиваются все новых успехов. Особенно четко эти успехи прослеживаются на примере истории геоксюрской группы племен. Заселив дельту р. Теджеп, колонисты обрели плодородные земли для полей и хорошие луга для тучных стад. В густых прибрежных зарослях дельты и на равнине обитало много дичи, бродили стада джейранов. Уже к середине IV тыс. до н. э. здесь на расстоянии 5—10 км друг от друга располагалось восемь земледельческих поселков. Центральное поселение, где, по-видимому, находилась администрация оазиса, занимавшаяся общими для всех обитателей этого густонаселенного района вопросами, резко отличалось от остальных своими большими размерами.

Все поселки Геоксюрского оазиса выглядели подобно своеобразным укрепленным замкам. Не говоря уже о столичном поселении Геоксюр I, даже маленькие деревушки Ялангач-Депе и Муллали-Депе обнесены по внешнему краю глухими обводными стенами с огромными круглыми башнями. Внутри оборонительных стен располагались дома жителей.

Возведение оборонительных степ в такой глубокой древности, задолго до возникновения первых городов Средней Азии, до сих пор остается загадкой. Вероятно, таким образом колонисты дельты Теджена, оторвавшиеся от подгорной метрополии и чувствовавшие себя на первых порах неуверенно на новом месте, пытались укрепить свои позиции в случае возможной экспансии. Однако территориальная обособленность еще не означала культурной изолированности. Геоксюрцы поддерживали связи с метрополией, получали оттуда различные поделочные камни,

Женская
терракотовая статуэтка
(IV тыс. до н. э.).
Ялангач-Депе

медную руду и даже парадные, красиво расписанные полихромными фризами сосуды.

Больше того, предприимчивые жители оазиса вступали в культурные контакты и с такими отдаленными странами, как Древний Иран и даже Месопотамия. Хотя, надо сказать, культурные веяния юга не сыграли сколько-нибудь существенной роли в истории развития геоксюрских племен.

В этот период достигает расцвета геоксюрское искусство. Из рук скульпторов выходят десятки и сотни женских статуэток, выполненных с незаурядным мастерством. Наиболее выразительной является найденная на поселении Ялангач-Депе фигурка сидящей женщины со слегка

запрокинутым схематично намеченным лицом, с глазами, подчеркнутыми черными бровями. Шею ее охватывают две расписные кольцевые полосы и три ряда сплошных точек, имитирующих ожерелья. Рук нет, но вылеплены полные груди с черными точками сосков. Пышные бедра переходят в вытянутые вперед ноги. На бедрах крути, возможно изображающие солнца. Внизу живота черной краской нарисован треугольник — символ женского начала. Несомненно, скульптор в первую очередь стремился подчеркнуть образ плодоносящей женщины, матери-богини.

Нередко на округлых бедрах женских статуэток нарисованы животные, что лишний раз говорит об их культовом назначении. Наверное, это уже богини не только растительного, но и животного мира. К ним возносят свои молитвы набожные геоксюрцы, прося обильных урожаев и умножения стад.

О сложных религиозных верованиях свидетельствуют и древние могилы. Могильные ямы заботливо устилали плетеными циновками, мертвое тело бережно укладывали в «позе спящего», посыпали сверху красной охрой, символизирующей кровь. Вместе с покойником родственники клали жертвенную пищу, сосуды, украшения. Особенно трогательно выглядят детские захоронения, когда маленький скелет буквально утопает в сотнях гипсовых, лазуритовых и сердоликовых бусин. Однажды археологи нашли очень редкую в те времена золотую бусину. Среди погребальных приношений встречаются иногда украшения, изготовленные из меди. Это в основном туалетные принадлежности, весьма простые по оформлению.

Время первых «абстракционистов»

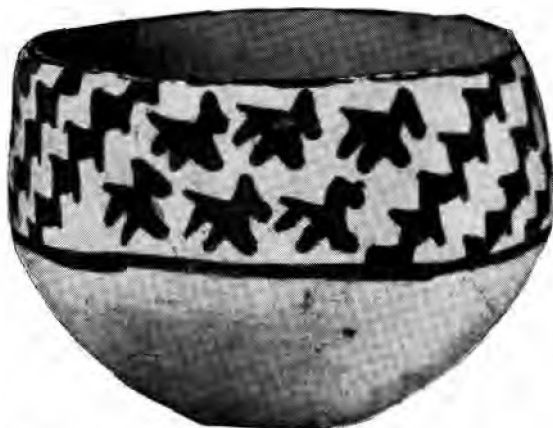
В конце IV тыс. до н. э. в истории стран Востока совершаются какие-то загадочные для нас, но совершенно конкретные для современников события, силуэты которых могут быть лишь намечены в общих чертах благодаря работам советских и западноевропейских археологов.

В это время древние земледельческие племена, жившие вдоль Персидского залива, на территории Южного

Ирана, пришли в сильное смятение. Возможно, причиной тому оказалась извечная вражда между дикими горцами Загроских гор и богатыми, но изнеженными и робкими земледельцами цветущих иранских оазисов. Возможно, воинственные дикие горцы хлынули в земледельческие оазисы, грабя и уничтожая все на своем пути. Возможно, все происходило иначе. Во всяком случае довольно большая группа южноиранских племен бросила свои домашние очаги и веками насиженные родные места. Пути к спасению были ограничены. С одной стороны от беженцев находилось море, с другой — пустыня Дешти-Лут, так что оставалось единственное безопасное направление — в сторону Северного Ирана. Достигнув этих районов, пришельцы потеснили дальше на север местных жителей, обитавших на таких поселениях, как Тепе-Сиялк и Тепе-Гиссар, и те, перевалив через Копетдаг, спустились в подгорные оазисы Южного Туркменистана. Так ли развивались события на самом деле — вопрос будущих многолетних исследований археологов. Но следы второй иранской экспансии на юго-западе Средней Азии прослеживаются совершенно четко. Больше того, ясно, что сюда проникли две группы племен.

Североиранская племенная группа осела на юге Туркменистана в подгорной зоне, а в юго-восточных Каракумах, и в частности в Геоксюрском оазисе, обнаружены следы культуры людей с берегов далекого Персидского залива.

Столкнувшись в предгорьях Копетдага с такими же, как и они, земледельцами и скотоводами, пришельцы смешались с местным населением и ассимилировались. Однако их присутствие на юге Туркменистана не прошло бесследно — с собой они принесли и свои навыки в изготовлении художественной керамики. Очень скоро некоторые новые керамические орнаменты становятся весьма модными. В оазисах Копетдага, на поселениях Анау, Кара-Депе, Намазга-Депе и многих других, найдены сосуды с зооморфными орнаментами, точно копирующими те, что еще раньше изготавливались на североиранских поселениях Тепе-Сиялк и Тепе-Гиссар. Теперь местные гончары рисуют птиц и животных. Горные козлы с гордо запрокинутыми назад длинными рогами нередко выполнены с большим художественным вкусом и незаурядной экспрессией. Особую популярность приобретают сосуды, украшен-

Расписной сосуд с изображением птиц и животных
(III тыс. до н. э.). Кара-Даше

ные стилизованными фигурами пятнистых барсов или леопардов с изогнутым по-копачьи телом, длинным хвостом и торчащими ушами, птиц, идущих гуськом. Часто звери изображены в несколько рядов и в целом выглядят весьма аляповато. Выразительны орлы с распростертыми крыльями и гордо повернутой хищной головой.

На некоторых сосудах имеются даже комбинированные рисунки: например, барсы с птицами или горными козлами. Так, на одном сосуде из Кара-Даше мирно шествуют пятнистые барсы и горные козлы. И именно в таком же сочетании упоминаются эти два вида животных в одном древнем шумерском сказании. В нем повествуется о том, как два пастуха перехитрили жреца и бросили его в реку. Жрец вызвал на помощь дикого козла, но появившийся барс схватил барана и унес его в горы. Если это не случайное совпадение, то перед нами иллюстрация к древнейшему литературному произведению. А кроме того, аналогичные сцены, где присутствуют барсы и дикие козлы, мы встречаем на расписных сосудах Древнего Ирана. Очевидно, и они являются отражением народного эпоса, несомненно существовавшего у земледельческих племен Древнего Востока. Народные мифы, предания, сказания могли в таком «зашифрованном» виде

найти свое графическое отражение в керамическом искусстве.

Совершенно иные сюжеты на посуде становятся популярными в это же время у людей, живших в Юго-восточных Каракумах.

Здесь орнаменты предельно геометризваны: их композиционную основу составляют кресты, ромбы, треугольники, квадраты. Монотонно, ритмично чередуются одни и те же центральные фигуры, отделенные друг от друга специальными разделителями, а богатая палитра разных цветов и оттенков придает им чрезвычайно эффектный, нарядный вид и невольно воскрешает в памяти творения современных художников-абстракционистов.

Что пытались сказать древние художники, с завидным постоянством в который раз выписывая на своих сосудах одни и те же геометрические фигуры, и прежде всего столь милые их сердцу мальтийские кресты, выделяя их специальным картушем¹ или ярко-красным фоном?

Несомненно, орнаменты мастеров Юго-Восточных Каракумов имели не только декоративное, но и смысловое значение. В них «зашифрованы» сложные идеологические представления древнеземледельческих племен, связанные с космогонией, с умирающей осенью и возрождающейся весной природой и т. д. Между прочим, древнейшая в мире шумерская письменность возникла именно из орнаментальных рисунков на местной посуде, кстати сказать, родственной в своих истоках посуде обитателей Юго-Восточных Каракумов.

Об успехах геоксюрцев в области мелкой терракотовой пластики свидетельствует большая коллекция антропоморфных статуэток первой половины III тыс. до н. э. Корoplastы древнеземледельческих поселков изготавливают десятки и сотни миниатюрных богов и божков, призванных охранять и оберегать их от превратностей повседневной жизни. Особенно распространены по-прежнему женские статуэтки. Обычно это небольшие, но изящные и тонко моделированные фигурки сидящих женщин. Схематично вылепленное «птичье» лицо с удлинёнными глазами и большим носом, мягкие линии чуть изогнутой шеи, узкая талия и широкие бедра, переходящие в длин-

¹ Картуш — орнаментальная рамка.

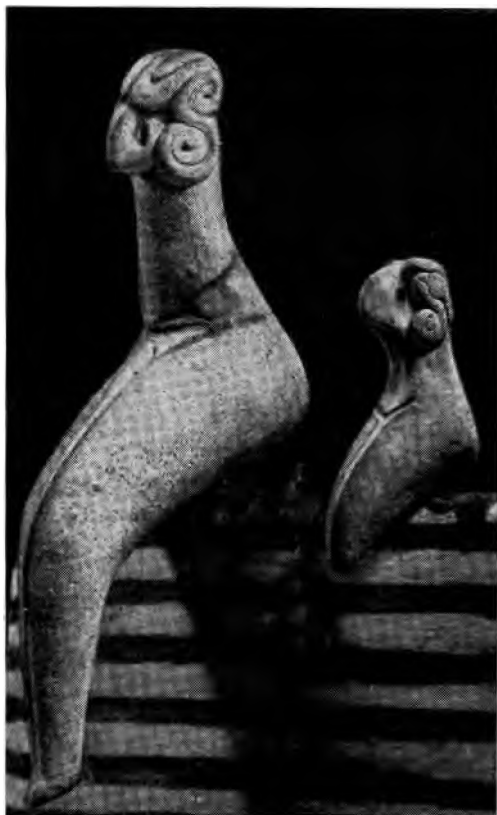
ные ноги. Головы женских божеств украшены сложными прическами из длинных кос, ниспадающих на спину, из буклей и завитков, тщательно уложенных и обрамляющих лицо.

Трогательное впечатление производит терракотовая статуэтка, изображающая мать с младенцем на руках. Эта «геоксюрская мадонна», бережно поддерживающая своего ребенка, повольно вызывает в памяти общепризнанный сюжет христианской религии, сюжет, к которому так часто обращались великие итальянские живописцы эпохи Ренессанса.

До нас не дошли древние сказания, мифы и легенды, связанные с обрядовыми церемониями, посвященными женским божествам, но одна случайная находка проливает слабый свет на этот интереснейший вопрос. Какой-то безвестный художник, живший на поселении Кара-Депе в предгорьях Копетдага, вместо привычных орнаментов запечатлел на чаше сценку, происходившую у него на глазах. Он нарисовал двух соплеменников, возносящих горячую молитву женскому божеству, находящемуся между ними. Божество — точная копия статуэток, найденных археологами при раскопках этого и многих других поселений Южного Туркменистана. Такие статуэтки помещали в могилы вместе с умершими, хранили в домах, им поклонялись в родовых святилищах.

Люди, обитавшие в Южном Туркменистане, из поколения в поколение, на протяжении сотен и даже тысяч лет с удивительным постоянством создавали только женские образы местных богов. И как-то неожиданно в первой половине III тыс. до н. э. скульпторы в своем творчестве вдруг обращаются к мужским изображениям. Эти еще очень редкие мужские статуэтки отличаются удивительной выразительностью скульптурного портрета. Здесь и сидящие старики с окладистой бородой и орлиным носом, и безбородые юноши с запрокинутыми вверх головами и широко раскрытыми глазами.

Еще один интересный факт: вполне мирные обитатели, огражденные с одной стороны скалистым щитом Копетдага, а с другой — безводным океаном песчаных барханов, неожиданно начинают лепить статуэтки воинов с суровыми, отрешенными от всего мирского лицами и боевыми плечами на головах. У них длинные клювовидные носы и миндалевидные рельефно выступающие глаза с

Две женские статуэтки
(III тыс. до н. э.).
Кара-Даше

круто изогнутыми бровями. У некоторых подбритые с боков бороды, двумя длинными узкими прядями ниспадающие на грудь. Кто они? Первые боги-мужчины или военные вожди местных племен? Сказать трудно.

Несомненно одно — изображениям воинов придавалось совершенно особое значение. В противоположность массовой продукции древних коропластов фигурки воинов выполнены с поразительной тщательностью. С большим мастерством воспроизведены миниатюрные боевые шлемы с петлеобразными нащечниками и витыми султанами, спускающимися от макушки шлема на спину, похожие по форме на знаменитый золотой шлем Мес-калам-дуга,

**Статуэтка «жреца»
(III тыс. до н. э.).
Кара-Даше**

похороненного в царских гробницах Ура в далекой Месопотамии. Их характерные лица с клювовидными носами вызывают в памяти клинописные строки одного вавилонского текста о людях с «воронообразными лицами», некогда живших в Древнем Эламе. Словом, все указывает на связь статуэток воинов с далекими южноиранскими районами Древнего Востока, районами, откуда на рубеже IV—III тыс. до н. э. в Каракумы проникли новые племена. Со своей былой родины пришельцы принесли не только собственные навыки в орнаментации посуды, но и традиции в древней коропластике.

Занятые повседневными заботами земледельцы и ско-

товоды южнотуркменистанских поселков не забывали и про радости жизни. Тогдашние модницы и модники большое внимание уделяли своим туалетам. Местные дамы, по-видимому, не один час проводили за медными зеркалами, сооружая сложные прически. Шею, грудь и запястья рук они украшали ожерельями и браслетами из голубой бирюзы, спящего лазурита, кроваво-красного сердолика, молочного кварца, пестрого агата, дымчатого халцедона. Из белого мягкого алебастра древние мастера изготавливали массовые дешевые изделия, вроде бус, пропенок, подвесок и даже мелкого бисера, которым расшивались платья. Но не эти хрупкие и недолговечные изделия составляли гордость камперезов. Их подлинное искусство проявилось в обработке полудрагоценных камней — в их тонком гранении и зеркальной шлифовке. Круглые и прямоугольные амулеты из мягких пород камня, имеющие отверстие для шнура, носились на шее, чтобы убеждать владельца от возможных невзгод. Магическую силу амулетов подчеркивают и тонкие орнаменты, выгравированные на них. Как и на посуде, чаще всего это крупные кресты.

(И кто знает, произошел ли основной христианский символ от формы деревянных крестов, на которых столь безжалостно распинали фанатичных приверженцев новой религии, или же его истоки нужно искать в магическом символе креста древнеземледельческих народов Старого Света.)

Испытывая недостаток в золоте и серебре, местные ювелиры вскоре изобрели хитроумный способ изготовления «фальшивых» драгоценностей. Для этого они брали дешевую, почти ничего не стоящую гипсовую бусину и обтягивали ее сверху тонкой золотой или серебряной фольгой. В результате получались эффектные «дорогие» золотые украшения, которые выглядели совсем как настоящие.

Значительно изменился к этому времени облик поселков. Теперь они отличались довольно регулярной планировкой — длинные прямые улицы, от которых в разные стороны расходились переулки и тупики. Обширные площади служили форумом для всего населения поселка. В святилищах перед квадратными и круглыми алтарями с возжженным огнем древние люди совершали культовые обряды, возносили молитвы своим богам и божкам. Не-

смотря на скученность населения, в поселках поддерживались относительная чистота и порядок. Весь мусор из домов свозили в специально отведенные для этого места, где и устраивались мусорные свалки.

На прилегающих к поселкам полях выращивались пшеница и ячмень, которые убирались сначала кремневыми, а позднее медными серпами. На заливных лугах паслись стада коров, коз, овец. Некоторые семьи разводили свиней. В густых речных зарослях охотились на оленей и кабанов, на равнинах — на джейранов и куланов.

Умерших соплеменников хоронили прямо на поселении, на заброшенных участках. Могилы рыли в земле, и покойников клали туда в «позе спящего». Вместе с умершими благочестивые родственники помещали заупокойные сосуды и личные украшения. Наряду с таким обрядом захоронения практиковался и иной. Каждая большая семья строила свой купольный фамильный мавзолей из сырцового кирпича. После смерти домочадца его оплакивали в специальном святилище, расположенном рядом с мавзолеем, и после заупокойных обрядов укладывали в центре склепа, а вход закладывали кирпичами. Для очередного умершего сородича дверь мавзолея снова открывалась. Когда в гробнице не оставалось больше свободного места, ее окончательно замуровывали, а рядом возводили новую, принадлежавшую той же семье.

Таких наземных мавзолеев, одних из древнейших в мире, особенно много найдено в дельте р. Теджен, в Геоксюрском оазисе. Там же открыта и древнейшая на Востоке ирригационная система.

Уже к середине III тыс. до н. э. некогда цветущие поселки этого оазиса стали приходить в запустение. Старая дельта реки, воды которой веками использовали геоксюрцы для орошения своих полей, медленно, но неуклонно перемещалась в западном направлении. Перед жителями встал жизненно важный вопрос — уйти на новые места или попытаться приблизить воду. Работы советских археологов и палеогеографов с широким применением аэрофоторазведки показали, что древние геоксюрцы выбрали второй путь. Они отважились сделать невозможное для того времени — вывести из реки канал и прорыть его на 3 км. Когда же ложе первого канала оказалось сильно заиленным, геоксюрцы рядом вырыли второй, а позднее и третий канал. В результате образовалось три русла

каналов — свидетельство драматической борьбы человека с силами природы. Человеческий гений и на этот раз победил природу, приспособив ее к своим нуждам. Спасительные каналы повернули воды «убегавшей» реки к старым поселкам и до поры отсрочили страстный конец.

Но шли десятилетия, и русло реки продолжало перемещаться все дальше к западу. Древние жители исчерпали технические возможности и покинули цветущий оазис. Они вынуждены были перебраться на новые места. Большая часть осела на поселениях Южного Туркменистана в подгорной зоне, а другая спустилась еще дальше на юг по рекам Теджен и Герируд в пределы современного Афганистана и Пакистана.

Многообразная культура поселения Мундигах в Южном Афганистане, древних поселков в районе г. Кветты (Пакистан) и некоторых других свидетельствует о сохранении старых геоксюрских традиций. Геоксюрские керамические орнаменты, геоксюрская коропластика и даже геоксюрского типа мавзолеи теперь повсеместно распространяются среди земледельческих племен Афганистана и Пакистана. Дальнейшая конкретная история геоксюрцев на их новой родине пока только намечается в общих чертах и еще долго будет служить темой пристального изучения советских и западноевропейских историков и археологов.

В хижинах живут охотники

Земледельцы занимали лишь незначительную часть территории Средней Азии, в основном же на ее пустынных равнинах жили охотники и рыболовы. Многие из них еще не знали металла.

Особенно интересна история «варварских» племен севера Средней Азии, людей так называемой кельтеминарской культуры. Открытые стоянки их обнаружены в Хорезме, в современной пустыне Кызылкум, в низовьях р. Зеравшан. Кельтеминарцы устраивали свои стойбища на берегах озер, заводей, заливчиков. В огромных каркасных хижинах высотой до 10 м или хижинах-полуземлянках из дерева и камыша проживало вместе до 100 че-

ловек, причем отдельная семья имела свой собственный очаг для приготовления пищи. Люди вели довольно примитивный образ жизни. Мужчины охотились на кабанов, оленей, косуль, водоплавающую дичь, джейранов, куланов, иногда на сайгаков. Острыми гарпунами били щук, сазанов, сомов, ловили их на рыболовные крючки и даже сетями. Главным оружием охоты являлись луки и стрелы с кремневыми наконечниками, а также жопы и дротики. Кремень добывали в горах Султануиздага. В одной такой каменоломне сохранилась многометровая штольня, из которой предки шахтеров извлекали высококачественный кремень — халцедон. Кожу убитых животных охотники обрабатывали разнообразными кремневыми и костяными орудиями. Женщины кроме домашних дел занимались сбором съедобных растений и моллюсков.

Посуда древних кельтеминарцев украшалась нарезным или процарапанным орнаментом, однако обжигалась она по в керамических горнах, а на больших кострах, поэтому часто трескалась и ломалась. Правда, и здесь уже намечается некоторая «механизация»: для нанесения врезного или процарапанного узора используются деревянные костяные гребенки с короткими зубьями.

Отделенные от своих южных соседей-земледельцев огромными пустынями и безбрежным морем песков, охотники-кельтеминарцы не имели возможности войти с ними в близкое соприкосновение. Им практически оставались неизвестны те культурные и хозяйственные успехи, которых в это время достигли племена подгорных оазисов Южного Туркменистана. Если такие контакты и существовали, то они носили эпизодический характер и не могли играть стимулирующую роль в охотничье-рыболовческой среде. Где-то в начале II тыс. до н. э. отдельные племена кельтеминарцев постепенно перешли к примитивному ведению земледельческого хозяйства, но масштабы его были еще весьма ограничены, а технический уровень очень низок. В эту же пору в областях Западного Казахстана и Хорезма появились первые одомашненные животные и первые единичные медные изделия, причем кельтеминарцы Кызылкума как будто уже сами овладели секретом древней металлургии.

В целом же северные районы Средней Азии и Казахстана представляли собой отсталую в хозяйственном и культурном отношении периферию. На еще более низком

уровне находились племена горных районов современного Таджикистана. Они обитали в гrotах и на стойбищах и вели бродячую жизнь охотников, скотоводов и собирателей. Их метательные орудия грубы и неуклюжи, посуда очень примитивна и плохого качества. Хотя отдельные племенные группы уже приручили некоторых домашних животных, даже кельтемянарцы выглядят по сравнению с ними далеко шагнувшими вперед в своем хозяйственном развитии.

Ковры на глиняных черепках

Вторая половина III тыс. до н. э. ознаменовалась большими изменениями в керамическом искусстве южнотуркменских племен. Вместо зооморфных рисунков широко распространяются орнаменты, бывшие в моде у племен, населявших Юго-Восточные Каракумы. Происходит унификация керамических орнаментов в пределах всего Южного Туркменистана. Наиболее популярными становятся фризы, состоящие из рядов мелких зубчатых лент, многоступенчатых пирамид, зубчатых треугольников, известные в предшествующее время, но теперь настолько измельченные, что в них с трудом угадываются бывшие прототипы. Здесь уже все подчинено принципу чистой декоративности, только кресты сохраняют свое центральное место в системе всей орнаментальной композиции, почти исключительно одноцветной — черные узоры по красному или кремовому фону. Лишь наиболее парадные сосуды как исключение расписываются красной, черной и белой красками. Мастера-гончары с большим вкусом наносят тонкие белые мазки на общую канву так, что создается впечатление настоящей перламутровой инкрустации.

Пестрые измельченные орнаментальные узоры производят впечатление ковровых рисунков. Случайно ли это? Или ковровые изделия уже существовали? По свидетельству древних авторов, дорогие ковры известны были в Вавилоне, Ассирии и Мидии в I тыс. до н. э., а крупнейшие древние центры ковроткачества издревле находились в Средней и Передней Азии. Может быть, традиции ковроткачества уходят своими корнями в еще большую древность, в интересующую нас эпоху? В самом

дело, стенная порода овец давала наилучшее для ковроткачества сырье. (На поселениях этого времени найдены буквально сотни керамических пряслиц, надевавшихся на ниретешо.) Станок для выделки ковров предельно прост по устройству, так что его изобретение не представляло больших трудностей. Это прямоугольная рама, составленная из четырех длинных жердей, прочно укрепленных в землю при помощи колышков. Под руками у древних жителей всегда были в избытке растительные краски. И совершенно очевидно, что люди уже научились окрашивать пряжу в различные цвета. Остается самый главный вопрос — знали местные племена самую технику ковроткачества? Точных сведений пока нет, но есть некоторые косвенные факты. Техника плетения тростниковых циновок исходит еще к неолитическому джейтунскому времени. Ими оказались устланы комнаты древних поселков. Встречены они и при раскопках более поздних, энеолитических памятников. Более того, в могилах на поселении I'ооксюр I найдены костяные орудия, специально приспособленные для плетения, которые свидетельствуют о дальнейшем прогрессе в этой области ремесла.

Как видим, все предпосылки для местного ковроткачества налицо. Но попробуем подойти к разрешению вопроса по-иному, исходя из сопоставления орнаментов на коврах и сосудах. Техника коврового ткачества способствовала выработке не просто геометрических орнаментов, а орнаментов, имеющих зеркальное отражение, — только тогда мастер мог не переворачивать ежеминутно на другую сторону закрепленный на деревянной раме ковер.

И вот на посуде мы находим отдельные узоры, па-рисованные по зеркальному принципу. Естественно напрашивается вывод: не заимствовали ли древние гончары некоторые орнаменты с ковров? Ведь именно современные туркменские орнаменты, особенно на текинских коврах, обнаруживают большое сходство с рисунками местной посуды середины III тыс. до н. э. и вместе с тем резко отличаются от узоров персидских и кавказских ковров.

Значительно изменяются и единичные зооморфные рисунки на керамике. Изредка, как бы по старой памяти наиболее консервативные гончары рисуют горных козлов, птиц, плывущих уток в реалистической манере.

Изделия древних коропластов теперь поразительно еди-

Расписные сосуды (III тыс. до н. э.). Улуг-Депе

нообразны. Это все те же женские статуэтки в традиционной сидячей позе, но, по-видимому, олицетворяющие не просто образ плодоносящей богини-матери, а все земные и подземные силы. К такому выводу приводит находка одной женской фигурки, на бедре которой наклеплена маленькая ползущая змея. А, как известно, образ змеи у многих народов Древнего Востока связывался с идеей бессмертия, с божеством подземного мира. Женские статуэтки со змеями были распространены не только на Востоке, но и в других районах, например в Средиземноморье.

Совершенствуется и техника обработки камня. Мастера по обработке камня используют уже специальные сверлильные инструменты и даже станки, на которых вытачиваются изящные симметричные сосуды разных форм, поражающие высокой художественной отделкой. Особенно эффектны высокие цилиндрические светильники из полупрозрачного мраморовидного камня. Их клали в могилы, чтобы они освещали дорогу в мрачное, темное царство

Каменные сосуды (III тыс. до н. э.). Геоксюр и Улуг-Депе

потустороннего мира. Некоторые имели съёмную крышку с отверстием для фитиля.

Глядя на ныне безмолвные руины былых поселений, на обилие черепков битой посуды, трудно представить себе, какие изменения происходили в обществе того времени, и лишь иногда какая-нибудь счастливая находка вдруг на миг оживит некоторые детали прошлого. Именно так и произошло при раскопках частного дома на Улуг-Депе.

Археологи вдруг обнаружили несколько каменных и терракотовых печатей. Как правило, они прямоугольной формы, с лицевой стороны украшены гравированным орнаментом в виде крестов, треугольников, пирамидок. С обратной стороны иногда имеется петелька-ручка, чаще два сквозных отверстия, через которые продевался шнурок. Такие же печати были в обиходе у жителей поселения Мундигах и энеолитических поселков на территории современного Пакистана. Этот факт указывает на направление древних связей между людьми, обитавшими в Южном

Туркменистане, Афганистане и Пакистане. Кроме того, скромные изделия свидетельствуют и о серьезных сдвигах в тогдашнем обществе. Печати — необходимый аксессуар купцов, торговцев, стремившихся узаконить свою личную собственность. И кто знает, не существовали ли в этих областях древнего мира посреднические торговые фактории, которые вели куплю-продажу? Ведь горожане долины р. Инда в Пакистане в изобилии имели хлопок для изготовления легких тканей, столь необходимых обитателям жарких районов Южного Туркменистана. В свою очередь они могли испытывать недостаток в ковровых изделиях и некоторых других предметах, которые имелись у южнотуркменистанских племен.

Впервые в это время вместо скромных святилищ предшествующего времени возводятся многометровые храмы, сложенные из сырцового кирпича. Остатки одного такого «кафедрального собора» открыты на столичном памятнике Алтын-Депе. Это монументальное здание еще не раскопано полностью. Однако мощная внешняя стена с горизонтальными выступами-пилястрами обещает в будущем приоткрыть завесу над одной из страниц истории древнейшего монументального зодчества, бесспорно существовавшего уже в столь отдаленную эпоху в Южном Туркменистане.

В руинах этого сооружения найдены прямоугольные терракотовые ларчики. Стенки их украшены резными крестами и пирамидками, сливающимися в сплошную орнаментальную «рубашку». Часто кресты и пирамидки окрашены внутри в ярко-красный или черный цвет, что производит эффектное впечатление. Верхние края ларчиков оформлены резными зубчатыми выступами, образующими своего рода фигурный парапет. Ларчики — несомненно культового назначения, они служили реликвариями и использовались в ритуальных церемониях.

Особенно большой прогресс намечается в технике обработки металла. Орудия из мягкой меди часто портятся, гнутся и уже не удовлетворяют требованиям древнего хозяйства. И металлурги все чаще добавляют олово к меди и получают более твердый и качественный сплав — бронзу. Бронзовые орудия выгодно отличаются теперь от медных. Именно в середине III тыс. до н. э. племена Южного Туркменистана вступили в новую эпоху — эпоху бронзы.

Человеческий гений делает дальнейшие шаги в своем поступательном развитии — шаги, все более приближающие его к достижениям нашего времени. Совершенствуется не только древняя металлургия, но и керамическое производство. Двухъярусная гончарная печь новой конструкции, где топка отделена от камеры обжига, оказывается настолько удачной, что, почти не изменяясь, доживает до наших дней! Приготовленные для обжига сосуды уже непосредственно не соприкасаются с огнем, и находятся в отдельной камере с регулируемой температурой обжига. И посуда получается более высококачественной.

Столь же значительные успехи отмечаются и в технике ее изготовления — на смену тяжелому, изнурительному ручному труду приходит гончарный круг. Теперь раскраска сосуда отнимает намного больше времени, чем его изготовление. Все чаще гончар в погоне за количеством стремится изготовить красивый по форме, но ничем не украшенный сосуд. На первых порах наиболее консервативные мастера еще продолжают по старинке раскрашивать свою продукцию ковровыми орнаментами, но делают они это небрежно, как бы второпях, стараясь догнать своего более передового конкурента из соседней мастерской. Нередко, отдавая дань вековым традициям, они просто капают черные кляксы, а вскоре роспись исчезает совсем. Так технический прогресс постепенно вырабатывает у людей новые художественные вкусы, заставляет гончаров искать новые формы.

Совершенный Вавилон

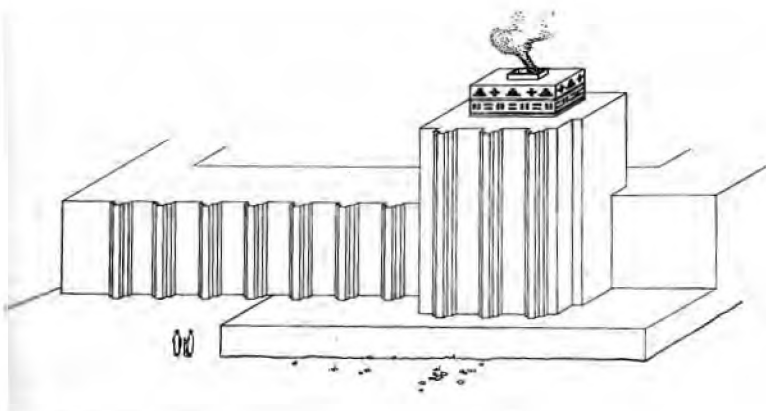
Когда первые путешественники и исследователи посетили руины древнего Вавилона, их негостеприимно встретили унылые холмы. Но вот прошли долгие годы упорного труда нескольких поколений археологов, и город, обретший вторую жизнь, заиграл яркими красками храмов и дворцов. История еще раз отступила в глубь веков, и человечество вновь познало самое себя у истоков одной из древнейших созданных им культур. Вскоре стало ясно, что юрская цивилизация древней Месопотамии состояла из целой плеяды звезд первой величины, а на ее परिфе-

рии сияло множество созвездий-спутников. Едва ли не наиболее северными из них были города, расположенные на юге Средней Азии и долгое время представлявшие бесформенными буграми, но сейчас заговорившие на своем собственном, весьма ярком и выразительном языке.

Северные форпосты городской цивилизации мы знаем пока лишь по современным названиям их оплывших руин — Алтын-Депе, Намазга-Депе и Улут-Депе. По своим размерам они уступают прославленному месопотамскому собрату, но тем не менее достаточно велики по сравнению с миниатюрными поселками первых земледельцев. Судя по площади руин, в каждом из них проживало около 10—12 тыс. человек. Древнейшие города на территории Средней Азии да и всего Советского Союза зарождаются еще в III тыс. до н. э., но лишь в начале II тыс. до н. э. достигают подлинного расцвета.

Подобно могущественному Вавилону, это глиняные города, насквозь прокаленные безжалостными лучами южного солнца. Из сырцового кирпича возводились многокомнатные дома, объединенные в обширные кварталы, между которыми струились узкие извилистые улочки. В отдельных случаях можно установить, что каждая семья имела в своем распоряжении две-три жилые и столько же хозяйственных комнат. В небольшом дворике находились кухонный очаг, печь для изготовления лепешек и каменная зернотерка, предоставлявшая хозяйкам большие возможности для проявления их трудолюбия. Казалось бы, эта мельчайшая единица человеческого общества несла в себе мало нового по сравнению с эпохой примитивных земледельцев. Однако она составляла часть огромной городской общины, само возникновение которой свидетельствовало о качественно новом этапе в истории общества. Это отразилось и на внешнем облике самого поселения. Как и в месопотамских городах, ритмичное однообразие жилых домов здесь нарушается величественными памятниками монументальной архитектуры.

Такие памятники археологи открыли в 1967 г. при раскопках Алтын-Депе, второй столицы среднеазиатских земледельцев. На северной окраине Алтын-Депе теснились дома и мастерские ремесленников. Жилые кварталы простирались в западной части поселения. Зато восточный фас древнего города оформлялся целым рядом парадных сооружений.

Реконструкция храма (II тыс. до н. э.). Алтын-Дене

В настоящее время раскопана лишь часть обширного комплекса, в состав которого входили различные строения из того же сырцового кирпича, что и дома рядовых обитателей Алтын-Дене. В одном из углов комплекса обнаружена массивная башня-платформа. Ее основание равнялось по фронту 27 м при 10-метровой ширине. Столь мощная платформа служила пьедесталом для величественной башни, чья 12-метровая высота определяла архитектурный облик всего комплекса. Внешний фас башни украшали выступы-пилястры, а на вершине ее располагался очаг-подиум, предназначавшийся для жертвенных церемоний. Рядом с башней возвышалось многокомнатное строение, его внешняя стена была также декорирована выступами-пилястрами. В целом монументальный комплекс, принадлежавший скорее всего к числу храмовых построек, достигал в длину почти 50 м. Его внушительный архитектурный облик напоминает строения Вавилона и Шумера. Это и господство массивных объемов, подавляющих зрителя, и членение гладь сырцовых стен ритмичными вертикалями выступов-пилястров. Вероятно, мысль о возведении массивной башни-платформы навеяна идеей месопотамских зиккуратов, увековеченных библейской легендой о вавилонской башне.

Чтобы общество получило возможность расходовать силы и средства на монументальные постройки, требо-

балась работа многих сотен безвестных тружеников в рамках налаженной экономической системы. Следы неустанного труда простого люда мы повсеместно встречаем при раскопках руин первых городов Средней Азии. Вот на многие десятки метров тянутся остатки квартала гончаров. Здесь среди жилых домов то и дело попадаются обвалившиеся своды массивных горнов для обжига глиняной посуды. Их толстые стены прокалены почти насквозь — температура бушевавшего внутри пламени поднималась почти до 1400° . При такой температуре вполне возможно производство фаянса, и неудивительно, что древним гончарам удавалось делать сосуды, толщина стенок которых нередко всего несколько миллиметров. Этому способствовало и повсеместное применение такого в общем-то несложного, но чрезвычайно важного инструмента, как гончарный круг. Высокая для своего времени техническая вооруженность отличала ремесленников первых городов от первобытных мастеров раннеземледельческих общин. Теперь уже гончарное производство выделялось в особое ремесло, обслуживаемое группой специалистов-профессионалов. Их продукция являлась подлинным украшением повседневного быта древних горожан. Стройные вазы на высоких точеных ножках, легкие кубки с прихотливым изгибом стенок, изящные кувшинчики удлиненных пропорций характеризуют не только отточенное мастерство керамистов, но и наличие устойчивых канонов, своего рода меды на сервизы строго определенного состава. Тонкий звенящий черепок четырехтысячелетней давности нередко не уступает по качеству современному фарфору. Глиняная посуда, найденная археологами почти в сказочном изобилии, свидетельствует о высоком уровне керамического искусства первых горожан юга Средней Азии.

В этих процветающих городах жило и трудилось множество других ремесленников самых различных специальностей. Важную роль среди них играли металлурги, но обнаружить следы их деятельности много труднее, чем следы деятельности гончаров. Рудные разработки находились далеко, металл заботливо берегли, и сломанные вещи тут же пускали в переплавку. Обработке подвергались уже почти все металлы, кроме железа. Широкое распространение получили сплавы меди с мышьяком или свинцом, называемые обычно мышьяковистой и свинцовой бронзами. Собственно бронза, т. е. сплав меди и олова, встре-

**Ваза на ножке
(II тыс. до н. э.).
Намазга-Дене**

чаются крайне редко, так как олово приходилось в этом случае доставать почти за тридевять земель. Знали в древности также латунь — сплав меди и цинка. Серебро шло как на мелкие украшения, так и на более массивные предметы. Возможно, таково же было назначение и золота, но археологам пока досталось лишь несколько золотых бус и листочков фольги из древних могил. Бронза шла на изготовление самых различных вещей — кинжалов, сосудов, зеркал, булавок, колец, браслетов, печатей. Непольным изяществом отличаются печати, нередко украшенные чеканкой и гравировкой.

Следует полагать, что значительная часть жителей трудилась на полях, орошавшихся водами подгорных ручьев при помощи несложной системы каналов. На большее расстояние от родных домов удалялись пастухи, в обя-

занности которых входила регулярная доставка мясных и молочных продуктов. Правда, передвигаться стало легче после внедрения колесного транспорта. Многочисленные модели повозок, преимущественно четырехколесных, как правило, сопровождаются и схематически вылепленными головами упряжных животных. Несколько неожиданно ими довольно часто бывают верблюды. Вероятно, тягловая сила животных использовалась и при обработке полей.

Труднее судить о торговой деятельности купцов северных городов, но ряд находок проливает свет и на эту сторону жизни городской цивилизации.

В одном из домов на Алтын-Депе какие-то рачительные хозяева заботливо припрятали в два внутривенных тайника вещи, которые они считали наиболее ценными. Среди них оказался стройный серый графин с тщательно отшлифованной поверхностью. Сосуды подобного типа не производились местными гончарами, создававшими изделия преимущественно светлых тонов. Да и сама форма графина не характерна для сервизов собственно алтынского производства. Между тем именно такие сосуды изготовлялись мастерами-керамистами североиранского поселения Тепе-Гиссар. Возможно, изящный графин послужил тарой для какого-либо сорта вина, очаровавшего своими качествами путника из далекого Алтын-Депе. Хозяин клада, весьма разносторонний коллекционер, вместе с иранским сосудом поместил в тайник изделия из слоновой кости, проделавшие еще более далекий путь, — плоские фишки квадратной или круглой формы, украшенные незатейливым орнаментом из процарапанных кружков, и три продолговатые палочки, на которых также были вырезаны кружки — с одной стороны три, с другой — два и с третьей — один. Идентичные предметы хорошо известны по раскопкам городов древнеиндийской цивилизации Хараппы. Санскритские тексты описывают аналогичные палочки, употреблявшиеся для гадания. Как в игре в кости, подбрасывались три палочки (именно три), и в зависимости от разного сочетания выпавших сторон давался соответствующий ответ.

Любопытным является и то обстоятельство, что вообще целый ряд самых различных поделок из Алтын-Депе — от глиняных сосудов до медных кивжалов и фаянсовых бус — напоминает по форме продукцию ремес-

ленников Индии. Наверное, индийские вещи нередко продавались на рынках северных городов и вызывали к жизни целый ряд местных подражаний. Из Средней Азии предприимчивые купцы могли привозить различные шерстяные изделия, включая ковры, да и шкуры овец, обладавшие высоким качеством в условиях почти круглогодичного выпаса стад в каракумских песках.

Конечно, размах торговли здесь не идет ни в какое сравнение с торговыми операциями купеческих корпораций Вавилона и других месопотамских городов. Но многочисленные караваны уходили из северной столицы не только на цивилизованный юг, но и к полуварварским племенам, поднимаясь все далее и далее к северным широтам. Отдельные вещи говорят о трудных и далеких дорогах древних путешественников.

В низовьях Зеравшана, почти за 500 км от Алтын-Дене, племена, ютившиеся в примитивных землянках, отнюдь не упускали случая воспользоваться благами цивилизации: прекрасно выделанные глиняные сосуды, разнообразные бусы причудливых форм, найденные в этих местах, явно изготовлены умелыми руками ремесленников Алтын-Дене или Намазга-Дене. Целый ряд других изделий местного производства бесспорно носит подражательный характер. Таким образом, раннегородская цивилизация юга Средней Азии становится мощным источником культурных влияний на соседние варварские племена. Ни мало вероятно, что и переход зеравшанских племен к скотоводству и земледелию — запоздалый северный вариант неолитической революции — произошел под влиянием высокоразвитых общин юга страны.

А цепочка связей тянется все дальше и дальше на север. Уже не в низовьях Зеравшана, а в верховьях, южно знаменитого центра раннесредневекового искусства Панджикента, встречен бронзовый топор явно кожных форм. Наконец, в Ферганской долине обнаружен целый клад предметов высокоразвитого городского ремесла — бронзовых и серебряных. Что побуждало отважных торговцев устремляться в далекие страны, какие прибыли они наделись получить в конце своего многотрудного пути? Вероятно, роль заманчивого золотого руна в данном случае играло олово (древние разработки его известны в Ферганской долине), в котором столь остро нуждались итифджикис Алтын-Дене. Здесь, как и повсюду в первых

Серебряная печать в виде трехглавого дракона (II тыс. до н. э.)
Алтын-Дене

городах, ремесло и торговля неизменно шли рука об руку.

Все это не только открывало большие возможности для всестороннего расцвета культуры, но и способствовало обогащению одних лиц в ущерб другим — семей более удачливых торговцев и членов замкнутой коллегии жрецов, племенных вождей и старейшин, чья должность из выборной превращалась в наследственную. Богатство и собственность, как ржа, разъедали то общество, которое их породило. Появились бедные и богатые, происходило деление общества на классы.

Ярче всего об этом свидетельствует неравномерность распределения погребальной утвари в древних могилах. Снаряжая покойника на тот свет, жители городов строго следовали имущественному неравенству, установившемуся на земле. Вот множество могил, где умершие помещены в простую яму, вырытую в земле. Редко-редко среди истлевших от времени костей попадает невазначная бусина. Вот усыпальница более состоятельной семьи. Специально возведенное помещение тесно заставлено глиняными и каменными сосудами. То и дело встречаются

кольца, ожерелья, металлические печати. Иногда материальные символы благосостояния сопровождают не группу родичей, а отдельных лиц. В Улуг-Депе в небольшой камере оказалось около трех десятков глиняных сосудов. В другой могиле, наоборот, нет сосудов, зато положена великолепная бронзовая печатка-амулет. Еще более эффектно открытое на Алтын-Депе погребение жрицы или колдуньи. Лежавшая на боку женщина средних лет сжимала в унизированной золотыми кольцами руке две женские статуэтки, рядом с ней — серебряная печать в виде фантастического трехглавого животного и около сотни бус из агата, сердолика, лазурита и золота.

К сожалению, ни на одном из памятников Средней Азии эпохи бронзы пока не обнаружено бесспорных свидетельств письменности. Однако различные символы и знаки на находимых здесь изделиях заставляют предполагать наличие какой-то упорядоченной системы. Серию меток, нанесенных до обжига, имеет группа керамических подставок. Но особый интерес представляют знаки, нацарапанные на туловище женских глиняных статуэток. Они объединяются в несколько групп, неизменно повторяющихся даже на памятниках, удаленных друг от друга на многие десятки километров. Некоторые знаки по внешнему виду напоминают архаические системы письма Шумера и Элама. Возможно, они связаны со специализацией различных женских божеств, и в таком случае знак звезды является символом богини неба, знак растительности — богини зерна, зигзаг — богини воды. Возможно, в городских общинах Средней Азии шел процесс выработки какой-либо архаической системы письма, и следует ждать находки глиняного архива, прольющего свет на неизвестные стороны жизни глиняных городов.

Таким образом, перед нами признаки формирующейся городской цивилизации. Крупные поселения, процветающие ремесла, налаженный обмен и торговля, монументальная архитектура, стремление к выражению образов в понятийной системой условных знаков и символов — все это закономерное завершение длительного процесса развития местной оседлоземледельческой культуры. Стены монументальных строений Алтын-Депе, этого своеобразного северного Вавилона, поднялись на границе каракумских песков как страж северных окраин системы городских цивилизаций. Торговые караваны, уходившие из Ал-

тын-Депе на юго-восток в далекую Индию и на юго-запад к цветущим городам Элама и Вавилонии, символизировали тесную взаимосвязь высокоразвитых культур Древнего Востока. Пока мы не знаем, произошло ли в Алтын-Депе обособление политической власти от общества, которое свидетельствовало бы о непримиримости классовых противоречий и о возникновении государства. Неизвестен нам и язык его древних жителей, само название их страны и городов. Скорее всего сложная машина государственного аппарата еще не образовалась. Но не следует забывать, что исследователи сделали только первые шаги по оплывшим руинам древних городов и что встающая из небытия новая городская цивилизация произнесла лишь свои первые слова, заняв сразу же подобающее место в мировой истории.

Глиняные женщины

Среди различных предметов, обнаруженных при раскопках первых городов Средней Азии, очень много глиняных фигурок женщин. Некоторые статуэтки, помещенные в могилы в качестве погребального инвентаря или с магическими целями замурованные в фундаменты домов, хорошо сохранились, от других уцелели обломки: головка с удивленно раскрытыми глазами, часть пышного бюста или широких бедер. В кварталах ремесленников, неподалеку от обжигательных печей встречаются и бракованные образцы, оплавившиеся в нестерпимом жару, не отрегулированном нерадивым подмастерьем. Количество таких находок просто поразительно. Глиняные женщины являлись характерным атрибутом быта и жизни этой пробуждающейся цивилизации. Сегодня они помогают приподнять непроницаемую завесу времени по крайней мере над тремя сторонами мировоззрения обитателей покинутых городов.

Прежде всего перед нами памятники искусства, ярко характеризующие художественный стиль и эстетические представления общества. Женские статуэтки эпохи бронзы имеют мало общего с объемным моделированием. Фигура сидящей или стоящей женщины передается с помощью фронтально развернутого силуэта. Голова на высо-

**Женская
терракотовая статуэтка
(II тыс. до н. э.).
Алтын-Дэпе**

ной стройной шее, руки, раскинутые в стороны, тонкая талия и широкие бедра, придающие всей фигуре броский скрипкообразный профиль, большие ромбовидные глаза, как бы гипнотизирующие своим всевидящим взглядом. Их монументальность подчеркивают высокий головной убор и разнообразные украшения на шее. Лицо обрамляют косы, ниспадающие на грудь. Вертикальную стройность фигуры подчеркивают горизонтальные процарапанные линии поясов, охватывающих бедра.

Терракотовая головка
(II тыс. до н. э.).
Алтып-Депе

Нивелирующее торжество условноплоскостного стиля в антропоморфной терракоте знаменует победу абстрактной условности над прямолинейным реализмом, с которым первобытный скульптор передавал обнаженную натуру располневшей женщины-матери, хотя, например, фигурки животных по-прежнему выполняются в лучших традициях объемной реалистической пластики. Может быть, торжество нового стиля тесно связано с тем смыслом, который вкладывали в глиняные фигурки их мастера и обладатели?

Так мы подходим к вопросу о религиозных представлениях древней эпохи. Бесспорно, глиняным фигуркам приписывалась особая магическая сила. Недаром их как символ оберега, надежности, как воплощение женского духа или божества замуровывали в фундаменты домов, а в коллективную семейную усыпальницу помещали глиняного идольчика, покровителя большесемейной общины. Причем если придавать определенное значение знакам на статуэтках, то можно предположить, что они образо-

вывали уже целый пантеон. И отвлеченно-абстрактный облик божеств этого пантеона, видимо, отражал усложненные формы религиозного мышления.

Терракотовые представительницы прекрасного пола отнюдь не были одиночки в своем замкнутом глиняном мирке: наряду с ними нередко встречаются и глиняные фигурки облаженных мужчин (правда, их гораздо меньше) с процарапанными в нижней части туловища изображениями ветви растения или колоса. Иногда таких ветвей даже две. Вероятно, фигурки использовались во время отправления аграрных культов и церемоний, пронизанных идеей взаимодействия и взаимовлияния плодородия земли и воспроизводящей способности и плодородия самого человека.

И наконец, глиняные женщины позволяют взглянуть на оставившее их общество еще с одной стороны. Во всех статуэтках ощущается определенный ритм пропорций. Есть основания полагать, что здесь нашел отражение канон женской красоты, господствовавший в Алтын-Дзее, — ведь человек конструировал внешний облик небожителей по образу и подобию своему. Решающую роль в тектонике силуэта играло соотношение тонкой талии и широких бедер, которое, по материалам Алтын-Дзее, составляло 1:2 или 1:2,5, а иногда 1:2,75 или даже 1:3. Основная тенденция совершенно ясна: это традиционное для Востока предпочтение пышнобедрых женщин с тонкой талией. Несколько веков спустя их прославляют художники и скульпторы Древней Индии. Как и во многих других случаях, за холодным равнодушием обожженной глины скрывается пульсирующее биение реальной жизни, сила, слабости, надежды и идеалы человека.

Кочевая лавина

Крупные городские центры юга Средней Азии, которые достигли расцвета в начале II тыс. до н. э., через несколько столетий приходят в упадок. Жители страны, как и в эпоху неолита, теснятся теперь в маленьких деревушках, а опустевшие руины городов используются в качестве кладбищ. Под знаком регресса развиваются почти все области культуры. Печати встречаются крайне редко, вме-

сто изящной, легкой керамики преобладают сосуды грубых, тяжеловесных форм, женские фигурки со знаками исчезают. Невольно вспоминается горестная литургия, составленная шумерскими жрецами после вражеского нашествия:

Вне города окрестности города воистину разрушены
(увы, мой город! — скажу я),
Внутри города внутренний город воистину разрушен
(увы, мой дом! — скажу я),
Моя дома внутри города воистину разрушены
(увы, мой дом! — скажу я),
Город мой, как непорочная овца, не пасется — ушел
его истинный пастырь!¹

Однако задача современных ученых заключается не в оплакивании погибших цивилизаций, а в объяснении исторических процессов.

Совершенно ясно, что перед нами одна из загадок, столь часто встающих на пути исторической науки. По доброй ли воле покинули горожане родные пепелища? Что остановило стремительный прогресс — вражеское вторжение или кризис внутри самого общества, оказавшегося не в состоянии справиться с силами, им же самим вызванными к жизни? Приходится постепенно распутывать этот сложный клубок.

Прежде всего обращают на себя внимание древние могилы. Небольшие курганы из наспех набросанных каменных глыб тянутся почти от Каспийского моря до границ древнеземледельческих оазисов. Найденная при раскопках глиняная посуда говорит о том, что их оставили племена отнюдь не местного происхождения, а выходцы из степей европейской части СССР, и в частности из Поволжья, — представители так называемой срубной культуры. Установлено, что во II тыс. до н. э. влияние этой культуры распространяется далеко на восток, охватывая обширные пространства Западного Казахстана. И вот теперь — свидетельство продвижения срубных племен еще дальше, в глубь Азии. Глиняные черепки на стоянках показывают, что степняки стиснули земледельческие оа-

¹ И. М. Дьяконов, *Общественный и государственный строй древнего Двуречья*. М., 1959, стр. 270.

зисы плотным полукольцом. Трудно предположить, будто подобное соседство ограничивалось лишь мирным сосуществованием. Естественно напрашивается мысль о том, что именно вторжение воинственных степняков стало одной из причин упадка древней цивилизации, подобно тому как в том же II тыс. до н. э. дорийское нашествие сокрушило городскую культуру Микен.

В пору поздней бронзы племена степняков заняли почти всю Среднюю Азию, разлившись широким потоком от берегов Каспийского моря до высокогорных долин Тянь-Шаня. Культурные связи этих племен тянулись на север, на территорию распространения второго гиганта бронзового века — андроновской культуры. Андроновские племена, соседи и современники племен срубной культуры, жили на обширной территории Казахстана и Южной Сибири. Подвижный образ жизни скотоводов также способствовал их сравнительно легкому передвижению по степным просторам, и вот в число их пастбищ уже вошли среднеазиатские территории. В Фергане многочисленные остатки развеевннх стойбищ этих племен обследованы в местности Кайракумы вдоль берегов Сырдарьи. Встречаются здесь и их могильники. Развеевнне стойбища и отдельные могилы со скромным погребальным инвентарем застаем мы в низовьях Зеравшана.

Особая группа племен обитала на территории Хорезма, где культура также носит следы влияния срубных племен. Хорезмийские поселения состояли из прямоугольных полуземлянок, крышу которых поддерживали деревянные столбы. В целом жилища мало изменились с неолитического времени — прочные глинобитные дома еще отсутствовали. Однообразием и бедностью веет от погребального инвентаря хорезмийских могильников. Несколько грубых горшков, простые украшения из камня и бронзы, бронзовые иглы и шилья — вот, собственно, и весь набор вещей, сопровождавших хорезмийцев в их путешествии на тот свет. Да и то эти предметы далеко не в каждой могиле. Правда, интересны парные захоронения, когда в могильную яму, иногда по прошествии длительного срока, помещали второго покойника. Скорее всего перед нами семейные склепы. Конечно, не все степняки были такими уж безнадежными бедняками. Около Самарканда обнаружена могила, содержащая зеркало, 4 браслета, височные серьги, кольца и более 1000 серебряных бус.

Памятники иной культуры, но также степного круга, открыты недавно в Южном Таджикистане по берегам рек, впадающих в Амударью. Причем могильников намного больше, чем поселений: кладбища являлись наиболее оседлым элементом в подвижном быту. В ранних погребениях труп сжигался, а па две могилы из камней выкладывался знак в виде свастики или колеса со спицами. Позднее трупосожжения прекратились, но па две могильной ямы из камней выкладывался небольшой очаг прямоугольной или круглой формы. Теперь уже степняки, видимо, вступили в контакт с какими-то высокоразвитыми культурами: в могилах нередко попадаются превосходные глиняные сосуды, иногда бронзовые ножи, зеркала и булавки. У берегов Амударьи эти могильники как бы завершают победное шествие по территории Средней Азии культуры степной бронзы.

И вот мы подходим к одной из узловых проблем мировой истории. Арии, арийцы, арийский — какие только научные и политические аспекты не связаны с этим древним самоназванием индо-иранских племен. Десятки исследователей, спеша покрыть свое имя неуывдаемой славой, объявляли об открытии ими арийских памятников и арийской культуры. Темные политические дельцы спекулировали на псевдонаучных теориях. Все это в невероятной степени затрудняет беспристрастное научное исследование данного вопроса. И тем не менее новые находки делают его рассмотрение все более перспективным.

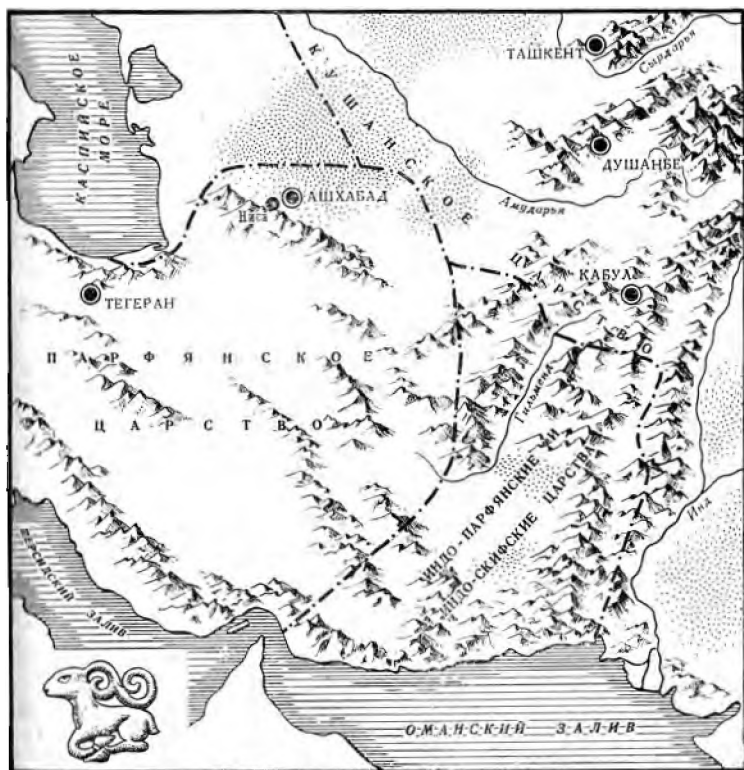
В настоящее время ряд исследователей пришел к заключению, что во II тыс. до н. э. происходил процесс расселения индо-иранских племен. Именно поэтому в приамударьинских могильниках археологи сталкиваются со следами обряда трупосожжения, культа огня, символов в виде свастики. Все эти черты имеют прямые параллели в обычаях и культах ведических ариев Индии.

Однако передвигавшиеся степняки отнюдь не уничтожали местное население, а постепенно сливались с ним, нередко воспринимая более высокие культурные традиции аборигенов. Наиболее пыльные из них брали местных красавиц в жены. Контакты, взаимодействие, ассимиляция, а не резкая смена и взаимное уничтожение были характерной чертой древней истории. В результате складывается целый ряд локальных культур, в различной степени сочетающих местные традиции и привнесенные нов-

шества. Возможно, в ряде случаев пришельцы замедлили естественный ход развития оседлых культур, но зато вли-ли новые жизненные силы в одряхлевшие общества. Уста-повление и уточнение этой конкретной исторической кар-тины еще долгие годы будет предметом яростных споров историков и археологов. Пока же с уверенностью можно сказать, что появление в Средней Азии во II тыс. до н. э. племен степной бронзы прямо и непосредственно соотносится с образованием основных этнических групп как на этой территории, так и в прилегающих странах.

Хотя скотоводческие племена и сыграли большую роль в жизни Средней Азии II тыс. до н. э., магистральная линия развития страны связана все-таки с земледельче-скими оазисами. На протяжении эпохи поздней бронзы число этих оазисов заметно увеличивается. Земледельцы юга, покинувшие свои запустевшие города, осваивают до-лину р. Мургаба, область, где позднее возникает один из крупнейших городов Востока — древний Мерв. Поселения оседлых земледельцев и ремесленников появляются около Тормеза. Весьма своеобразная оседлоземледельческая куль-тура зарождается в Ферганской долине, существуя бок о бок со степными племенами. Глубокие изменения проис-ходят и в среде степняков — осев в низовьях Амударьи, древнем Хорезме, они постепенно все более склоняются к труду земледельцев и проводят первые каналы для оро-шения полей. Прогресс этих оседлых оазисов и определил в первую очередь дальнейшую историю Средней Азии. Древняя цивилизация, пройдя годину суровых испытаний, шла навстречу своему новому взлету и расцвету.

САМЫЙ ВОСТОЧНЫЙ ЭЛЛИНИЗМ

Прошли десятилетия, и Средняя Азия, как сказочная птица Феникс, возродилась из пепла. Новые города, бронзовые орудия, усовершенствованная техника земледелия, освоение оазисов, общее развитие ремесла, углубление классовых противоречий возвестили о наступлении новой эры.

В мощную броню городских укреплений одевается городище Элькен-Депе в Южном Туркменистане. Далеко на востоке, в глубине пустыни Каракумы, в дельтовом веере р. Мургаба, возникают поселки. Толстыми стенами величественной цитадели, поднятой на восьмиметровую кирпичную платформу, отгораживается от простого люда владетель Яз-Депе. В подсобных помещениях его двухэтажного дворца с вытянутыми коридорами и парадным залом сложены в большие пирамиды боевые ядра, приготовленные на случай внезапного нападения чужаков.

В мастерских ремесленников-металлистов стучат молотками кузнецы, выковывая бронзовые наконечники стрел, ножи, кинжалы и даже железные серпы для жатвы. Под однообразный шум вертящегося гончарного круга работают мастера-керамисты, пытаясь удовлетворить вкусы общества. А они изменились. Совсем исчезла традиционная для южнотуркменистанских племен медкая терракотовая пластика и неожиданно возродилась техника росписи посуды. Модными стали сосуды, вылепленные просто от руки. Слово за словом и подражая искусству неолитических гончаров, современники Элькен-Депе и Яз-Депе с былым усердием украшают свою продукцию красно-коричневыми узорами из геометрических фигур. Но те-

перь они далеки от прежнего совершенства, хотя, наверное, вполне устраивают вчерашних непритязательных кочевников. Этот «варварский ренессанс» далекой истории побеждает в керамическом искусстве не только на территории Южного Туркменистана, но и современного Афганистана и Ирана. Такая же расписная посуда найдена на поселениях Мундигак и Нади-Али.

А массы вчерашних кочевников расселяются все дальше. Те, кто не смог разместиться в издревле существовавших земледельческих оазисах, ищут новые места. Именно в это время появляются первые земледельческие поселения Узбекистана — Чуст и Дальверзин, поселения в Ферганской долине и ряде других областей среднеазиатского мира. Колонисты обводят поселения по периметру оборонительными стенами и продолжают вести, как и в далекой метрополии, земледельческо-скотоводческий образ жизни.

Мужское коварство и женское мужество

К середине I тыс. до н. э. Средняя Азия превращается в страну, которой суждено было сыграть важную роль в тогдашней мировой истории. Два греческих историка — оба выходцы из Малой Азии — Геродот из Галикарнаса и Ктесий из Книды донесли до нас свидетельства прошедших времен. Ктесий Книдский, врач по профессии, при каких-то не вполне ясных обстоятельствах попал в Персию как пленник, где и прожил 17 лет в Сузах в качестве придворного врача ахеменидского царя Артаксеркса II. Находясь в далекой от его родины Персии, Ктесий живо интересовался не только современными ему событиями начала IV в. до н. э., но и историческими преданиями, связанными с основанием Ахеменидского царства. Возвратившись на родину, он описал все услышанное и увиденное в своих сочинениях. Новейшие археологические открытия подтверждают достоверность многих из его повествований.

Итак, в середине VI в. до н. э. честолюбивый правитель небольшой горной мидийской области на юго-западе Ирана — Кир II из неизвестного до того рода Ахеменидов, воспользовавшись династийными неурядицами,

сверг мидийского царя и за короткий срок подчинил всю Переднюю Азию. Для окончательного торжества замыслов Кира ему оставалось завоевать Среднюю Азию. Вначале судьба благоприятствовала ему. Присоединив Парфию и Гирканию — области древнего Закаспия, персы двинулись на Бактрию. По словам Ктесия, борьба шла с переменным успехом, но в конце концов Бактрия и основные земледельческие районы Средней Азии, такие, как Маргиана в низовьях р. Мургаба, Согд в междуречье Амударьи и Сырдарьи и Хорезм были подчинены. Теперь огромная Ахеменидская держава простиралась от берегов Средиземного моря до долины р. Инда и от Хорезма до Индийского океана. Но существовал кочевой мир среднеазиатских степей, туманно именуемый греко-римскими летописцами Скифией. Чтобы укрепить северовосточные границы империи, персы не могли не покорить скифов-массагетов, кочевавших в междуречье Сырдарьи и Амударьи, вблизи Согда и Хорезма.

Во главе воинственных и многочисленных массагетов стояла женщина Томирис. Кир, видимо, учитывая всю опасность предприятия, попытался хитростью склонить Томирис на свою сторону. По словам Геродота, персидский царь послал послов «с льстивыми речами, желая взять ее в жены... Томирис же, понимая, что ему нужна не она, а царство массагетов, не приняла послов». С этого и началась кровопролитная война. По совету бывшего лидийского царя Креза, Кир с основными силами переправился через реку, оставив позади слабозащищенный лагерь, а в нем кувшины, полные вина, и дорогие яства. Массагеты во главе с сыном Томирис — Спаргаписом легко овладели брошенным лагерем. И тут опьяневшие воины стали добычей персов, которые ворвались в лагерь. Очнувшийся Спаргапис попал в плен и, убедившись в коварстве врагов, покончил с собой.

Получив трагическую весть о гибели сына, Томирис собрала новое войско и двинулась на персов. В 529 г. до н. э. разыгралась жесточайшая битва, в которой персы потерпели поражение. Отрубленную голову Кира Томирис, еще раньше поклявшаяся «досыта напоить Кира кровью», приказала опустить в мех, наполненный кровью. Так погиб основатель Ахеменидской державы Кир «Великий», сложив свою голову в далеких среднеазиатских степях.

Эта сенсационная смерть привела к ряду мятежей в подвластных Ахеменидской империи областях. Однако преемник Кира, его старший сын Камбис, довольно быстро подавил мятежи и даже сумел получить тело отца, которое похоронил на его родине в Пасаргадах.

Конечно, детали рассказа носят полуполюгендарный характер, но, несомненно, в основе его лежат реальные события.

Несмотря на блистательную победу кочевников над основателем «мировой империи» Киrom, Средняя Азия вошла в состав державы Ахеменидов. Центральное правительство назначало сюда своего наместника — сатрапа. Он следил за поступлением налогов в царскую казну. Время от времени в разных областях империи поднимались восстания, особенно в среднеазиатских областях. В ущелье Бехистун в Иране до сих пор сохранилась надпись, выбитая на скале по распоряжению ахеменидского царя Дария I. В ней говорится о большом антиперсидском восстании в области Маргиана (современная Туркмения) во главе с маргианцем Фрадой, о том, что 10 декабря 522 г. до н. э. произошло кровопролитное сражение, в котором восставшие были разбиты. Эти сведения соответствуют действительности — советские археологи нашли опустошенные верными персидскому царю войсками маргианские поселения.

Годом позже снова вспыхивает крупное восстание. В его подавлении участвует сам Дарий I. 12 июля 521 г. до н. э. у стен города Патиграбана (Элькен-Дене) разгорается столь жестокая битва между восставшими парфянами и персами, что до сих пор цитадель Элькен-Дене хранит следы насильственного разрушения и пожаров.

Тщательный анализ источников позволил советским историкам показать, что это были широкие народные восстания, в которых, видимо, участвовало практически все население этих оазисов. Восставшие ставили своей целью освобождение от жестокого ига завоевателей.

Однако центральная власть была еще очень сильна и подвластным народам приходилось подчиняться ей и сотрудничать с ней. Наиболее энергичные и деятельные выходцы из Средней Азии занимают даже некоторые важные посты в системе ахеменидской администрации. Так, на острове Элефантина (на р. Ниле) в конце V в. до н. э. служил воин-хорезмиец, а другой его земляк

Грифон. Бронзовая статуэтка. Амударьинский клад

правил г. Сестом на европейском берегу Дарданелл. Саксконыки составили персидский гарнизон Мемфиса в Египте. Особенным мужеством отличались сакские конники, принимавшие участие вместе с персидскими войсками в знаменитой Марафонской битве.

В общем жизнь среднеазиатских народов при ахеменидских царях не стояла на месте. О больших успехах прикладного искусства этого времени стало известно по случайной находке, сделанной в конце XIX в. в Южном Таджикистане, на территории бывшего Бактрийского царства. Воды бурной Амударьи ежегодно подмывают берега. И вот на правом берегу обнажился богатейший клад золотых и серебряных вещей. В 1887 г. бухарские купцы, направлявшиеся в Индию, по пути остановились в местечке Кобадиян и приобрели у местных жителей этот так называемый амударьинский клад, намереваясь с выгодой перепродать его индийским антикварам. После сложных перипетий, после того как находка успела побывать еще и в руках у разбойников, «амударьинский клад» попал к английским чиновникам, служившим в Индии. Сейчас

Золотой браслет. Амударьинский клад

эти изделия украшают экспозиции Британского музея в Лондоне. Здесь золотые и серебряные монеты и статуэтки, сосуды, браслеты и медальоны. Золотая модель колесницы, запряженной четырьмя лошадьми, со стоящими в ней фигурами вельможи и возницы отличается необычайной тонкостью моделировки. Золотые браслеты с фигурами крылатых грифонов, серебряные ручки сосудов, отлитые в виде рогатых козлов, фантастические существа со змеиным телом и головой птицы отражают влияние искусства «скифского звериного стиля». Все зооморфные фигуры изображены в стремительном движении, в необычных позах и разворотах.

Мы вряд ли когда-нибудь узнаем, кто был владельцем этих сокровищ и когда он закопал их на пустынном берегу Амударьи. Но, судя по монетам, вероятно, где-то во II—I вв. до н. э., в смутное время среднеазиатской античности.

Ясно одно: «амударьинский клад» — яркое свидетельство высокого развития ювелирного искусства у народов, входивших в состав Ахеменидской державы.

Греческие штандарты на берегах Амударьи

Пока ахеменидские государи, создавшие мировую империю, купались в лучах славы, присваивая себе все новые титулы, из которых «царь царей» был еще не самым громким, в далекой Греции, омываемой волнами Средиземного моря, совершались важные события.

В 336 г. до н. а. не без хитроумных интриг персидского царя Оарса от руки заговорщиков умер царь Филипп Македонский, незадолго до того объединивший под своей властью всю Грецию. Престол занял молодой Александр, с первых же шагов взявшийся за тщательную подготовку военных походов. Честолюбивый царь не забыл ни о чем: ни о военной мощи Ахеменидов, ни о политической ситуации, ни даже об историках, призванных описать его будущие подвиги. Уже через два года после своего воцарения Александр высадился в Малой Азии со «скромными» целями — освободить и присоединить к метрополии греческие города и колонии. В первой же битве на р. Граник македонцы довольно легко добились победы, хотя сам Александр чуть не погиб и был спасен от смерти своим другом Клитом, тем самым Клитом, которого он убьет через несколько лет в Средней Азии.

Под Иссом Александр наголову разбил персидскую армию, и вскоре вся Малая Азия оказалась в его руках. Убедившись в полной бездарности Дария III как военачальника, Александр не устоял перед соблазном покорить всю Ахеменидскую державу. Но он не стал преследовать убежавшего Дария, а бросил свои фаланги на юг в Сирию и Финикию и захватил Дамаск. Гордо отвергнув мирные предложения и богатую контрибуцию персов, Александр овладел Египтом. Уже здесь он показал себя пронырливым политиком. Александр убедился, что в условиях восточной деспотии обожествление личности царя является политической необходимостью. С железным упорством он проводил эту линию и в дальнейшем, несмотря на отчаянное сопротивление самих греков и даже ближайших своих друзей и сподвижников.

Недаром через две тысячи лет здесь, в Египте, его слава обожествленного царя не будет давать покоя другому полководцу, маленькому корсиканцу, выросшему благодаря своему военному гению в гигантскую фигуру, за-

словившую на время все остальные. Удивительно, до чего характеры этих двух людей похожи. Играя в демократию, они шагали пешком, деля все тяготы изнурительного пути со своими солдатами — Наполеон из Сирии, Александр из Индии. Блестящие полководцы, прекрасно учитывающие фактор внезапного нападения, быстрого марша, они одерживали победу за победой над превосходящим противником. Незаурядные политики, дипломаты, они раскалывали враждебные им коалиции, ловко используя человеческие слабости врагов. Жестоко расправляясь с непокорными, сжигая дотла целые селения и города, они проявляли большую гибкость по отношению к тем, кто готов был сотрудничать с ними. В подходящих случаях они привлекали солдатскую массу на свою сторону для «народной» расправы с неугодными им влиятельными лицами.

Однако вернемся к событиям осени 331 г. до н. э. В битве при Гавгамелах персы потерпели окончательное поражение. Дарий бежал, но придворные заговорщики схватили его и убили. Казалось, македонский царь добился всего, о чем мечтал. К маленькой Македонии он присоединил за ничтожно короткий срок огромное по тому времени государство, в руки Александра попали несметные сокровища ахеменидской казны. Но, опьяненный блестящими победами, он вынашивал честолюбивые планы в создании державы, не уступающей по размерам державе Кира, для чего оставалось лишь покорить Среднеазиатские страны.

Если войну с Персией ему еще удавалось представить как освободительную и вести под лозунгом мести за кровавые ужасы и притеснения, которые в прошлом понесла Греция, то новая война уже выглядела захватнической и непопулярной. Греческие войска устали и хотели возвращения на родину.

После убийства Дария персидский вельможа Бесс, бывший наместник Бактрии, провозгласил себя «царем Азии» и возглавил борьбу с македонцами. Преследуя его, Александр вступил в Парфию, находившуюся на территории современного Туркменистана. И вряд ли, оглядывая унылый пейзаж этой гористой страны, он мог предполагать, что войска его на три года увязнут в среднеазиатских просторах. Правитель Парфии изъявил покорность, и вскоре она стала плацдармом для дальнейшего завоева-

ния Средней Азии. Преследуя Бесса, македонцы дошли до Амударьи и остановились перед бурными водами. Отпустив на родину престарелых и больных ветеранов и щедро наградив их, Александр решил форсировать реку. Место переправы находилось то ли около г. Термеза, то ли около г. Келифа, где левый берег выше правого. Пять дней греческие войска преодолевали водную преграду. Здесь-то и следовало Бессу напасть на македонцев, но он этого не сделал. Кроме того, в антимакедонском лагере назревал раскол. Против перса Бесса выступила недовольная им группировка во главе с согдийцем Спитаменой.

Такая развязка диктовалась всем ходом событий — в народной войне, которая развертывалась в Средней Азии, войне против новых завоевателей, вождем мог стать только уроженец этой страны, каковым и являлся Спитамена, а не Бесс — перс, старый враг, родственник ахеменидских царей, столько лет угнетавших местное население.

Арестовав Бесса, заговорщики известили Александра о готовности выдать ему незадачливого «царя Азии». Опасаясь ловушки, Александр выслал очень большой отряд во главе с Птолемеем Лагом, тем самым, который после смерти своего шефа основал новую династию в Египте. Птолемей во время походов вел записи событий; на них позднее ссылались многие античные историки. По его словам, при виде такого отряда мятежники в свою очередь заподозрили недоброе, оставили связанного Бесса в хорошо укрепленном поселке, а сами бежали в пустыню. Бесса выдали македонцам. Нагого, закованного в кандалы, с цепью на шее его привели в ставку греков, и тут Александр стал стыдить его не за антигреческую борьбу, а за вероломное убийство законного царя Дария. Это был ловкий политический жест дальновидного македонца, готовившего почву для собственного «законного» наследования ахеменидского трона.

Вступив в пределы современного Южного Узбекистана, Александр уже с первых дней проявил жестокость по отношению к... соотечественникам. По пути македонцам попался городок, населенный бранхидами, потомками того милетского рода бранхидов, которые отдали в свое время Ксерксу сокровища храма Аполлона и, боясь месть, упростили Ксеркса переселить их в глубь империи. Их потомки, радостно встретив земляков, беспрепятственно впустили их в свой городок. Александр передал ре-

шение их судьбы милетцам, которые находились в его армии, однако мнения разошлись. Тогда он сам, взяв милетский отряд, вырезал всех бранхидов, а городок разрушил до основания. Даже самые горячие папегиристы античности, прославлявшие в своих писаниях деяния Александра, осуждают его за этот поступок, говоря: «...так искупили грех предков потомки, которые сами и не видели Милета».

Довольно быстро македонцы овладели цветущей Согдианой — областью, расположенной в междуречье Амударьи и Сырдарьи, и без особого труда вошли в г. Мараканду (современный Самарканд). Оставив большой гарнизон в Мараканде и окрестных поселениях, Александр двинулся дальше на север в страну, занятую неизвестными грекам скифами, некогда победившими царя Кира.

В районе современного г. Джизак небольшой греческий отряд отправился за провиантом в окрестные села, причем не обошлось без насилий. Возмущенные жители не только перебили отряд, но и уничтожили несколько мелких гарнизонов. Александр лично принял участие в карательных действиях, хотя был тяжело ранен стрелой в ногу. Казалось, порядок удалось восстановить. Выйдя к Сырдарье, Александр завязал переговоры со скифскими вождями. А пока продолжались переговоры, хотел построить здесь укрепленный город — своеобразный форпост против возможного нападения скифских полчищ. Однако вместо этого ему пришлось круто изменить свою политику — в тылу, в Согде и Бактрии, вспыхнуло мощное восстание под руководством все того же Спитамены. Александр обрушился на восставших. Мстя за вырезанные греческие гарнизоны, он в течение двух дней захватил и сровнял с землей пять городов, все мужское население перебил, а женщин и детей обратил в рабство. Остался лишь сильно укрепленный город Кирополь (на месте современного Ура-Тюбе в Узбекистане), где находилось около 18 тыс. оборонявшихся. Македонцы ввели в действие осадные машины. Это не помогло. Тогда нетерпеливый Александр пустился на хитрость и поставил на карту даже собственную жизнь. Воспользовавшись тем, что внимание оборонявшихся было отвлечено осадными машинами, Александр вместе с несколькими телохранителями по сухому руслу, идущему в город, проник в него и сумел открыть ворота, в которые хлынули македонцы.

Жестокий бой разгорелся внутри города. Александр лично участвовал в самых опасных схватках и получил тяжелое ранение в голову. Оценив всю шаткость положения на самой восточной окраине, он понял, что с помощью одних греческих отрядов закрепиться невозможно, и включил в состав македонской армии согдийских и бактрийских всадников. (Как правило, всадниками являлись дети местных аристократов, через которых Александр намеревался в будущем управлять среднеазиатскими областями).

Но отсрочка не заслонила перед македонским царем главной опасности. Еще во время подавления восстания в Согде и Бактрии грекам стало известно, что огромные массы скифов сконились на берегу Сырдарьи. Они выжидали исхода восстания, и только неудача, постигшая повстанцев, удержала их от военного вмешательства. Александр снова обратился к мысли о создании городских укреплений на границе со скифами. И опять Спитамена пытался сорвать его планы, подняв новое восстание в Согдиане и окружив греческий гарнизон в Мараканде. Македонцы оказались в исключительно трудном положении. С одной стороны нависли полчища скифских всадников, с другой стороны, в тылу — восставшие согдийцы. Большой, настолько ослабевший от раны, что он не мог сесть на коня, Александр в этот критический момент проявил свои способности. Молодой македонский царь, которого Ф. Энгельс называл «одним из лучших кавалерийских командиров всех времен»¹, не растерялся и нашел единственно правильный выход: он отправил отряд для освобождения Мараканды, а сам перед лицом грозной опасности за невиданно короткий срок около современного Ленинабада возвел укрепленный город — Александрия Эсхата (Крайняя). Эту крепость Александр заселил греческими наемниками, захваченными пленниками и пленницами. Основание нового города было отмечено пышными торжествами, жертвоприношениями, конскими скачками и гимнастическими играми.

Воинственно настроенные скифы никак не решались переправиться на левый берег и напасть на город. Тогда Александр, как бы искушая судьбу, пошел на отчаянный риск — со сравнительно малочисленным войском он первый форсировал Сырдарью. За спиной у греков не

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 14, стр. 290.

было ничего, кроме бурной реки, им оставалось или победить, или умереть. Скифы, пользуясь численным превосходством, стали охватывать с флангов македонцев, но Александр, растянув копницу в одну линию, лично повел ее в атаку. Скифы не выдержали, бежали и вскоре высылали послов для заключения мира. Это вполне устраивало македонцев — они получили известие, что отряд, посланный на помощь гарнизону в Мараканде, погиб.

Как оказалось, пока шла битва со скифами, Спитамена завлек отряд, спешивший на помощь Мараканде, далеко за пределы Согдианы. Понеся большие потери, македонцы построились плотным квадратом и начали медленно отступать к р. Политимет (современный Зеравшан). В результате несогласованных действий в рядах македонцев произошло замешательство, и войска Спитамены уничтожили почти весь отряд. Греки потерпели первое крупное поражение.

Александр с небольшим войском, быстрым маршем преодолел за трое суток 1500 стадий¹, выходит к Мараканде, но Спитамена опять уклоняется от решительного боя. Придя на место бесславной гибели своего отряда, македонцы предают погребению убитых и приносят жертвы. Жестоко наказав восставших, Александр уводит свои войска на зимние квартиры в Бактрию. Пользуясь передышкой, македонский царь размышляет над выработкой более осторожной тактики, он действует теперь, где можно, уговорами и только при явном отказе применяет военную силу. Больше того, Александр строит новые и восстанавливает старые города Согдианы, заселяет их смешанным населением — греками, непригодными к военной службе, и согдийцами. Этим Александр преследует далеко идущие цели — сблизить пришельцев и аборигенов и тем самым ограничить возможность новых антимакедонских выступлений.

Хотя после ряда поражений влияние Спитамены пошатнулось, он не оставляет надежд на победу. Внезапно он с небольшим отрядом захватывает небольшое поселение в Бактрии и вырезает там греческий гарнизон. Верный своей тактике ведения партизанской борьбы, Спитамена уклоняется от битвы, совершая внезапные вылаз-

¹ Стадий — единица измерения расстояний в древних системах мер многих народов, равная примерно 200 м.

ки. Чувствуя свою слабость, он обращается за помощью к скифам-массагетам, но последние при случае не прочь были пограбить и местных жителей — бактрийцев и согдийцев. И действительно, в решительном бою Спитамена терпит поражение, а согдийцы и бактрийцы сдаются македонцам. Ненадежная конница массагетов, разграбив обоз сдавшихся, бежит в степь. Узнав, что их преследуют македонцы, они вероломно убивают Спитамену, а голову его отправляют Александру. Так погибает неутомимый борец за освобождение своей родины от чужеземных захватчиков. Со смертью Спитамены основной накал борьбы спадает, но положение македонцев остается все-таки непрочным. Солдаты, уставшие от битв, мечтают о возвращении на родину, в Элладу.

В перерывах между походами Александр устраивает роскошные пиры. На одном из них, в Мараканде Клит, некогда спасший царя от верной смерти, не выдержав, зло стыдит и обличает его. Он даже цитирует Еврипида:

...Как ложен суд толпы! Когда трофей
У эллинов победный ставит войско
Между врагов лежащих, то не те
Прославлены, которые трудились,
А вождь один себе хвалу берет...¹

Опьяненный чрезмерными возлияниями, Александр в гнев убивает Клита, хотя потом горько сожалеет о содеянном и даже хочет покончить с собой.

В ставке царя зреет оппозиция. Показателем заговор «пажей» — молодых юношей из македонской знати, прислуживавших царю. Заговорщики решили убить царя во время сна, но были разоблачены и перебиты камнями. Александр, следуя своей дальновидной политике, осуществляет ряд рискованных мероприятий. Он демонстративно вводит при своем дворе персидские обычаи, смеяет греческую одежду на персидскую, приближает к себе местную аристократию, нередко за счет бывших друзей и соратников. Он женится на дочери одного бактрийского вельможи красавице Роксане, женит около 10 тыс. македонян на дочерях персидской и бактрийской знати, отби-

¹ Цит. по кн.: Курций Руф. История Александра Македонского. М., 1963, стр. 303.

рает 30 тыс. юношей из согдийцев, бактрийцев, парфян и обучает их греческому языку, обычаям, включает в свою армию на равных правах с греками. Отвечая на упреки в насаждении персидских нравов, он говорит, что нельзя управлять таким государством, если не передавать другим свое и не учиться у них самим.

И тем не менее Александр снова вынужден заниматься карательными действиями. После усмирения горных областей Южного Таджикистана в 327 г. до н. э. македонский царь получает возможность осуществить свою давнюю мечту — начать Индийский поход. На р. Гидаспе он одерживает первую победу и намеревается идти дальше, но армия отказывается двигаться вперед. Изможденная, сильно поредевшая, в 324 г. она возвращается обратно, а на следующий год умирает сам Александр Македонский.

Греко-бактрийский сфинкс

Как-то неожиданно в XVIII в. из суровой Сибири стали поступать сведения о случайных находках золотых и серебряных изделий с вычеканенными на них античными сюжетами, украшенными великолепными орнаментами. Петр I распорядился написать едва ли не самую первую в мире инструкцию о сохранении всех древних находок на территории Российского государства и о передаче их в Кунсткамеру Академии наук. Так дошла до нас великолепная коллекция, созданная ювелирами Греко-Бактрийского царства. А предыстория этих находок уходит в далекую древность.

Умирая, Александр Македонский не назначил официального преемника, так что после его смерти вчерашние боевые товарищи, не задумываясь рисковавшие головой друг за друга, превратились в заклятых врагов. В конце концов верх одержал наиболее талантливый из них Селевк, включивший в свое государство и Среднюю Азию. Однако греческие наместники среднеазиатских областей только и жили мечтой дожидаться ослабления центральной власти и стать полностью самостоятельными. Они зорко следили за внешнеполитическими событиями, и вот во время первой Пунической войны в Бактрии воцарился Диодот.

Таким образом, в 250 г. до н. э. от Селевкидской метрополии отделилось и образовалось Греко-Бактрийское царство с греко-македонянами во главе. Честолюбивые планы вынашивали не только крупные правители. Уже в 212 г. до н. э. на греко-бактрийский трон садится новый царь, малоизвестный, но энергичный Евтидем, сумевший произвести переворот и перебить всю царствующую фамилию Диодотов.

Он не терял времени даром и насколько возможно усилил свою армию, укрепил города. И не напрасно. В 208 г. до н. э. армия селевкидского царя Антиоха уже подошла к берегам р. Теджен. В кровопролитной битве Евтидем потерпел поражение и на два года спрятался за стенами г. Бактра. Пригрозив призвать на помощь скифов-массагетов, которые могут «погрузить страну в варварство», Евтидем добился почетного мира и остался государем на своем пошатнувшемся троне. При нем бурно расцвели такие области, как Бактрия, Согдиана и Маргиана. Тогда-то Евтидем и предпринял, вероятно, поход в Сибирь, чтобы обеспечить приток золота в свою страну. Золото с далекого Алтая могло поступать в Среднюю Азию и в обмен на готовые изделия греко-бактрийских ювелиров.

Вскоре Евтидем отправился в Индию. Этот поход успешно продолжил его сын Деметрий, так что в результате здесь возникло особое Греко-Индийское государство. В 167 г. до н. э. Деметрий погиб от руки нового претендента на трон — Евкратиды, при котором начался упадок Греко-Бактрийского царства.

В междоусобной борьбе рождались все новые царьки и мелкие правители. Первым делом они брались за чеканку «собственных» монет, демонстрируя показную независимость своих эфемерных «царств». Находясь в Индии, Евкратид узнал о династическом восстании своего сына Гелиокла и поспешил в Бактрию. Здесь в 155 г. до н. э. он был зверски убит сыном. По существу Гелиокл потерял все среднеазиатские области, кроме Бактрии. Но и этому куцему государству грозила опасность. На севере Средней Азии заволиновались кочевые племена скифов. И именно они вскоре положили ему конец.

Всего немногим более ста лет просуществовало Греко-Бактрийское государство, однако оно оставило яркий след в истории среднеазиатской античности. Бесперывные за-

говоры и интриги, государственные перевороты, доходившие до отцеубийства, месть и подкуп — словом, банальная картина, характерная для многих античных государств мира. Но за всем этим скрывается нечто более важное. Пожалуй, впервые Восток и Запад настолько тесно слились между собой, что дали оригинальный сплав культур, именуемый эллинизмом.

Греки и македоняне пришли сюда как завоеватели. Они создали свои города, в которых полноправными гражданами были только они. Но постепенно произошло то, что часто происходит в подобных случаях — представители местной знати пошли на сотрудничество с новой властью, также заинтересованной в их поддержке. Они-то в первую очередь и восприняли эллинскую¹ культуру. Однако и греки оказались подверженными воздействию местных традиций.

Процесс взаимодействия не ограничился только областью культуры. Усложнилась и социальная структура общества. Древние формы зависимости слились с привнесенными греко-македонянами формами классического античного рабства.

В целом же этот период явился периодом экономического и культурного подъема.

«Страной тысячи городов» называют Греко-Бактрию древние авторы, и такое преувеличение как нельзя лучше свидетельствует о былой славе этого государства. Александрия на берегу Сырдарьи, Антиохия Маргианская — вот не полный перечень греко-бактрийских городов в Средней Азии. А сколько их в Афганистане и Индии!

Антиохия Маргианская, величественные руины которой до сих пор высются около маленького туркменского города Байрам-Али, — классический образец античного города. Квадратный в плане, он имел высокие оборонительные стены с множеством башен и одними воротами в середине каждой стены. От каждого ворот шли прямые магистральные улицы, пересекающиеся в центре города.

¹ В это время во всем эллинистическом мире понятие «эллин» было понятием не этническим, а социальным, быть «эллином» означало принадлежать к господствующему слою в государстве. Позднее, по всей видимости, элементы эллинской культуры широко распространялись и в низших слоях общества.

Высокая мощная цитадель с укрепленной резиденцией правителя, многочисленные жилые и ремесленные кварталы, базары, площади и бассейны находились внутри городских стен. А далеко за пределами города располагалась сельская округа, изумлявшая современников своим сказочным плодородием. Удивленный богатством цветущего оазиса селевкидский царь Антиох Сотер распорядился обнести его оборонительной стеной протяженностью 1500 стадий! Это свидетельство крупнейшего древнегреческого географа и историка Страбона долгое время считалось плодом фантазии, пока археологи не обнаружили полузатопленные песками остатки этой стены длиной 250 км. Грандиозная даже по современным масштабам «Стена Антиоха» толщиной 6 м и высотой около 10 м, укрепленная множеством башен, служила надежной защитой жителям Маргианского оазиса от грабительских набегов кочевников.

В крупных городах возвышались храмы, дворцы, монументальные дворы, стояли статуи как греческих, так и местных божеств. Разноязычное население обширного государства придерживалось различных религиозных верований. В греческих храмах, построенных по канонам греческой архитектуры, поклонялись богам эллинского пантеона: Гераклу, Зевсу, Аполлону, Афине, Посейдону, в местных святилищах — огню и богине плодородия Анахит. Постепенно происходило естественное смешение некоторых греческих и местных божеств. Так, традиционное местная богиня плодородия принимает гибридный образ Анахит-Артемиды, а бог Солнца Митра сливается с образом Геракла.

Особенной популярностью в этой исконно виноградарской стране пользовался культ Диониса. Собрав богатый урожай винограда и заготовив бочки с вином, греческие жители городов и деревень устраивали пышные празднества в честь бога Диониса. Хмельное веселье, песни и танцы, исполнявшиеся под звуки флейт, барабанов и лютни, звучали под чужим небом, будоража кровь и на миг создавая иллюзию празднества на родной земле Эллады.

Еще Александр Македонский, находясь на Востоке, в перерывах между военными кампаниями ставил трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида. Театры, где шли греческие трагедии, несомненно существовали при дворах греко-бактрийских царей, в том числе и в Индии.

Однако наиболее ярко о высоком развитии греко-бактрийского искусства свидетельствуют высокохудожественные произведения античной торевтики¹.

По заказу правящей верхушки, греческой и прогреческой местной аристократии изготавливались серебряные диски, служившие парадным убранством коней. На них выбивались рельефы — боевые слоны с погонщиком и боевой башенкой на спине.

Греческие и бактрийские ювелиры не только копировали шедевры Лисиппа и Праксителя, но и сами создавали образы, навеянные как греческой, так и местной мифологией.

На серебряном медальоне, найденном в Сибири между Тобольском и Омском, изображена Артемида в хитоне с луком в правой руке. Отдельные детали указывают на то, что это уже какой-то новый образ — образ местной богини-воительницы. На другом серебряном медальоне мы видим крылатую женщину с гранатом в руке. Это Нюка, богиня победы, но гранат, символ плодородия на Древнем Востоке, опять-таки говорит о слиянии местных и античных прототипов.

Интересна уникальная электрова серьга в виде лежащего сфинкса с женским лицом и грудью, обнаруженная на юге Таджикистана, в бывшей Северной Бактрии. Женоликому сфинксу легко найти аналогии, но не в греческой торевтике, а в эллинистическом Египте. Во всяком случае загадка его пока еще не решена.

Заслуживает внимания и медальерное искусство греко-бактрийских мастеров. Портреты царей на монетах до сих пор поражают величайшей силой реализма и превосходят образцы монетного искусства материковой Греции. Почти каждая греко-бактрийская монета — подлинный шедевр! Судя по всему, штемпеля для них вырезали настоящие художники, сумевшие передать индивидуальные черты каждого царя, показать одного и того же царя и в молодости, и в преклонном возрасте. Обратную сторону монет обычно украшали различные божества греческого пантеона, покровители данного государства.

Вот перед нами одна из тетрадрахм царя Евтидема. На лицевой стороне монеты — молодой Евтидем с боль-

¹ Торевтика — искусство рельефной обработки художественных изделий из металла.

Монета греко-бактрийского царя Гелиокла

шим носом, глубоко посаженными глазами, массивной шеей и кудрявыми волосами, охваченными диадемой. На обороте — полный сил юный Геракл с палицей в руках, сидящий на камне. А вот другая монета — те же черты упрямого и волевого, но теперь уже немолодого, обрюзгшего лица. Мастер, изготовивший штамп, пошел еще дальше, и на оборотной стороне этой монеты изобразил бородатого Геракла, палица которого устало опущена на колено — состарился Евтидем, состарился и Геракл.

Сын Евтидема — Деметрий предстает на своих монетах со шлемом в виде головы слона. Сила воли подчеркивается плотно сжатым ртом и жестким взглядом глубоко сидящих маленьких глаз. Портретное сходство с отцом настолько велико, что если мысленно на Евтидема надеть шлем в виде головы слона, то перед нами окажется Деметрий. Монеты этих двух государей — лучшие образцы реалистического искусства того времени.

Портретное сходство улавливается между последними греко-бактрийскими царями — Евкратидом и Гелиоклом. Портрет сына поразительно напоминает лицо отца, а надпись «царя справедливого Гелиокла» должна заставить забыть о варварском отцеубийстве.

О незаурядном мастерстве греко-бактрийских короoplastов наглядно свидетельствуют терракотовая статуэтка юноши в шлеме, головка юноши с витыми локонами, «согдийская Ларисса» и многие другие, преимущественно из развалин Мараканды.

Изяществом и тонкой моделировкой отличаются произведения античных камнерезов. Нередко на геммах выгравированы портреты тех местных аристократов, кто приобщился к греческой цивилизации, кто следовал греческой моде и кто хотел на перстнях видеть свой облагороженный портрет.

В целом же именно в греко-бактрийский период закладываются основы расцвета искусства следующего по времени Кушанского царства.

Каракумы — колыбель Парфянского царства

В то время когда греческий наместник Бактрии образовал новое независимое Греко-Бактрийское царство, не менее важные события произошли и в другой среднеазиатской области — Парфии.

Эта страна находилась у юго-восточных берегов Каспийского моря, на территории современного Туркменистана. Страбон писал, что Парфия невелика, лесиста, гориста и бедна. Так что в противоположность богатой, процветающей Бактрии Парфия никогда не считалась «лакомым» кусочком, а скорее являлась местом почетной ссылки попавших в опалу сатрапов. Однако именно ей предстояло стать ядром будущего огромного государства, соперника великого Рима.

Где-то около 250 г. до н. э. сатрап Парфии, греческий наместник Андрагор, воспользовавшись смутами в Селевкидском царстве, провозгласил себя независимым государем, в подтверждение чего тут же стал чеканить монеты со своим портретом и именем. Но новоиспеченному правителю не суждено было удержаться на парфянском престоле. Номады-парны во главе с Аршаком после неудачного военного наскока на Греко-Бактрию направили своих коней в коренные земли Парфии. Убив Андрагора, они возвели на престол Аршака.

Сами по себе эти события в далекой периферийной области еще не представляли большой опасности для Селевкидского царства. Только через несколько лет царь Селевк II организовал карательную экспедицию в Парфию. На первых порах удача сопутствовала ему. Парфяне были разбиты, а Аршак бежал к кочевникам, обитавшим на севере Средней Азии, около Аральского моря. Здесь Аршак собрал под свои знамена новое войско и даже заключил военный союз с Греко-Бактрпей.

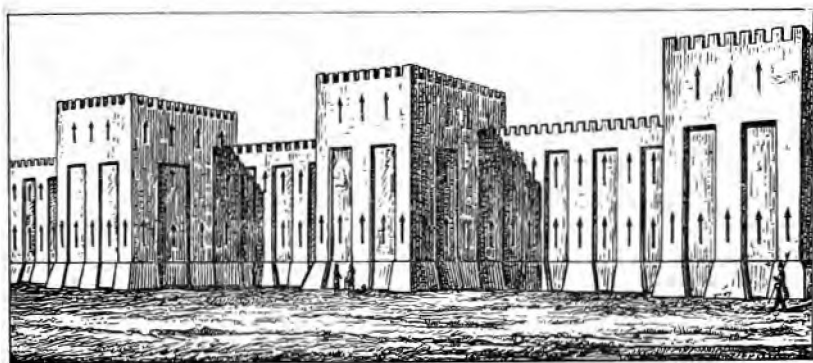
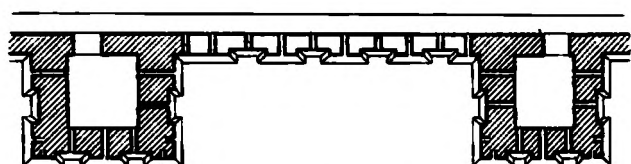
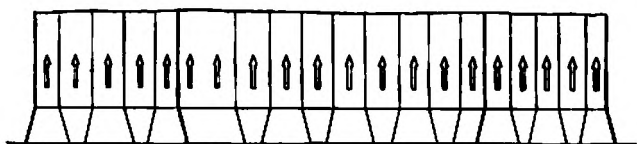
Таким образом, перед Селевкидами встала мощная военная коалиция. Уже в который раз в политических целях греческие правители и местные племена объединились, выступая единым фронтом против своих же земляков-противников. И опять тактика партизанской войны оказалась наилучшей из возможных. Аршак увел своих конных лучников в степи на севере страны и, не вступая в решительную битву, все время тревожил селевкидскую армию быстрыми налетами. В конце концов Парфия признала номинальную зависимость от Селевкидов, и армия последних покинула среднеазиатские пределы.

Теперь Парфия медленно, но верно прибирала к рукам мелкие раздробленные владения на западе. При удачливом парфянском царе Митридате начинается цепь хищнических войн, завоевывается Мидия, причем варварскому разграблению подвергаются знаменитые храмы в Сузах. Вскоре Митридат присоединяет и Месопотамию. Он провозглашает себя «царем Вавилона». Создание огромного Парфянского государства приводит к тому, что сама область Парфии превращается в глубокий тыл. С этого времени и вплоть до I в. до н. э. Парфянское государство переживает пору блестящего расцвета. Упоенное успехами, оно посылает своих послов в Рим и Китай, и педаром Анакреонт восклицает:

Узнают коней ретивых
По их выжженным таврам;
Узнают парфян кичливых
По высоким клубукам...¹

Сулла, известный государственный деятель Древнего Рима, добивается союза с парфянами в борьбе против Понтийского царства, однако в I в. до н. э. из-за

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 3, кн. 1. М., 1948, стр. 373.

Крешчатъ Дурнали. Реконструкция

обладания спорной Кордуеной между двумя колоссами завязывается длительная распря. В 53 г. до н. э. возле г. Карры происходит кровопролитная битва. Лавина парфянских всадников засыпает тучами стрел римских легионеров. Проявив преступное легкомыслие и недооценив парфянскую тактику ведения войны, престарелый Марк Красс губит лучший цвет римской армии и погибает сам. Лишь около четверти римских воинов с трудом пробивается в Сирию, около 10 тыс. попадает в плен. Их отправляют в далекую Маргиану на поселение. Захваченные значки римских легионов устанавливают в парфянских храмах в качестве трофеев для обозрения.

Несколько позднее у Парфии в своих муждоусобных раздорах искали помощи Помпей, Брут и Кассий. В дальнейшем иногда римские легионы вторгались далеко в глубь Парфии и даже как-то заняли ее столицу Ктесифон.

Во всяком случае родившееся в небольшой среднеазиатской области Парфянское государство в пору расцвета включало в себя весь Иран, Ирак, часть Сирии, Афганистан и Пакистан. Но непрерывные династийные смуты и дворцовые перевороты постепенно расшатывают основы государства. С севера, из среднеазиатских степей, усиливается нажим кочевых племен, на западе активизируется римская армия. И на закате своего существования Парфия превращается в отдельные разобщенные провинции с местными владетелями во главе. Лишь северная ее часть сохраняет относительную мощь, но и ее дни уже сочтены.

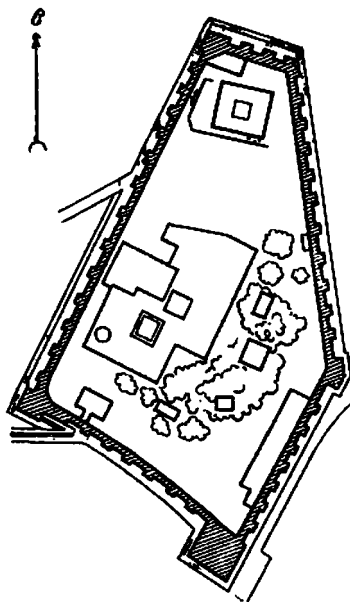
В глубинной области Персии — Фарсе к власти приходит новая династия Сасанидов. Наиболее способный царь этой династии Арташир, объединив все области Фарса, выступает против последнего парфянского государя Артабана. Происходят три сражения, и в 224 г. бывшее великое царство парфян входит в состав нового Сасанидского государства.

Но еще в пору былого процветания, перенеся свою столицу в Месопотамию, государи из рода Аршакидов не забывали и исконную родину — Южный Туркменистан, всячески опекали ее. До сих пор среди выжженной глади закаспийских степей высятся руины укрепленных поселений, таких, как Дурнали или Чильбурж, полуобвалившиеся башни которых как бы скорбят о прошедшем величии.

В минуты военной опасности парфяне отсиживались за многометровой толщей стен, поражая осаждающих тучами стрел через узкие бойницы.

Но подлинную славу, пережившую века, приобрела первая столица парфянских царей — Ниса. Парфавниса называли ее греки, Митридатокерт называли ее местные жители, Нисой называют ее современные туркмены. Расположенная в живописном месте, у подножья гор в 20 км от г. Ашхабада, Ниса до сих пор производит величественное впечатление. В центре возвышалась цитадель, на стенах которой днем и ночью расхаживали часовые, охраняя административную резиденцию. Внизу, в самом городе, теснились невзрачные домишки простого люда, ремесленников, мелких торговцев. А рядом — царский заповедник, святая святых членов династии Аршакидов. Высокие мощные зубчатые стены, многочисленные прямоугольные башни, ажурные прорези стреловидных бойниц — все дышит величием и спокойствием. Узкий пандус полого поднимается к воротам с лабиринтом предвратных сооружений и казармами парфянских гвардейцев.

В заповеднике громадные храмы, дворцы, правильно разбитые парки, прямоугольные бассейны. В отдалении от остальных архитектурных ансамблей и парковых насаждений — монументальный «квадратный дом» с внутренним двором. Это царская сокровищница, куда парфянские государи постепенно складывали всевозможные предметы античного искусства, добытые в военных походах. По мере заполнения комнаты наглухо замуровывались и опечатывались. Очевидно, не доверяя вороватым чиновникам, которые должны были следить за их сохранностью, парфянские цари, возвращаясь из далеких походов, проводили «инвентаризацию» теперь уже фамильных ценностей. После падения Парфянского государства сокровищница подверглась варварскому разграблению, но даже то, что дошло до наших дней, свидетельствует о несметных богатствах. Ларцы из слоистой кости, полуистлевшие остатки тканей с золотым шитьем, осколки стеклянных расписных сосудов, парадное оружие, золотые и серебряные изделия дают лишь самое общее представление о былом богатстве. Когда грабители буквально потрошили помещения сокровищницы, они ободрали инкрустацию и вставки из драгоценных металлов с ритонов. Отреставрированные сейчас, эти ритоны из бивней слонов, покрытые

Плоск. План

тонкой гравировкой и украшенные различными вставками, являются шедеврами эллинистического искусства.

На узких концах ритонов имеются маленькие отверстия. В них, вероятно, вставлялись полые трубочки, через которые и пили вино. На одном ритоне, на фризе изображена вакхическая сцена: девушка с ритоном для возлияния в руках — вполне возможно, царская рабыня.

В верхней части ритонов сохранилась художественная резьба. Венчающий карниз украшен горельефными человеческими головками с живыми и выразительными лицами. Нижние концы ритонов представляют собой скульптурные фигуры полиморфных существ — человекоптиц, человекозверей. Только в одном случае узкий конец ритона оформлен в виде нагой женской фигуры с амфорой. Весьма распространены львоподобные грифоны с широко открытой клыкастой пастью, живо напоминающие грифонов в декоре ахеменидского дворца в Персеполе. Некоторые ритоны заканчиваются снизу фигурами человекобыков, другие — кентавров (это уже чисто греческие

сюжеты). У кентавра бородатое лицо, могучее тело с четко проработанными мышцами. Левой рукой он держит за ногу женщину, правой сжимает в кулаке камень. Мощные конские ноги выброшены далеко вперед в позе галопа, по бокам тела — крылья.

На резных фризах — полностью эллинистическая тематика, а на одном даже греческая надпись. Особенно широко на фризах представлены двенадцать олимпийских богов в характерных одеяниях. Удивительно хороша уникальная сцена: Артемида в окружении юных нимф. Охота окончена, одна из нимф свертывает ловчую сеть, остальные держат за рога и ноги пойманных козочек. Нередки вакхические мотивы: в центре полунагой Зевс, рядом Гермес, далее группа женщин с секирами, преследующих юношу. Может быть, это иллюстрация к рассказу, положенному в основу «Вакханок» Еврипида?

Ниса. Северо-западный фасад. Реконструкция

На некоторых ритонах мы видим сцену свадьбы: обнявшаяся молодая пара в кругу танцоров, музыкантов, сатиров, вакханок с тирсами (жезлами). Как обязательный персонаж — нагая женщина (спиной к зрителю) с распущенными волосами и воздетыми вверх руками, отдаленно напоминающая прославленную Менаду Скопаса.

И наконец, фризы, повествующие о жертвоприношениях. Жрецы стоят по бокам центрального алтаря, а юные сатиры в костюмах пастухов ведут козла на заклание.

В целом нисийские ритоны дают яркий пример соединения эллинских и восточных элементов, причем преобладает реалистический стиль эллинизма. «Азиатские» черты проскальзывают в отдельных деталях одежд, причесок и т. д.

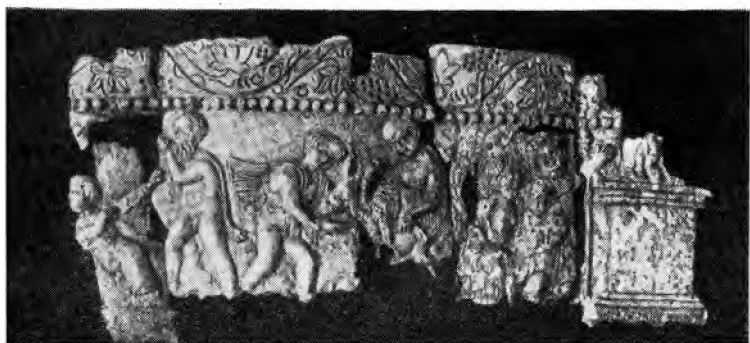
Но не только ритоны остались в сокровищнице. В спешке грабители не заметили мраморных статуй, которые стали счастливой находкой археологов. Вот величаво идущая статная девушка с правильными чертами лица

Ритон из слоновой кости. Ниса

Ритоны из слоновой кости. Ниса

Ритоны из слоновой кости. Деталь фриза. Ниса

и легкой полуулыбкой на губах. На ней длинный хитон. Или полуобнаженная молодая женщина, суровая и властная. Тело ее изготовлено из чудесного белоснежного слегка просвечивающего мрамора, а драпировки одежды от бедер и ниже — из серого мрамора. Это Афродита, выходящая из морской пены и стряхивающая брызги с влажных волос.

Глиняные раскрашенные статуи выше человеческого роста в боевом парфянском облачении и женские в просторных мантиях нашли археологи в квадратном и круглом двухъярусных храмах. Они стояли в пишах. При раскопках Нисы обнаружены и произведения античной торевтики — серебряные, позолоченные сверху статуэтки

Афродита из Писы. Мрамор (II в. до н. э.)

Парадный топорик. Иксос

орла и грифона и крылатый сфинкс с женской головкой и грудью. Тонкостью моделировки выделяется серебряная позолоченная статуэтка Эрота, привставшего на цыпочки, с расправленными крыльями, готового к взлету; обе ручки, словно в мольбе, вытянуты вперед и скованы миниатюрными оковами.

Великолепна серебряная статуэтка Афины в горделивой позе, слегка откинувшей назад. Она облачена в ниспадающую складками одежду, на груди — эгида с миниатюрной головой Горгоны. В правой руке диск или фиал¹, в левой, утраченной еще в древности, было то ли копьё, то ли щит; на голове — высокий шлем.

Немало явно импортных вещей: слоновая кость из Индии, египетские сосуды, сирийское и римское стекло, художественная бронза малоазийских городов, мраморная эллинистическая скульптура. Но увлекались иноземным в основном лишь представители аристократической верхушки, а не коренное население обширного государства. Даже царская администрация, занимавшаяся налоговыми сборами, использовала местную письменность и язык, как наиболее понятные для огромного большинства

¹ Фиал — сосуд в Древней Греции, употреблявшийся в быту и при совершении культовых обрядов.

жителей. Яркое и бесспорное доказательство тому парфянский архив остраконов из Нисы (их свыше 2000) — черепков с надписями черной тушью на местном, парфянском языке.

Парфянские государи между прочим очень чутко реагировали на конъюнктуру мирового рынка, всячески содействуя расширению торговли. Если монетная система ранних аршакидских царей была основана на серебре по аттическому стандарту, то позднее в связи с ростом торговли с Римом они перешли на стандарт римского динария. Развивались и совершенствовались старые виды ремесел. Так, продукция парфянских ковроделов вывозилась даже в Рим и благодаря своеобразной окраске ценилась там очень дорого.

Правящая династия парфян отличалась большой веротерпимостью. Наряду с приверженцами греческих, местных и зороастрийских культов здесь уже появляются и проповедники буддийской и христианской религий. В Антиохии Маргианской adeпты новой религии возвели буддийский храмовый комплекс с гигантской статуей Будды. В этом же городе возникли христианские общины, а несколько позднее — епископия, преобразованная затем в метрополию. В Маргианском оазисе найдены даже остатки христианской церкви (современное название Хароба-Кошук), а в поселке Геок-Тепе — золотые бляшки с изображением Феникса, агнца и Христа-пастыря.

Парфянское государство сыграло огромную роль в распространении с Востока на Запад элементов индийской и греко-бактрийской культур. Вся культура Парфии — свидетельство творческого слияния местной и греко-римской и создания новой эллинистической культуры. Ее элементы прослеживаются везде: и в архитектуре, и в оформлении ритонов, и в скульптуре, и в глиптике¹, они не исчезают вместе с падением Парфянского государства, а сохраняются в восточном искусстве вплоть до арабского нашествия, оказав еще раньше большое влияние на культуру Кушанского царства.

Очень мало известно о социальном строе Парфянского государства. Однако кажется вполне вероятным предположение, высказываемое некоторыми советскими исследо-

¹ Глиптика — искусство резьбы на драгоценных и полудрагоценных цветных камнях.

вателями, что в поздний период в социальной структуре парфянского общества происходят знаменательные перемены — в нем впервые начинают проявляться элементы будущего феодального общества.

Союзы степных племен

Номады среднеазиатских степей издревле окружали земледельческие оазисы и городские центры, устанавливая с ними то вполне мирные, часто даже торговые отношения, то вступая в военные конфликты. Большие племенные группы их, кочевавшие на бескрайних просторах (часто разобщенные), вели борьбу за наиболее богатые выпасы, сохраняя свой суверенитет. Однако в минуты всеобщей опасности мелкие обиды и споры отступали на второй план и номады объединялись в огромные кочевые союзы.

Постепенно эти союзы укреплялись. В III в. до н. э. безвестный, но несомненно талантливый и энергичный племенной вождь сумел объединить вокруг себя остальных кочевников и создал на Сырдарье новое государство — Кангюй, в пору своего расцвета соперничавшее с Китаем. Один китайский наместник горько жаловался, что, в отличие от гуннов, «Кангюй, напротив, дерзок и никак не соглашается делать поклонение перед вашими посланниками»¹. Со временем Кангюйское царство подчинило себе и некоторые оседлые области, как, например, Хорезм, но, несмотря на свою военно-политическую мощь, оставалось рыхлым конгломератом кочевников и горожан. Правящая верхушка номадов вела довольно консервативный образ жизни и ограничивалась в основном сбором налогов. Она не только не чеканила своей собственной монеты, но даже снисходительно относилась к тому, что монеты чеканились мелкими правителями подчиненных городских центров.

Примерно в это же время на территории современной Киргизской Советской Республики складывается усуньский племенной союз. Некогда подвластные гунам усунь

¹ Н. Я. Вичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.— Л., 1950, стр. 185.

отделились от них. Хотя большая часть населения здесь жила оседло, верховная власть принадлежала кочевникам. Наиболее богатые из них имели стада до 5000 голов, причем особенно славилась знаменитые лошади. Находясь между гуннами и Китаем, усунь проводили очень гибкую политику, чтобы сохранить свою независимость. Китайский двор всячески старался склонить усуней на свою сторону в извечной борьбе с гуннами. В этих целях за усуньского владетеля была выдана замуж китайская царица, которая отправилась в Семиречье в сопровождении чиновников, евнухов, многочисленной челяди и колесниц с богатыми приношениями. Усиление китайского влияния при усуньском дворе показалось подозрительным гуннам. Мгновенно забыв старые споры и раздоры, они в свою очередь также выдали за усуньского владетеля свою принцессу. Перед престарелым молодоженом встал щекотливый вопрос — какую из жен сделать старшей. В конце концов роль младшей жены досталась китайской царице, которая уединилась в собственном дворце и лишь изредка устраивала пиры для своего повелителя. На ее настроение прозрачно намекают китайские хроники, говоря, что муж был стар да к тому же не знал китайского языка. Молодая царица в тоске даже сочинила песню:

Выдали меня родственники
В дальнюю сторону;
Отдали в чужое царство
За усуньского царя.
Живет в круглой хижине,
Обтянутой войлоками,
Питается мясом,
Пьет молоко...

Жалея царицу, престарелый муж, следуя обычаям кочевников, выдал ее за родного внука, причем китайский двор всячески содействовал этому браку, чтобы «при помощи усуньцев уничтожить хуннов».

И в дальнейшем китайские правители всемерно поощряли политические браки своих принцесс с усуньскими владетелями. Однако последние прекрасно понимали тайные цели своих китайских подруг, так что китайские хроники с разочарованием свидетельствуют: «Прежние царицы находились в Усунь более сорока лет, но не вид-

по было искренней супружеской любви...»¹ Кроме того, китайские царевны активно вмешивались в усуньские дела, всячески интригуя в пользу Китайского государства. Одна из них даже организовала с помощью китайских послов покушение на жизнь мужа во время пира. Покушение окончилось неудачно, и китайский двор послал своего эмиссара к усуням для выяснения дела. Последний, наивно пытаясь докопаться до истинных причин заговора, с пристрастием допросил опальную царевну, однако в благодарность по возвращении в Китай лишился головы. Другой посланник, которого китайский двор направил с лекарями к раненому правителю усуней, попал в опалу за то, что не воспользовался удобным случаем и не умертвил усуньского владетеля.

О былом величии кочевников Семиречья красноречиво свидетельствуют огромные курганы (до 100 м в диаметре и до 15 м высотой) в широких долинах рек у подножия гор — фамильные кладбища кочевой знати. Здесь и десятки сосудов, и всевозможные золотые украшения, и перстни с изображением оленей и крылатых зверей, и бусы, и бляшки. В одном кургане найдена бляшка с рельефным изображением головы Силеня, изготовленная ювелирами Греко-Бактрийского царства. Все это говорит о торговле кочевников-усуней с окружающим их миром.

Особый интерес представляет история другого племенного объединения среднеазиатских номадов — кушан, сокрушивших великое Греко-Бактрийское царство.

В последних веках до нашего летосчисления на обширных степных пространствах Центральной и Средней Азии пришли в движение бесчисленные орды гуннов, тех самых гупинов, потомки которых через несколько столетий пропесутся по странам Западной Европы. Кочевые племена севера Средней Азии в свою очередь хлынули на юг, и уже в 126 г. до н. э. ставка их вождей находилась на берегу Амударьи, в богатой Бактрии.

Сенсационные открытия археологов в низовьях Сырдарьи, или Яксарта, как называли ее античные авторы, сегодня позволяют более зримо представить «загадочных

¹ Ш. Я. Вичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, стр. 192.

кочевников». Более того, удалось найти столицу IV в. до н.э. (современное название Чирикрабат) одного крупного племенного союза — апаспаков — на высокой 15-метровой возвышенности, опоясанной двойным рядом оборонительных стен с глубоким рвом по внешнему фасу. Придавая большое значение обороне, воинственные скифы-апаспаки внутри укрепленных стен с башнями построили стрелковую галерею со стреловидными бойницами. Внутри города обнаружены курганы умерших вождей. Их похоронили с оружием, а одного даже в железном пластинчатом панцире. Кроме того, в мавзолее клали золотые и серебряные драгоценности, разнообразные украшения, бусы, геммы.

Здесь же, в низовьях Сырдарьи, открыты поселения и курганы рядовых скифов, а также «болотные городища» на полуостровах или даже островах (вот почему античные авторы упоминали в своих трактатах «водных саков»).

Местное население занималось преимущественно скотоводством и торговлей, о чем свидетельствуют эллинистические предметы и особенно украшения. Находки в курганах указывают на высокое развитие военного искусства и военной организации, что способствовало успеху дальних походов яксартских скифов, завоевавших Бактрию, а несколько позднее значительную часть Индии.

Большая часть этих поселений забрасывается в середине II в. до н.э., что совпадает с началом завоевания Греко-Бактрийского царства.

Направив всю военную мощь против богатых, преуспевающих городов юга страны, кочевники преследовали сначала чисто грабительские цели. Раздираемая внутриполитическими и династийными раздорами Греко-Бактрия не могла оказать им сколько-нибудь серьезного сопротивления. Города брались с ходу лавиной всадников. Разграбив их, скифы оставляли после себя лишь дым пожаров.

Нетрудно себе представить, в какое смятение приходили жители городов, даже таких, как Айя-Ханум (на границе Афганистана и СССР, где ведут сейчас раскопки французские археологи), при известии о приближении грозных варваров-номадов. Наверное, в Айя-Хануме собралась городская администрация, выискивая единственно правильное решение в создавшейся ситуации. Наверное,

греки, миксэллины и бактрийцы, забыв мелкие раздоры повседневной, будничной жизни, в момент грозной опасности объединились. Сотни горожан занялись ремонтом городских стен и башен; ремесленники лихорадочно днем и ночью отливали все новые и новые тысячи наконечников стрел; кузнецы и оружейники заново оттачивали лезвия длинных коний и тяжелые клинки мечей и кинжалов. Вопли, крики и проклятия стояли над городом. В который раз греки проклинали свою судьбу вечных чужестранцев, заброшенных на край цивилизованного мира. В храмах возжигали алтари, молились богам, прося чуда и спасения. Кто-то прятал в укромные тайники свое богатство, кто-то, возможно, искал приличный предлог, чтобы бежать. Но особенно терзались те, кто совсем недавно совершил путешествие в Грецию, побывал в Дельфах и, несмотря на предсказания оракулов, вернулся назад. Многие смотрели с надеждой на спасительную мощь степ, на бурные воды Амударьи, на голые отвесные скалы противоположного берега. Чтобы взять город, нападающим надо было вплавь переправиться через глубокую реку под тучами стрел обороняющихся, а на берегу у стен их ждали испытанные в боях воины.

И все-таки город Айя-Ханум пал. Археологам открылась жуткая картина: будто смерч пронесся над ним — гигантские груды упавших каменных колонн некогда величественных зданий, сброшенные с пьедесталов, вдребезги разбитые статуи греческих богов и философов, сожженные и разграбленные дома, дворцы и храмы. Позднее, выстроив рядом новый город, кушанцы часто посещали руины Айя-Ханума, выбирая обломки каменных колонн и используя их для строительства.

«Аппетит приходит во время еды» — не удовлетворившись награбленным в Бактрии, кочевники ищут любой возможности поживиться за чужой счет. В это время на свою беду парфянский царь Фраат II приглашает их помочь ему в войне с селевкидским правителем Антиохом VII. Скифы опаздывают, и Фраат II собственными силами разбивает армию селевкидов. Несмотря на это, скифы требуют обещанной награды, а получив вполне естественный отказ, принимаются грабить земли своего бывшего союзника. В ожесточенной борьбе с ними Фраат II гибнет.

Так или иначе, довольно легко разрушив Греко-Бакт-

рийское государство, кочевники не ушли обратно в прысдарьинские степи, а остались на юге Средней Азии. На первых порах они вели полукочевой образ жизни завоевателей среди покоренных, но постепенно, наглядно оценив преимущества спокойной жизни оседлых земледельцев, смешались с ними. После столь блестящего похода бывший кочевой союз разделился на пять крупных владений, которые затем обособились друг от друга. В это время образовался ряд мелких царств, история которых нам почти неизвестна. Однако «темный период» протяженностью почти 150 лет не прошел впустую. Вчерашние кочевники медленно, но верно перенимали передовую форму правления покоренных народов. Они попали под обаяние старой греко-бактрийской культуры, следуя модам и обычаям, некогда распространенным в среде местной придворной аристократии. Они даже начали выпускать монеты, подражая чекану последнего греко-бактрийского царя Гелиокла.

В конце I в. до н. э. появились монеты с портретом государя и конного правителя, которого венчает лаврами античная богиня победы Ника. Греческая надпись на монете гласит: «кушан Герай», — так мы узнаем имя основателя новой могущественной державы. Вождь кушанского племени Герай подчинил себе четырех остальных вождей, объединил их владения и заложил основы Кушанского царства.

Кушанское царство: кочевники становятся горожанами

Вплоть до последних лет почти ничего не было известно о легендарной личности основоположника новой династии Герая. Тем большую сенсацию произвели открытия, сделанные не так давно в Южном Узбекистане. Здесь на крупном поселении Халчаян обнаружены остатки дворца, центральную часть которого составляют парадные помещения, ряд подсобных комнат и узкие коридоры. Портик и главный зал украшены фресками и глиняной скульптурой. В настенных росписях преобладают виноградные гроздья, завитки, плоды, цветы, выполненные белым цветом по красному фону. Выше стеной панели идут сюжетные росписи — мужские и женские фигуры.

Терракота
времени господства
Кушанского царства.
Афрасиаб (городище
древнего Самарканда).
Согд (I—III вв. н. э.)

В галерее на трехметровой высоте стоят глиняные раскрашенные статуи. Здесь и тронная сцена: царь, царица, приближенные, торжественная процессия царских родственников и кавалькада всадников, стреляющих из лука на полном скаку.

Над главным фризом фигуры богов: Ники, Митры, какого-то бородатого божества, сцены дионисийского цикла — обнаженные мальчики с тяжелыми гирляндами в руках, сатиры (погрудные изображения), девушки-музыкантши. Вся композиция несет явные следы греко-римского влияния.

Особенно великолепна глиняная раскрашенная скульптура халчаянского дворца. Вот широколицый воин с ключковатой бородой и выпуклыми глазами — весь он вопло-

щение необузданных страстей. Вот другой — брови слегка нахмурены, губы горько сжаты, глаза глядят в немой печали. Эти живые и очень выразительные лица вполне могли являться портретами неизвестных нам персонажей.

Среди мужских голов несколько очень похожих друг на друга — правильный нос, красиво очерченный рот, удлинённый разрез глаз, закрученные вверх усы, волосы разделены на две пряди и перехвачены на лбу ремённой перетяжкой. Есть определенное сходство между ними и Гераем на монетах. В таком случае Халчаян резиденция самого Герая или кого-то из ближайших родственников? Вероятно, немало интригующего таят в себе руины дворца. А пока мы можем сказать совершенно определенно

но: Халчаян — уникальный памятник переходной эпохи, когда на развалинах Греко-Бактрийского царства выросло новое, Кушанское.

Не успели еще утихнуть восторги после находок в Халчаяне, как в этом же районе были сделаны новые сенсационные открытия. На рядом расположенном поселении Дальверзин-Тепе те же удачливые археологи раскопали остатки буддийского храма II—III вв. н. э., во внутренних залах которого стояли гигантские статуи Будды и более мелкие различных божеств буддийского пантеона. Кушанские монеты, найденные здесь, говорят о том, что храм строился по заказу кушанских государей. Скульптуры Дальверзин-Тепе — первое, но бесспорное свидетельство широкого распространения памятников так называемого гандхарского искусства на землях Северной Бактрии, в котором причудливо сочетаются греко-римские и индийские культурные традиции и которые являются подлинным украшением многих музеев мира. Если учесть, что советские археологи еще только приступают к изучению многочисленных заброшенных руин на юге Узбекистана, то можно легко представить, какие богатые открытия ожидают их на этом пути.

Официальным основоположником нового, Кушанского государства стал Кудзула, Кадфиз, сын Герая. При нем в состав Кушанской империи входили Бактрия, Юго-Западный Афганистан, Северная Индия. Но подлинного

расцвета она достигла в правление знаменитого своими реформами царя Канишки, когда существовало два наиболее крупных государственных объединения — Парфянское и Кушанское царства.

Канишка принял буддизм и явился ревностным реформатором этого нового религиозного учения, что наложило отпечаток на весь процесс формирования культуры в последующее время.

**Терракота
времени господства
Кушанского царства.
Бактрия.
(I—III вв. н. э.)**

В I—III вв. н. э. города в Средней Азии превращаются в центры административно-политической жизни, ремесла и торговли. Видимо, именно города были центрами развития рабовладения, в то время как в деревне господствовали старые, идущие из глубокой древности полупатриархальные формы зависимости сельского населения от знати. Кушанское государство ведет широкую международную торговлю, причем особое место в ней занимает Рим. В Средней Азии найдены золотые сестерции Нерона, на территории Римской империи — кушанские монеты.

Из Китайской империи через Кушанское царство к берегам Средиземного моря протянулась первая трансконтинентальная караванная дорога — «Великий Шелковый путь». В Египте, в Александрии, находилась торговая кушанская фактория, а на индостанском побережье — колония римских купцов. И нет ничего удивительного в том, что римские вещи попадают в Среднюю Азию.

Крупным преуспевающим торговым центром был древний Термез в Южном Узбекистане. Городская знать, в том числе и бывшие кочевники, возводили дома, украшали их каменными рельефами. Особенно богато оформляли пышным архитектурным декором культовые здания. Руины одного такого монументального сооружения обнажила Амударья. Под обрушившимся берегом открылась великолепная каменная скульптура, так называемый Айртамский фриз — огромные плиты из белого известняка, некогда составлявшие монументальный фриз с горельефными скульптурами. На плитах глубокой резьбой изваяны фигуры музыкантов (с флейтой, барабаном, лютней, арфой) и гирляндовосцев, между которыми огромные листья акантов. Сочетание человеческого бюста с акантами — излюбленный прием в эллинистическом искусстве. И бесспорное доказательство тому фигура музыкантши с двойной флейтой в руках — необходимым атрибутом спутников Диониса. В целом же Айртамский фриз носит следы влияния гандхарского искусства.

При раскопках частного дома в древнем Термезе археологи нашли уникальный сосуд, украшенный рельефной сценой: крупное лицо Диониса в блаженном, пьяном смехе, по бокам его — вьющиеся виноградные лозы и развевающиеся ленты. Далее — пляшущая менада (в хитоне) с бубном; за ней стоит Дионис с тирсом в руках,

**Арфист. Фрагмент Айртамского фризса.
Термса (I—II вв. н. э.)**

другой рукой он опирается на плечо Арнадны. Она играет на лире, у ног ее маленькая пантера, грызущая упавший тирс. Еще дальше — пляшущий сатир, бородатый пьяный Силен, которого поддерживают молодой сатир, пляшущие менады и сатиры. Вся сцена — точная копия мраморного кратера, так называемой вазы Боргезе — поражает удивительной живостью и экспрессией. Купцы хорошо знали вкусы местной аристократии и привозили с запада самый ходкий товар.

Наиболее яркую картину торговых связей Кушанского государства дает древний город Беграм (недалеко от Кабула). Здесь в одной из комнат дворца обнаружены сваленные в кучу и чернолаковые китайские ларчики, и римское художественное стекло с тонкой росписью, и бронзовые статуэтки, и гипсовые медальоны.

Все более широкое распространение буддизма как «государственной религии» способствовало не только проникновению в Среднюю Азию буддийских паломников, но и образованию многочисленных общин. В пригороде древнего Термеза находились крупные буддийские монастыри, состоявшие из больших пещерных и наземных помещений с узкими обводными коридорами. Стены их были расписаны человеческими фигурами, а в центральных помещениях стояли гипсовые статуи. В многочисленных крошечных кельях жили буддийские монахи и приезжие паломники.

Симпатии кушанских царей к новым богам доходят до того, что на монетах все чаще представителей греко-римского пантеона вытесняют индуистские божества: Шива, Вишну, наредка Будда. Но все эти веяния не коснулись основной части населения Кушанского государства, продолжавшей придерживаться традиционно местных обычаев, исповедовать прежнюю религию.

К середине III в. н. э. основатель Сасанидского царства, свергнув последнего парфянского царя, сумел поставить в зависимость Кушанскую державу. Однако, оправившись от разгрома, кушаны начали интриговать против сасанидских царей и вступили в связь с главным соперником сасанидского Ирана — Римом. Кушаны играли даже роль посредников между Ираном и Римом, требуя освобождения плененного сасанидами римского императора Валериана. Кушанские послы в 274 г. участвовали в праздновании победы римского императора Аврелиана

над царницей Пальмиры. В свою очередь персы, занятые борьбой с Римом, старались поддерживать хорошие отношения с кушапами и заключали с ними династические браки. Но на рубеже IV—V вв. на исторической арене появилась новая сила, окончательно сокрушившая Кушанское царство. По иронии судьбы это были кочевники «варварской периферии», приаральских степей, тех самых районов, откуда несколько веков назад двинулись на юг кочевники, положившие конец величию Греко-Бактрии.

Северный форпост в знойных степях

«Номады севера Средней Азии», «кочевники Приаралья», «варварская периферия» — вот те эпитеты, которые прилагались античными и долгое время современными авторами к районам, занятым кочевниками в приаральских степях. Действительно, на необозримых просторах севера страны веками кочевали степняки. Но, как выяснилось, здесь существовал и небольшой островок с высокоразвитой городской цивилизацией. До сих пор этот оазис с некогда многолюдными городами, деревнями и замками поражает путешественника величием оставшихся руин. Силуэты городских стен и башен замков даже в наше время достигают почти 20-метровой высоты, так что не надо иметь большую фантазию, чтобы представить их былую грандиозность. Окруженный кочевым миром Хорезм находился в отдалении от античных центров Греко-Бактрии и Парфии, и эта территориальная изолированность наложила свой отпечаток на всю его многовековую историю. Но эта же отдаленность от тогдашнего «цивилизованного мира» давала возможность Хорезму сохранять свою политическую независимость, декларируя которую, его правители где-то в начале новой эры начали регулярно чеканить собственные серебряные монеты.

Правда, в период наибольшей экспансии Ахеменидского государства Хорезм входил в его состав, но уже на рубеже V—IV вв. до н. э. вновь обрел свободу. Когда фаланги Александра Македонского появились на берегах великих среднеазиатских рек и военная опасность, казалось, придвинулась к воротам хорезмийских городов, царь Фарасман предпринял ловкий маневр. Зимой 329/328 г.

Руины крепости IV—III вв. до н. э. Кой-Крылган-Кала.
Хорезм

до н. э. он послал посольство ко двору македонского царя с предложением союза, который вскоре и был заключен. Пользуясь своей отдаленностью, древний Хорезм благополучно остался в стороне от бурных событий, связанных с историей Парфии и Греко-Бактрии.

Уже первые раскопки полузанесенных песками древних памятников Хорезма заставили археологов недоумевать. Все выглядело необычным, странным, непонятым, загадочным.

Пожалуй, самая большая загадка связана с раскопками памятника под названием Кой-Крылган-Кала на правом берегу Амударьи.

Кой-Крылган-Кала — современник хорошо известных городов Парфии и Греко-Бактрии с их обычной стандартной планировкой... и вдруг круглое двухэтажное здание с мощными стенами шестиметровой толщины со стрелковой галереей на втором этаже, предназначенной для обороны, с симметрично расположенными обширными прямоугольными помещениями и коридорами на первом. Внеш-

Фляга с рельефным изображением крылатого коня и бородатого человека. Кой-Крылган-Када. Хорезм

няя кольцевая стена, возведенная позже, также имела стрелковую галерею. Единственные ворота были укреплены полукруглыми башнями и специальным предвратным сооружением. Конечно, в этой стране, окруженной со всех сторон воинственными скифскими всадниками, заботе об обороне придавалось первостепенное значение!

Однако что же это — местный храм или замок хорезмийского аристократа? А может быть, памятник погребального или даже астрального культа? В самом деле, здесь найдены погребальные керамические маски, керамические статуарные костехранилища или, иначе, оссуарии — квадратные глиняные ящики, увенчанные скульптурными изображениями человека в натуральную величину (в виде хтонических божеств), поразительно напоминающие этрусские оссуарии Северной Италии. С другой стороны, цилиндрическая форма памятника и архитектурные детали второго этажа довольно прозрачно намекают на возможность астрономических наблюдений. Очень интересны обнаруженные внутри здания стенные росписи, керамические рогообразные ритоны с завершающими фигурами ко-

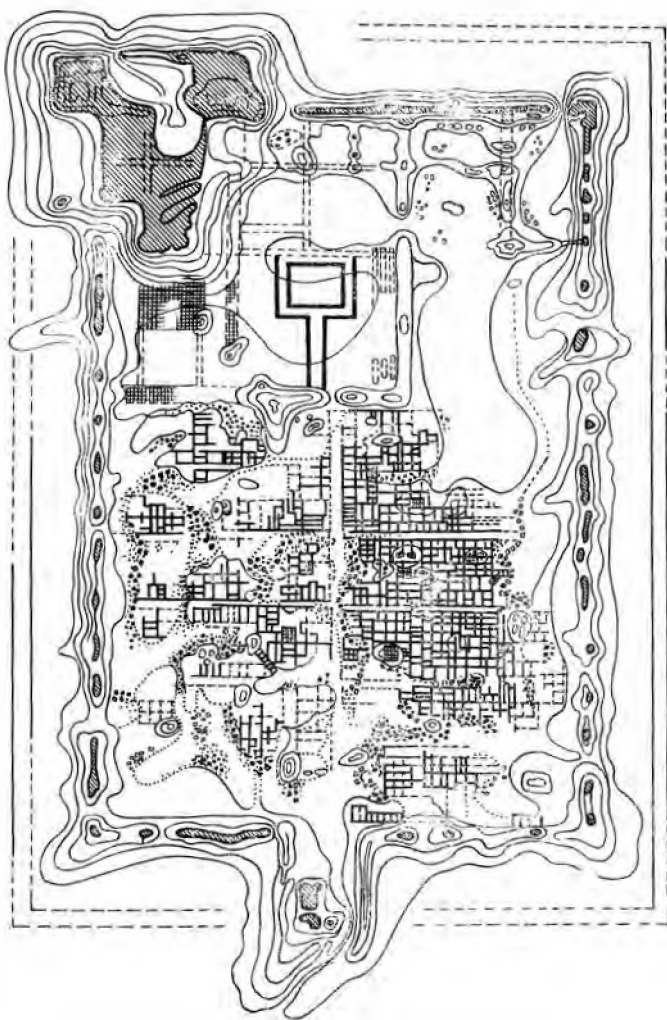
ней или грифонов, кувшин с ручкой в виде головы льва, парадные фляги с художественными рельефами. Обращают на себя внимание крылатый грифон, копирующий человека, скифский наездник в острокопечном клобуке, мчащийся с копьем наперевес, охотник верхом на верблюде.

Как-то не верится, что и эта далекая, затерянная в степях городская периферия испытала влияние греко-римской культуры. Вот статуэтка обнаженного Диониса с виноградной гроздью и кривым садовым ножом и женская богиня в явно греческом одеянии с амфорой в руке. А столичный город древнего Хорезма — Топрак-Кала весь выдержан в эллинистических традициях градостроительной культуры, правда, на хорезмийской основе. Огромный, прямоугольный в плане, опоясанный стенами с башнями, в которых многочисленные бойницы, он делится главной и боковыми улочками на правильные квадраты. Только трехбашенная цитадель, возвышающаяся в северном углу, нарушает эту монотонность. Пока здесь раскопан лишь дворец правителя, вознесенный на платформе 12-метровой высоты. Три огромные башни даже сейчас в руинах достигают 25 метров. Весь этот архитектурный комплекс, устремленный ввысь, вместе с тем очень гармоничен по своему решению. Сам дворец — двухэтажный, замкнутый, с бесчисленным количеством комнат, запутанным лабиринтом коридоров и переходов, парадными залами и жилыми покоями.

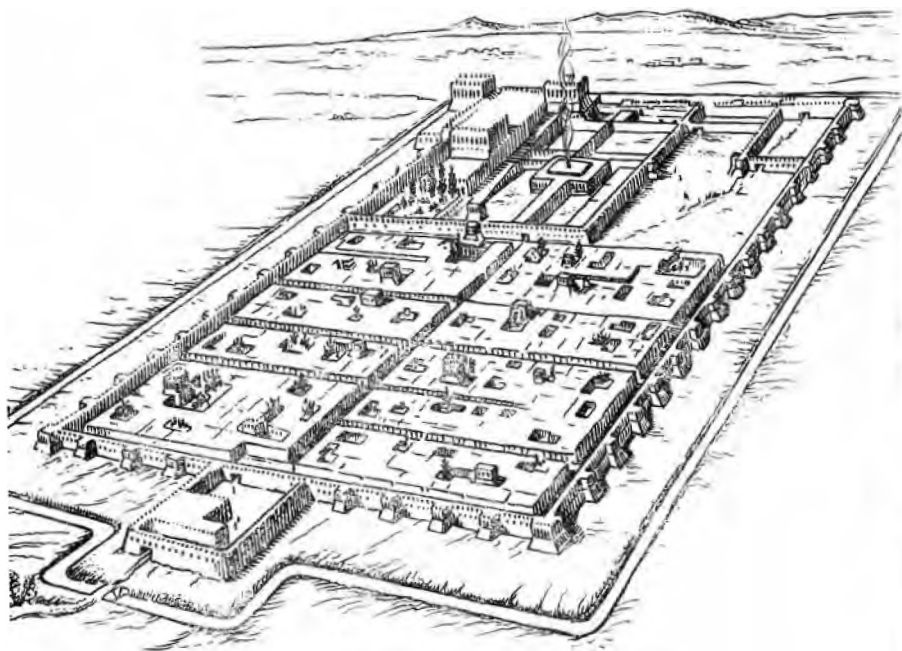
От верхнего этажа сохранились жалкие остатки рухнувших помещений, в том числе парадных, со следами настенной росписи. Но зато колоссальный «зал царей» нижнего этажа украшен с поистине царской пышностью и великолепием. Да это и понятно, ведь здесь проходили официальные церемонии, принимались посольства, заслушивались отчеты местной администрации. Стены «зала царей» расписаны красными и белыми линиями на желтом и синем фоне. Вдоль стен на высоких постаментах стояли глиняные статуи хорезмийских государей в окружении их жен, приближенных и божеств-покровителей.

Следующее парадное помещение — «зал побед». В нем вдоль стен также располагались мужские фигуры, а рядом с ними — нарядные женщины и богиня победы Ника.

Потряс археологов зал «темнокожих гвардейцев». В глубоких нишах они увидели большие мужские статуи,

Топрак-Кала, Цилван

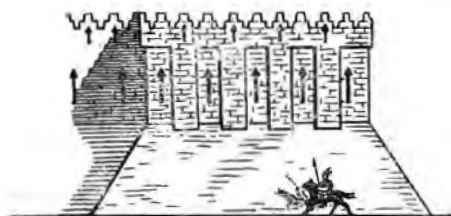
Топрак-Кала. Реконструкция

а между ними крупные рельефные волкаты¹ с небольшими фигурами воинов на пих. Воины, как им я полагается, облачены в военные доспехи, а их лица с широкими носами удивительно напоминают лица жителей Южной Индии. Кто знает, не набирали ли себе хорезмийские цари личную гвардию из далекого Индостана.

Имелся и «зал оленей» со скульптурными фризами пасущихся среди деревьев оленей и «зал танцующих масок» со скульптурными сценами ритуальных мистерий дионисийского культа.

¹ Волкаты — скульптурное украшение, состоящее из завитка в виде спирали с кружком в центре.

а

б

в

г

Тюпрак-Кала: а, б — реконструкция; в, г — зарисовки руин

Кроме парадных, официальных помещений во дворце Топрак-Кала находились жилые покои государя, его семьи и даже, возможно, палатки царя.

Как и в парфийской Нисе, царская администрация бела, видимо, строгий учет налоговых поступлений. Только свои записи хорезмийские писцы делали не на черепках-остраконах, а на деревянных дощечках или кожаных свитках.

Эти документы показывают, что социальная структура хорезмийского общества была сложной, что существовали различные формы зависимости, имелись большие семьи, бесправные рабы.

В целом дворец Топрак-Кала — это подлинный музей хорезмийской древности со своеобразной национальной картинной и скульптурной галереей.

Искусство северного форпоста среднеазиатской цивилизации отличается большим своеобразием сочетания разных стилей и форм: застывшие, как бы скованные рамками официального канона фигуры царей и цариц и вместе с тем живые сцены — мягко крадущийся тигр или золотистые рыбки, резвящиеся в бурных струях воды.

В общем Хорезм еще долго будет поражать современный мир своими великолепными памятниками.

Время тревог и упадок городов

Политическая история Средней Азии в IV—V вв. н. э. насыщена бурными, по еще не вполне ясным нам событиями. На севере Средней Азии, прародине кушан, скапливаются грозные полчища степняков-номадов — хионитов-эфталтов. Происхождение их во многом загадочно.

Возможные потомки кушанских племен, они веками смешивались с гуннами, просачивавшимися сюда с востока, и к IV в. уже заняли обширные просторы от Аральского моря до Восточного Туркестана.

Как и их далекие кушанские предки, хиониты-эфталты на первых порах не ставили своей целью создание какого-либо нового государственного объединения. Они просто постепенно подчиняли себе богатые оседлые оазисы Средней Азии, являвшиеся составной частью

Кушанской империи, правда органичиваясь сбором дани.

Все больше и больше вчерашние кочевники осознавали преимущества оседлого образа жизни. Они уже обращали свои взоры к еще более богатым городам сасанидского Ирана с их изнеженной роскошью и богатством. Учитывая свою военную мощь и непрекращающиеся военные конфликты Ирана с Римом в их борьбе за гегемонию в Передней Азии, хиопиты-эфталиты теперь реально угрожали северо-восточным провинциям государства Сасанидов. В результате началась длительная борьба между ними, проходившая с переменным успехом, когда победы сменялись неудачами.

Военные события, развернувшиеся в Южном Туркменистане, привели к разгрому войск хиопитов-эфталитов, а отряды персидского царя Бахрама Гура прошли через многие среднеазиатские города и вышли даже в междуречье Амударьи и Сырдарьи.

Особенно драматично сложились обстоятельства при сасанидском царе Перозе. Длительная и разорительная война утомила персов, и Пероз даже предложил династический брак своим врагам. Однако вместо своей сестры он послал другую женщину. Обман открылся, и война разгорелась с новой силой. Собрав большую армию, Пероз двинулся против эфталитов, но попал в ловушку. Ему пришлось поклясться, что он никогда больше не выступит против них.

Стремясь преградить эфталитам путь в центральные области Ирана, Пероз построил к северу от р. Горган (на современной границе между Ираном и СССР, в районе Туркменистана) оборонительную стену протяженностью около 300 км. Оправившись от поражения, он нарушил клятву и снова выступил против эфталитов. При этом, чтобы сохранить видимость верности клятве не переходить через границу, велел передвигать перед собой пограничную башню с помощью 50 слонов. В решающем сражении эфталиты обратились в притворное бегство, а войско персов попало в глубокий, замаскированный сверху ров, наполненный водой. Пероз потерпел полное поражение, а на Иран была наложена большая дань, выплачивавшаяся довольно долго.

Во время военных действий некогда богатые города Средней Азии неоднократно переходили из рук в руки и

опустошались. Захирел Самарканд, обезлюдел Термез, превратился в руины Кей-Кобад-Шах в Таджикистане.

Пришло в упадок ремесло, сократилась внутренняя торговля, жители разоренных городов переселились в новые районы, о чем красноречиво свидетельствуют согдийские колонии в Семиречье.

Правда, военные победы эфталитов над Ираном привели в начале VI в. к созданию огромного Эфталитского государства, но общий упадок городов и определенная «варваризация» местной культуры не вызывают сомнений.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ РЕНЕССАНС

Мавераннахр — «то, что за рекой» — называли арабские писатели обширную область между Амударьей и Сырдарьей. В средние века она дробилась на целый ряд мелких и крупных владений, время от времени объединявшихся удачливым полководцем или проницательным государственным деятелем, а затем вновь распадавшихся.

Замки смутного времени

Каждая большая эпоха имеет свой характерный исторический пейзаж. Пейзаж Средней Азии VI—VIII вв. был строг и суров. Ее покрывали большие и малые замки, угрюмые и неприступные. Там, где отсутствовала естественная возвышенность, она устраивалась искусственно — заменялась глинобитным цоколем в 4—8 м высотой. Стены замков, возведенные из сырцового кирпича или массивных глинобитных блоков, венчал зубчатый парапет, к воротам передко вел откидной мост. На одном серебряном блюде изображена осада такого замка многочисленным воинством. Остатки подобных замков-цитаделей открыты под Ташкентом (Ак-Тепе) и Самаркандом (Кафир-Кала, Тали-Барзу). Но лучше всего они сохранились в Хорезме, на правом берегу Амударьи, где археологами тщательно изучен целый оазис V—VII вв., тянувшийся вдоль канала на 25 км.

Как правило, несколько менее значительных замков тяготели к какому-то более крупному собрату, видимо,

резиденции знатного аристократа-землевладельца. Около замков, вознесенных на мощные глинобитные платформы, располагался обнесенный высокой стеной двор с различными подсобными хозяйственными строениями, жилищами челяди. Нередко он разрастался в небольшой посад — прообраз зарождающегося городка. В главном здании замка помимо жилых комнат с суфами-лежанками имелось и большое парадное помещение, подчас украшенное незатейливой лепкой из той же глины.

Часто поблизости находилась и фамильная усыпальница, в которой кости предков покоились в оссуариях. Этот обряд захоронения, характерный для местного варианта зороастризма, широко был распространен в V—VIII вв. по всей Средней Азии. Буквально не проходит года, чтобы где-нибудь археологи не обнаружили или один оссуарий, или целый некрополь, насчитывающий десятки оригинальных костехранилищ. Иногда стенки оссуариев богато украшены художественными рельефами, росписью. На хорезмийских оссуариях, найденных на кладбище поселения Ток-Кала, провинциальный мастер с наивной непосредственностью воспроизвел сцены оплакивания усопшего. Здесь же и трагически лаконичные надписи: «Год 738¹. Этот оссуарий Ваасвадина. Пусть в прекрасный рай будет препровождена его праведная душа».

Большинство советских историков считает, что широкое распространение замков в период VI—VIII вв. свидетельствует о развитии феодальных отношений, когда на первый план выдвигалась крупная и мелкая землевладельческая аристократия, именуемая в источниках «дихкане». Во время войны они составляли, подобно рыцарям средневековой Европы, отборную аристократическую конницу. В мирное время дихкане любили устраивать поединки всадников, напоминающие европейские турниры. Например, в Самарканде ежегодно в определенный день на одной из площадей ставился стол с кушаньями и вином. Всякий, кто претендовал на звание «всадника года», притрагивался к нему, вызывая тем самым победителя предшествующего сезона.

В среде дихкан и владельцев отдельных районов стро-

¹ Судя по целому ряду данных, упомянутая хорезмийская система летоисчисления брала свое начало где-то в первых веках нашей эры.

го соблюдалась иерархическая сословность. Существовал и институт службы при дворе. В Бухаре при ежедневном выезде местного правителя, носившего титул бухархудата, присутствовало по 200 молодых дихкан. Они менялись так, что каждый нес, по словам местного историка, службу четыре раза в год. Владетели и крупные дихканы имели также собственные дружины профессиональных воинов-чакиров. Разумеется, наряду с замками строились и росли города, в которых заметную роль играло богатое купечество, но именно замки и дихканы составляли характерную, определяющую черту этого периода.

Политическая обстановка того времени была весьма сложной. После распада Парфиянского и Кушанского царств повсюду царили неустойчивость и неуверенность. Юго-западные области Средней Азии, входившие в состав государства Сасанидов, в первую очередь подверглись давлению политических объединений, складывавшихся в Средней Азии и далеко за ее пределами, — сначала эфталитов, в битвах с которыми едва не рухнула дряхлеющая Сасанидская держава, а во второй половине VI в. — тюрок, нанесших эфталитскому объединению сокрушительный удар. Это громоздкое государство Центральной Азии, вскоре распавшееся на восточнотюркский и западнотюркский каганаты, начало оказывать в VI—VII вв. все более заметное влияние на Среднюю Азию. Причем происходило интенсивное проникновение в местную среду тюркоязычного населения, особенно на севере Средней Азии. Тюрки выдавали за местных правителей своих дочерей, а иногда сами становились во главе отдельных владений. Очевидно, поэтому в разных местах встречаются характерные тюркские погребения, в которых кочевник помещен вместе со своим неизменным спутником — верховым конем. Появляются и тюркоязычные падиши, выполненные орхонским письмом, по внешнему виду напоминающим рунические тексты Европы. Массовое проникновение тюркоязычного населения в среду народов, говоривших в основном на языках иранской группы, их взаимное смешение и ассимиляция имели важное значение для формирования народов, ныне населяющих Среднюю Азию.

В VII в. западнотюркский каганат, потерпев неудачу в борьбе с восточными тюрками усиливает давление на Среднюю Азию, стремясь утвердить здесь свою власть. Тюрки захватывают Чач, как именовался тогда район

современного Ташкента, тюркская династия обосновывается в Северной Фергане.

Видимо, для отпора тюркам складывается конфедерация владений в долинах Зеравшана и Кашкадарьи — сердцевинных областей Средней Азии. Эта территория в целом сохраняет свое древнее название Согд. Высокий уровень согдийской культуры, интенсивная торговая деятельность согдийцев оставили заметный след в истории многих стран Азиатского материка. Достаточно сказать, что от согдийской письменности ведет свое происхождение уйгурский алфавит, к которому в свою очередь восходят монгольская и маньчжурская системы письма. Но сколь бы важной ни являлась деятельность согдийцев в их многочисленных колониях, разбросанных вдоль торговых путей Центральной Азии, исконной метрополией Согда всегда оставался район Самарканда. И именно Самарканд возглавляет в VI в. разрозненные согдийские княжества. Его правитель носит титул «ихшид Согда, афшин Самарканда». Вероятно, созданная коалиция оказалась достаточно сильной: тюрки ограничились сбором дани, а их каганы выдали за правителя Самарканда своих дочерей.

Временный союз отнюдь не устранил политической раздробленности, в которую погрузилась страна, нередко тяжело страдавшая от грабительских набегов тюрков. Подобно феодальному сюзерену, ихшид Согда был лишь первым среди равных в бескрайнем море мелких князьков. Возможно, кто-либо из государственных деятелей того времени сознавал весь ужас положения, но в источниках такие сведения не сохранились. Страна, разрываемая на куски владельцами тысяч замков, еще не созрела для того, чтобы стать централизованным государством. Однако в условиях этой политической раздробленности процветала высокая и яркая культура, частично возвращенная на традиции античной эпохи. Не исключено, что состояние децентрализации этому даже способствовало: каждый удельный князек считал своим долгом превзойти соседа в меценатской деятельности. О культурном подъеме говорят археологические раскопки на протяжении двух последних десятилетий.

Помпей под Самаркандом

Если и существовали в раннем средневековье непосредливые люди, именуемые туристами, едва ли в список их маршрутов входил Пенджикент, расположенный в 70 км к востоку от Самарканда. Много было иных, более значительных достопримечательностей и чудес на древней согдийской земле. Чего стоили дворцы и храм стольного Самарканда или резиденция правителя Бухары бухар-худа-та, возведенная им в одном из городков плодородного оазиса! Или знаменитый дворец в Кушании — где-то между Самаркандом и Бухарой. Здесь на стенах красовались изображения царей четырех стран света. Но прошли века, и положение существенно изменилось. В многометровых толщах культурных слоев городища Афрасиаб погребены еще не разысканные археологами самаркандские храмы и дворцы. О самом местонахождении древней Кушании нет единого мнения даже в среде специалистов. А сравнительно небольшой, заурядный Пенджикент, один из многих удельных городов согдийской земли, собирает толпы новоявленных паломников. В редкой книге по истории искусства отсутствует упоминание о нем. Именно в Пенджикенте обрели свою вторую жизнь, казалось бы, безвозвратно утраченные культура и искусство раннесредневекового Согда. Сама судьба Пенджикента сделала его полпродом в эстафете веков.

Арабское нашествие VIII в., народные восстания против чужеземных поработителей погубили Пенджикент. Одни из его великолепных строений съело пламя пожаров, другие, опустевшие и обветшавшие от времени, постепенно исчезли под землей. Но руины сохранились почти в том же виде, какими они были двенадцать столетий назад. Это как бы моментальный снимок культуры и быта исчезнувшего народа — один из тех радостных подарков, которые время от времени получают археологи. Полностью раскопана почти четвертая часть всей площади Пенджикента, и точность современного путеводителя по его улицам и площадям может удовлетворить самого требовательного путешественника.

Над всем городом на холме высится цитадель. В древности далеко не каждый мог войти в неприступную твердыню пенджикентского правителя. Сейчас ограничения сняты, но поток посетителей не слишком возрос; остатки

расположенного здесь монументального дворца, пожалуй, в наибольшей степени пострадали. Жалкие фрагменты стенных росписей и обгоревшие обломки резного дерева дают лишь весьма отдаленное представление о его прежнем убранстве. Чтобы увидеть подлинную согдийскую культуру, необходимо спуститься в собственно город или, по средневековой терминологии, шахристан.

Расположенный на естественной возвышенности, он дополнительно укреплялся крепостной стеной с башнями. От главных городских ворот с южной стороны к центру города шла широкая улица. В северо-восточной части шахристана находилась центральная городская площадь — объект номер один для любознательных приезжих. Около нее два храма. Храмы сходны по планировке, но судьбы их различны: один погиб в огне большого пожара, второй просто забросили, и он превратился в осыпавшиеся руины. Главное здание храма, приподнятое на платформе, имело широкий портик, ведущий в четырехколонный зал. В глубине зала таилась небольшая дверь в замкнутое помещение — святая святых пещджикентских храмов, возможно, реликварий (не исключено, что тут хранилась статуя божества). Но ни то, ни другое не дожило до наших дней. Стены зала украшены монументальными фресками, а сам зал с трех сторон обрамлен обходным коридором. Обширный двор перед главным святилищем вмещал многочисленные толпы верующих. От водоема в центре его в полуденный зной веяло приятной прохладой. Вход во двор был оформлен широким портиком или, по среднеазиатской терминологии, айваном. Паломника сразу же встречали глиняные рельефы на стенах храма. Украшенные живописью и скульптурой пещджикентские храмы восхищали древних и восхищают современных путешественников. Правда, пилигрим VII в. мог, побеседовав с храмовым служкой или присмотревшись к ходу богослужения, составить вполне четкое представление о местном символе веры. Ныне же на эту тему нет единого мнения и в среде специалистов. Скорее всего, в Средней Азии в это время исповедовался главным образом один из вариантов зороастризма, но процветали и культ огня, и культ поклонения различным божествам. В некоторых городах при одном жертвоприношении закалывалось до тысячи баранов — вероятно, в честь весьма почитаемого божества. Наверное, отдельные области имели своих излюбленных

покровителей. На стене одного из храмов Пенджикента сцена оплакивания усопшего божества.

Парадные глиняные рельефы на айване того же сооружения — скорее всего отражение в искусстве культа многоводного Зеравшана — основы процветания Согда. Спиральные завитки, окрашенные в синий цвет, — бурные всплески полноводной реки с бугристыми берегами. В воде резвятся всевозможные рыбы, дельфины, а из подводного грота высунул голову отвратительный дракон. Эти традиционно подражательные образы восходят к весьма древним и территориально далеким канонам. Впрочем, они вполне в духе господствовавших эстетических концепций раннесредневекового Согда. Несмотря на несколько претенциозный декоративизм, храмы были украшением пенджикентской земли.

Однако искусство в эту эпоху вовсе не замыкалось и плену дворцовых и культовых строений. Посетим дом знатного согдийца в одном из больших кварталов, огражденном четкими линиями улиц, неподалеку от религиозных центров города. (В каждом квартале 5—6 таких домов.)

Внутри дома можно различить узкие коридорообразные помещения, перекрытые массивными сырцовыми сводами, каморки для прислуги, своеобразную лестничную клетку, ведущую на второй этаж или на крышу дома, богатый парадный зал площадью до 80 м². Его перекрытие поддерживают четыре деревянные колонны, украшенные богатой резьбой. В таких же залах других домов встречаются деревянные статуи. Так, в одном из домов обнаружена обуглившаяся скульптура танцовщицы, чья вычурная поза близко напоминает произведения индийского искусства. Вдоль стен тянулись глиняные суфы — своеобразные помосты для гостей. Прямо напротив входа суфа расширялась до размеров небольшой площадки — видимо, на этом почетном месте сидел сам хозяин. Многокрасочная роспись (обычно в три яруса) покрывала стены зала сверху донизу. В большинстве своем это не декоративные фрески, а остросюжетные сцены, нередко связанные между собой единой нитью повествования. Первоначально даже трудно было разобраться в этом торопливом нагромождении фигур и событий, и, лишь постепенно освоившись, зрители начинали узнавать на стенах гигантские иллюстрации к популярным сказаниям и

Арфистки. Стенная роспись. Пенджикент

литературным произведениям. Каждый дом гордился своими, как правило, оригинальными живописными полотнами. Такие богатые дома сосредоточены в восточной части города. Жилища, расположенные на юге пенджикентского шахристана, также отличались большими размерами, но залы с фресками отсутствуют. По-видимому, местные горожане не могли еще позволить себе подобной роскоши.

Примечательно, что в домах нет никаких признаков их деления на мужскую и женскую половины. Знатные согдийки пользовались значительными правами, принимая равноправное участие в основных развлечениях того времени. В росписи мы видим этих аристократок и на царских пирах, и на загородных верховых прогулках.

Заезжие путники имели возможность не только любоваться претенциозной роскошью быта пенджикентской знати, но и приобрести какой-либо сувенир на память о посещении согдийского города. Многочисленные лавочники-мастерские теснились вдоль магистральных улиц. Здесь производились и шелковые ткани, и металлические изделия. Ремеслами занималось и население пригорода. В домах-усадебках изготовлялись вина, обрабатывались стекло и металл. Хозяин каждой усадьбы специализировался в каком-либо отдельном виде производства, реализуя свой продукт на городских рынках. Деньги достаточно высоко ценились в процветающем городе. Около двух тысяч монет найдено при раскопках Пенджикента, причем иногда в небольших кладах, заботливо припрятанных владельцами. Несмотря на трагическую гибель города, разграбленного завоевателями, при раскопках обнаружены и драгоценные перстни, и различные украшения. Чего стоит один золотой брактеат с изображением волчицы, Ромула и Рема. Судя по ряду деталей, он — произведение рук местного мастера, следовавшего импортным образцам.

Итак, почти все стороны жизни согдийского общества раскрыли исследователям своеобразные Помпеи.

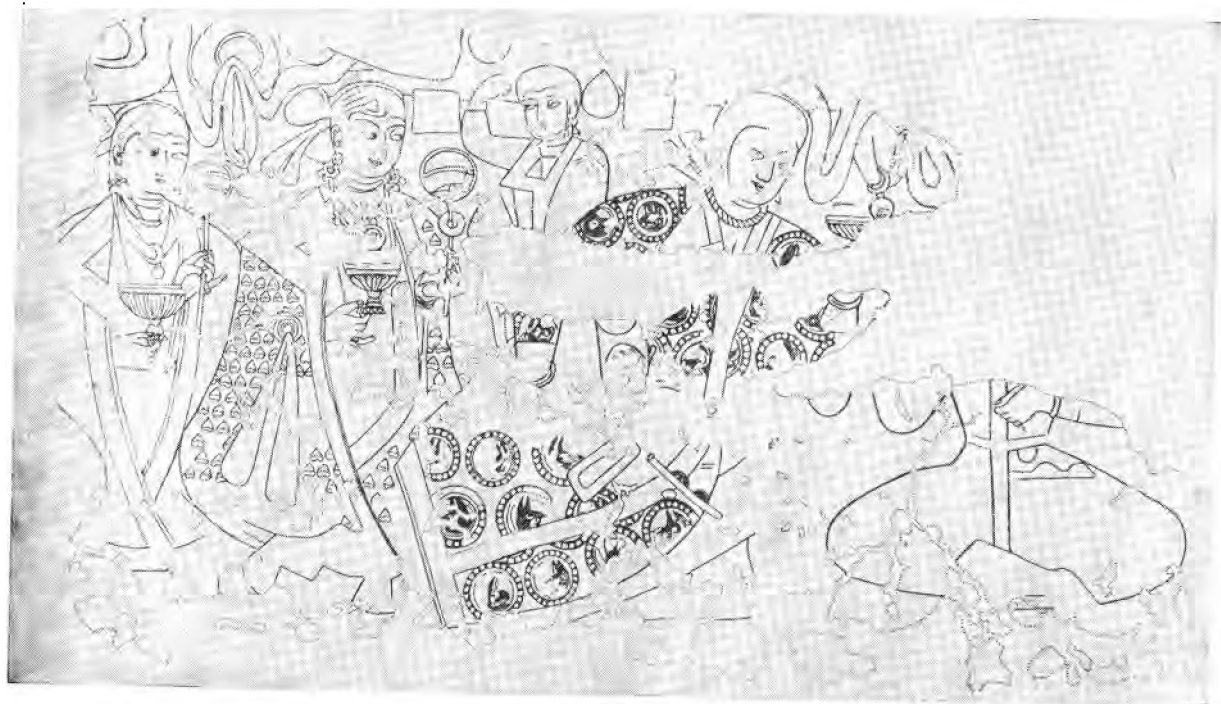
Согдийские эстеты

Сокровища искусства, сохранившиеся в глиняных руинах Пенджикента, на первых порах вызвали у археологов восхищенное изумление. «Морем согдийской живо-

писи» назвал Пенджикент один из исследователей. Зарождались даже сомнения — уж не имел ли он какого-либо особого значения, являясь, скажем, чем-то вроде культового центра всего раннесредневекового Согда? Однако с каждым годом становилось все яснее, что Пенджикент — обычный город. Изящные фрески, богатая резьба по дереву то и дело встречались при раскопках самых различных памятников VI—VIII вв. Даже в небольшом замке Балалык-Теке на юге Узбекистана стены главного зала оказались покрытыми изображениями иирующих вельмож. Пора первых восторгов и удивлений прошла, наступил период углубленного изучения. В буквальном смысле слова из-под земли вставала новая, ранее неизвестная школа согдийской живописи.

Как мы уже говорили, искусство в Пенджикенте вышло за рамки храмов и дворцов, и это определило круг его сюжетов, которые в основном несут светский характер. Культовые сцены крайне редки. Вероятно, к их числу принадлежит следующая: на фоне городской стены в катафалке покоится тело усопшего с короной на голове. Над ним в безутешной скорби склонились плакальщицы с распущенными волосами. На переднем плане семь полуобнаженных фигур. Люди рвут на себе волосы и надрезают в знак траура мочки ушей. Атмосфера печали создается цветовой гаммой — приглушенными красновато-коричневыми тонами. Исследователи предполагают, что умерший, подобно египетскому Озирису, — божество, олицетворяющее погибающую и вновь возрождающуюся природу. О том, что в Согде происходили подобные культовые церемонии, свидетельствуют и некоторые сообщения письменных источников.

Но больше всего пенджикентские художники любили жанровые сцены. Особенно интересен героический цикл, запечатленный в интерьере парадного зала одного из богатых домов. Герой повествования в великолепном вооружении, на темно-красном коне, в сопровождении четырех спутников сражается с чудовищем-драконом с головой львицы и туловищем змеи. В первом эпизоде чудовище как бы одолевает героя, обхватив его лапами и оплеля колодами змеиного туловища ноги коня. Правда, и фантастический монстр уже пострадал в схватке: из его ран вырываются струи адского пламени. Но вот наш герой торжествует победу — он направляется далее, навстречу

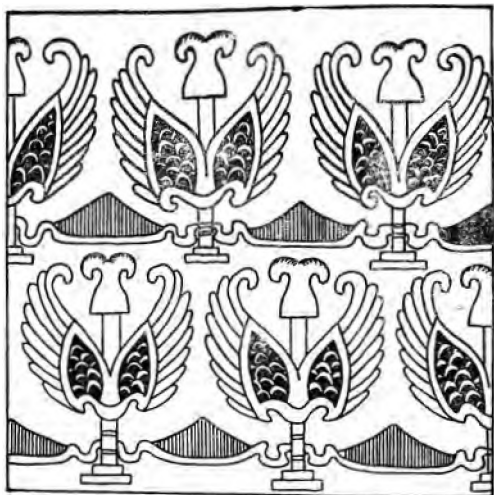
Степная роспись. Балалык-Тепе

новым опасностям, а под ногами его коня в предсмертных судорогах корчится дракон.

Тяжелая участь выпадает и на долю спутников главного героя — их атакуют демоны с человеческим туловищем, козлиными ногами, хвостом, острыми рогами и торчащими изо рта клыками. Любопытно, что сражение ведется по правилам рыцарского поединка — обе стороны орудут копьями и луками. Судя по трупам поверженных демонов, и здесь исход битвы, несмотря на ее острый драматизм, предрешен. Виднеющаяся на другом участке монументального фризa женщина, полускрытая горами, наводит на мысль о заточенной принцессе. Ради нее, наверное, совершает подвиги сказочный богатырь. Вполне правдоподобно заключение исследователей, что здесь воспроизведены подвиги легендарного героя Рустема, описание которых вошло в бессмертное творение иранского культурного мира — поэму «Шах-наме».

Вот сцены из другой повести — царь играет в нарды с мудрецом или волшебником и, скорее всего, проигрывает одного из своих слуг. Вот прославленная в мировом фольклоре птица счастья, несущая золотые яйца. Вот герой освобождает заточенную в дерево девушку. Вот хитроумный заяц, убедивший льва прыгнуть в водоем и избавивший тем самым зверей от царской тирании. Гигантская иллюстрированная библиотека встала перед археологами, раскапывавшими Пенджикент.

Третий тематический комплекс согдийских живописцев можно назвать бытовым. Мы, конечно, не всегда отличаем фрески этого жанра от картин на эпические и книжные сюжеты, но само наличие бытовых сцен несомненно. Излюбленное времяпрепровождение согдийской аристократии — битвы и пиры — нашло полное и достойное отражение. Пир на пенджикентских фресках обычно протекает в присутствии владетельной персоны, сидящей на троне и по иерархическому канону в несколько раз превосходящей по размерам вельмож из своего окружения. В полном богатом вооружении, в роскошных одеждах, расположившись на коврах, ведут неторопливую беседу согдийские аристократы. Вот они же, но уже в тяжелом рыцарском одеянии атакуют противника в сомкнутом конном строю. Конную схватку сменяет поединок спешенных воинов, сражающихся с помощью луков и копий. Имеются и лирические сцены: воин и молодая девушка на загородной прогулке.

Орнамент ткани.
Балалык-Тепе

Этот же круг живописных сюжетов находим мы и на других памятниках того времени. В 1965 г. парадный зал, во многом аналогичный парадным залам пенджикентских домов, был открыт на городище Афросиаб — величественных руинах столичного Самарканда. Его фрески более изящны и изысканны, да и размеры афросиабской гостиной несколько превосходят нормативы провинциального городка: площадь зала превышает 100 м². Здесь изображено прибытие посольства от властителя Чаганиана — области по среднему течению Сурхандарьи — к правителю Самарканда. Тщательно выписаны богатые одежды из узорчатых материй, облегающие мерно шествующие фигуры послов. К золотым поясам — характерному атрибуту согдийских дворян — подвешены мечи и кинжалы. На белых одеждах одного помещено 16-строчное повествование, написанное согдийским письмом, о прибытии в Самарканд чаганианской делегации и воспроизведена полная речь ее главы.

Следующая сцена повествует о событии действительно незаурядном. На ослепительно-синем фоне тяжелой, уверенной поступью продвигается слон. На нем сидит знатная дама, возможно даже принадлежащая к царскому

роду. Во всяком случае на руке одной из всадниц, следующих за слонем, написано: «Приближенная принцессы». Принцессу сопровождают и едущие на верблюдах мужчины. Какое-то культовое значение имеют крупные белые птицы, скорее всего лебеди, сопровождаемые слугами, рты которых закрыты белой повязкой во избежание осквернения дыханием пернатых подопечных. Замыкающая фигура этой процессии — по-видимому, также царского рода, если не сам царь — во много раз крупнее остальных персонажей. Исследователи предполагают, что перед нами картина свадебного путешествия или момент прибытия невесты к царственному жениху.

Ярки и выразительны росписи Варахши — резиденции правителей Бухары, носивших титул бухар-худатов. Средневековые авторы утверждали, что в Варахше находился дворец, красота которого вошла в поговорку. Хотя археологи нашли лишь обветшалые руины дворцовой построй-ки, где парадные фрески были безжалостно и преднамеренно разрушены в пору ислама, восхищение это вполне понятно и объяснимо. Поистине с царским великолепием отделан тронный зал. Красная гамма стеновых фресок придает интерьеру оттенок парадности и поражает воображение зрителя. Даже растительный пейзаж решен в красно-вато-желтых тонах. Пышны и величественны сцены царской охоты. Владетельные персоны, сидя на слонах, подвергаются нападению реальных и фантастических зверей, попарно атакующих охотников. Взадыбившиеся львы, крылатые грифоны, хищники типа леопардов и тигров — все это достойные объекты царской охоты. Пусть неловко выполнены приземистые фигуры слонов, пусть в угоду эстетическим концепциям львы, крылатые грифоны и прочие звери несколько декоративны — в целом монументальная живопись тронного зала Варахши оставляет неизгладимое впечатление. Древние живописцы специально не стали загромождать фрески многочисленными фигурами, как на пенджикентских панно. Равномерно распределенные по красному фризу сражающиеся группы сразу концентрируют внимание на центральном образе композиции — державном владыке. В других залах варахшанского дворца иные композиции, иные колористические решения. Сцена царского приема или пира весьма близка к некоторым пенджикентским фрескам, она выполнена в спокойных тонах на сероватом фоне.

Сцена игры в нарды. Стенная роспись. Пенджикент

Монументальные фрески как Самарканда, так и Бухары свидетельствуют о существовании единой художественной школы с совершенно особым восприятием окружающего мира. Определенная каноничность, столь четко выступающая затем в восточной миниатюре, видна и в композиции, и в отдельных деталях. Из поколения в поколение передаются навыки и приемы, лишь в конечном счете восходящие к живому наблюдению. Именно поэтому варахшанский художник воспроизводит условного тигра, хотя в подвалах того же дворца лежат шкуры реальных зверей, полуистлевшие остатки которых найдены археологами. В общем это искусство не античных городов, а раннефеодальной знати. Новая эпоха выдвинула новые эстетические концепции, и искусство шло в ногу с этими требованиями.

Государь Деваштич пишет письма

Замок захвачен неприятелем. Отзвучали причитания пленниц, имущество побежденных продано с аукциона, а сдавшийся осаждающим владетельный князь безжалостно распят. Трагедия произошла в 723 г. в горных областях Средней Азии к западу от Самарканда. А весной 1932 г. на вершине горы, где оплывшие и покинутые уже много столетий дремали руины павшей твердыни, заночевал пастух Джур-Али Мухаммед-Али. Здесь он обнаружил плетеную корзину и документ, исцеленный непопыханными письменами. Через некоторое время фотокопия документа попала в Ленинград, там ее изучили и пришли к выводу, что это первая согдийская рукопись, найденная на территории Средней Азии. На место находки выехала экспедиция Академии наук СССР, и вскоре имя заброшенной крепости — Калаи-Муг прочно вошло в анналы современной науки. Выяснилось, что там сохранились остатки одного или, скорее всего, нескольких архивов, запрятанных их владельцами при поспешной капитуляции. Семьдесят шесть документов на бумаге, коже и дереве оказались в распоряжении историков.

Центральное лицо многих документов архива — правитель Пенджикента Деваштич, претендовавший одно время на власть над всем Согдом. Загнанный в горы насту-

пающими арабами Деваштич погиб в замке Калаи-Муг от руки врага, противостоять которому ему удавалось в течение многих лет. В письмах согдийского монарха мы ощущаем неустанное стремление сплотить своих сторонников, получить четкую информацию о происходящих событиях.

Вот донесение политического агента Деваштича, посланного для сбора сведений и ведения переговоров в Фергану и Чач, как тогда именовалась область современного Ташкента. «Господину, государю, великому оплоту, согдийскому царю, самаркандскому государю Деваштичу» он рапортует о передаче писем правителям, о ведении устных переговоров, о военных столкновениях между арабами и их противниками. Но в грозной буре вооруженной и политической борьбы колебались многие твердые, и некоторые вассалы начинали недоверчиво поглядывать на своего сюзерена. Деваштич одергивает их, убеждает и увещевает. Одному из них, Афаруну, чье владение находилось неподалеку от Самарканда, Деваштич прямо пишет: «... вот уже много времени прошло, как от тебя никаких известий я не слышал... Как живешь, чем ты был занят, почему ты скрываешься? И если также кто-либо из людей находится с тобой, то соизволь подробно сообщить мне об этом»¹. Осторожный Афарун, судя по всему, предпочитает отмалчиваться. Деваштич разгневан, раздражение слышится в его следующем письме изворотливому вассалу: «Если ты будешь совершать глупости и упрямиться, то дом погубишь не свой, а мой... И также то письмо, которое мною не было тебе дозволено, ты написал. И если я так услышу, что ты отнес это письмо или что-либо взял, то, пока я жив, я не соглашусь увидеть твою рожу»². «Великий оплот» явно первичает и теряет выдержку. Это неудивительно: пытаясь отстоять независимость, Деваштич как бы предчувствует свою неминуемую гибель.

Вот еще одно письмо. Оно написано по-согдийски, но автор его араб Абд ар-Рахман бен Субх. Тон письма повелительный, высший обращается к низшему, и Деваштич уже не именуется «великим оплотом». В письме — выго-

¹ В. А. Лившиц. Юридические документы и письма. М., 1962, стр. 118.

² Там же, стр. 124.

вор за ведение переписки без должного информирования арабских инстанций.

Политическая система, одним из последних представителей которой был Деваштич, доживала считанные дни. Однако налаженная официальная хозяйственная переписка действовала с безукоризненной точностью. И здесь Деваштич нередко выступает и как автор, и как адресат, только отсутствует нервный накал, который звучит в политических посланиях. Он позволяет себе даже с легким юмором задать вопрос одному из сановников, посившему титул фрамандара: «Тем людям, относительно которых я тебе так приказываю «зерно им выдай!» ты не выдаешь? Тогда тем, которым тебе не следует выданать, ты выдаешь? И по слухам, ты очень уже обеспечен»¹. В другом письме Деваштич приказывает некоему Литниру отпустить благовонного вина, предназначенного для служанок. Зная соблазнительные свойства жидкости, Деваштич специально указывает, что остаток вина следует запечатать.

Какие только дела не волновали согдийскую администрацию! Вот расписка на десять козьих шкур, пять бычьих и одну ослиную. Расписка составлена в нескольких экземплярах, один из которых хранился в канцелярии фрамандара. Вот переписка самого фрамандара с его подчиненными о выдаче довольствия и пастьбе скота. У какого-то из мелких плательщиков сбежали работники, и он просит вышестоящее лицо их задержать.

В этой записке, затерявшейся среди многих других политических документов, как в фокусе отразилась вся сложная сущность взаимоотношений людей того времени. Очевидно, социальное неравенство уже получило свое юридическое обоснование, дающее право «власть имущим» насильно удерживать зависимых от них работников.

К сожалению, в нашем распоряжении еще слишком мало подобного рода источников. Однако и то, что есть, рисует картину полного бесправия простого человека.

Исполнительные чиновники подробно перечисляют произведенные расходы в драмах (тогдашней основной денежной единице). В реестр придворного казначея включены и 200 драм за лошадь, и шесть за пастьбу скота, и пять драм палачу. Какой-то женщине из селения Фраметап за неуказанные услуги выдано «на платье»

¹ Там же, стр. 132—133.

15 драм. Ту же сумму получил и главный виночерпий. «А за 11 драм, — сообщает согдийский счетовод, — я купил корову, ту, которую на новогоднем празднике съели»¹.

Но особенно интересен для характеристики согдийского общества VII—VIII вв. брачный договор, невесть как попавший в собрание рукописей из покинутого замка. Он достаточно ясно свидетельствует о высоком положении знатной согдийской женщины той эпохи. Ее права специально оговариваются юридическими нормативами, причем поручителем выступает удельный владетель одного из городов. Женщину зовут Чатой, а супруг носит тюркское имя Ут-Тегин. Первым условием заключаемого брака договор ставит взаимное уважение. «Пусть имеет Ут-Тегин эту Чату женой любимой, почитаемой, давая ей пропитание, одежду, украшения, с почетом, с любовью, в своем доме в качестве полноправной жены — так, как благородный мужчина благородную женщину женой имеет. И также пусть имеет Чата этого Ут-Тегина мужем любимым, почитаемым, и о его благополучии должна она заботиться, его приказ жена законом пусть считает — так, как благородная женщина благородного мужчину мужем имеет»².

Договором предусматриваются и различные трепия на брачном пути, и в первую очередь мужское непостоянство. Оценивается оно как прямое ущемление интересов жены. Мугский документ на сей счет вполне прям и определен: «Если Ут-Тегин без разрешения Чаты возьмет другую жену, либо служанку, либо другую такого рода женщину будет держать у тела, которая самой Чате будет не угодна, то муж Ут-Тегин жене Чате, ей самой, 30 драм динарских, хорошей сохранности, без примеси будет должен выплатить. И после этого такую женщину ни женой, ни служанкой да не имеет, пусть отошлет ее прочь»³. Если вспомнить, что распорядителю кредитов Деваштича за 11 драм удалось купить корову, то сумма в 30 драм окажется достаточно высокой платой за мимолетное развлечение, тем более что сам объект развлечения подлежал немедленному и безусловному удалению.

¹ Н. А. Лившиц. Юридические документы и письма, стр. 182.

² Там же, стр. 23.

³ Там же, стр. 23—24.

Сравнительно легко, согласно брачному договору, осуществлялся и развод. Инициатором его могли быть как муж, так и жена, имущественные права которой во втором случае, правда, несколько ущемлялись. Однако обязательства жениха особо оговаривались в специальном документе перед лицом родителей невесты или ее опекуна. В данном случае Чата имеет лишь опекуна — влиятельного согдийского правителя. При расторжении брака Ут-Тегип обязуется выплатить опекуну 100 драхм сразу или в рассрочку с учетом процентов. На обоих документах приписано, что это экземпляр Чаты. Видимо, Чата была в числе знатных согдийцев, последовавших за Денашти-чем в его последнее убежище, когда над устоявшимся обществом нависла угроза арабского нашествия.

Арабы приносят ислам

В VII—VIII вв. под красивыми лозунгами распространения ислама арабы осуществили серию успешных походов.

Новые подданные «повелителя правоверных» понуждались к принятию мусульманской религии, включались в состав армии. Присоединенный к арабскому халифату Хорасан, как именовались в средние века области Южной Туркмении и Северо-Восточного Ирана, стал базой для дальнейшего наступления на заамударьинские области.

Первоначально отсюда совершались только отдельные рейды и набеги. В 673 г. хорасанский наместник Убейдулла ибн Зияд перешел Амударью, разграбил богатый город Пайкент и направился к Бухаре. Ее правительнице едва удалось откупиться. В 676 г. новый наместник Хорасана вновь появился под Бухарой. Взяв заложников, он вынудил местные власти соблюдать нейтралитет и двинулся к Самарканду. Правда, город покорить ему не удалось. Создавалось впечатление, что арабы рассматривают Маверааннахр как огромную кассу для безвозмездных ссуд. Так, Сальм ибн Зияд в 680 г. совершил грабительское турне по Хорезму и Согду вообще без всяких вооруженных столкновений.

Наверное, согдийские и хорезмийские династии считали набеги стремительных всадников из-за Амударьи

преходящим злом и надеялись отделаться данью. В десятках мелких владений Средней Азии, раздираемых внутренними противоречиями, не нашлось ни одного принципиального государственного деятеля, который понял бы всю опасность происходившего. Вельможи спокойно пировали в парадных залах своих дворцов и замков. Единым был лишь стиль фресок, украшавших стены их нарядных гостиных, а о политическом единстве страны не приходилось и мечтать. Вскоре последствия такого равнодушия обернулись для всех трагедией.

Укрепив внутреннее положение халифата, арабы приступили к планомерному покорению заречных областей. В 706 г. решительный и беспощадный Кутейба, следуя традиционным путем арабских воителей, перешел Амударью и после осады взял Пайкенд. Захватчики перебили защитников, а найденные драгоценности переплавили в огромные слитки. Арабские конкистадоры торжествовали. В 709 г. настала очередь Бухары, причем Кутейба сумел посеять рознь между тюрками и самаркандским правителем Тархуном. Один за другим пали согдийские города, а крупнейший государь Согда — Тархун продолжал бездействовать. В стране зрело острое недовольство политикой соглашательства, и в 710 г. Тархун был палачом и брошен в тюрьму. Там, по официальной версии, он покончил жизнь самоубийством.

Новый правитель Гурек пытался создать антиарабскую коалицию, но не сумел. В 712 г., после завоевания Хорезма, где Кутейба опять-таки успешно использовал внутренние неурядицы, он осадил Самарканд. В качестве вспомогательных войск за ним следовали хорезмийские и бухарские отряды. Попытка деблокады города, предпринятая сводным отрядом из тюрков, ферганцев и жителей Чача, была отражена Кутейбой, заранее предупрежденным своей разведкой. Через месяц победители вступили в Самарканд. Наложив на город тяжелую контрибуцию (источники говорят о 2 млн. драхм, 3 тыс. рабов и т. д.), Кутейба счел лужным демонстративно надругаться над местной религией. Он приказал выбросить из храмов согдийской столицы золотые и серебряные статуи «идолов» и на грандиозном костре в центре города расплавить их. Тщетно делегация местных жителей умоляла Кутейбу не оскорблять святынь: непреклонный носитель идей воинствующего ислама сам зажег

костер. Вскоре Кутейба совершил походы в Чач и Фергану и достиг пределов Восточного Туркестана.

На первый взгляд, трудно понять, почему арабские завоеватели сравнительно быстро и легко покорили среднеазиатские народы, славившиеся отважностью в бою и свободолюбием. В первую очередь это, конечно, объясняется общей раздробленностью страны, отсутствием единства в борьбе с внешним врагом. Вместе с тем отдельные прослойки местного общества и прежде всего знать и купцы, думая лишь о личных, своекорыстных интересах, не прочь были договориться с арабами при условии сохранения их старых привилегий.

В этом отношении показателен пример, который приводит историк Ат-Табари. По его словам, арабский наместник Хорасана — Убейя ибн-Абдаллах, задумав поход на Мавераннахр и испытывая недостаток в средствах, сдал крупный заем у местных согдийских купцов и богатых горожан. Этот небольшой штрих красноречивее десятков и сотен страниц пространных описаний других средневековых авторов рисует картину классовой дифференциации местного общества. Очевидно, отдельным представителям крупной знати и купечества выгодно было вкладывать деньги даже в войну против собственного народа, в ущерб интересам общенациональной независимости.

Однако поработенную страну требовалось держать в повиновении. И арабы для упрочения своей власти прибегли к двум средствам: колонизации и исламизации. Целые арабские племена переправлялись через Амударью и расселялись на вновь завоеванных территориях. Дома в городах отбирались у местных жителей и отдавались арабам. В Бухаре, как пишет один из средневековых историков, Кутейба принял решение поселить бухарцев и арабов вместе, чтобы они лучше узнали друг друга. Для пропаганды ислама привлекались искусные проповедники, повоиспеченные мусульмане освобождались от налогов, храмы в городах превращались в мечети. Стремясь использовать все формы воздействия, Кутейба даже распорядился выдавать в Бухаре местным жителям по два драхмы за посещение молений по пятницам. Но насильственная смена религии глубоко затронула национальные чувства согдийцев и явилась одной из причин ожесточенного антиарабского движения. Восстания то и дело

потрясали страну. В 728 г., например, весь Мавераннахр, кроме двух городов, охватило пламя мятежа.

В этих условиях политика «разделяй и властвуй» приобрела социальный оттенок. Завоеватели взяли курс на объединение с землевладельческой аристократией Согда. Арабский наместник Наср ибн Сейяр, правивший с 738 по 748 г., демонстративно женился на дочери Тахшада, одного из последних правителей Бухары, посившего титул бухар-худата. Нельзя сказать, что новая политика встретила безоговорочную поддержку с обеих сторон. В частности, упомянутого Тахшада вскоре убила группа лиц, недовольных процессом исламизации. Но общая линия была верной. Лишь широко опираясь на местные силы, привлекая их к управлению, арабский халифат мог надеяться на упрочение своего существования. Именно так стали действовать представители новой династии, утвердившиеся в Багдаде в 750 г., — Аббасиды.

Слияние верхушки завоевателей с верхушкой местной знати привело к выступлениям против арабов антифеодальный характер. Волна массовых народных движений, поддерживаемых подлинными согдийскими патриотами, захлестнула Среднюю Азию VIII в. Особенно значительным явилось выступление «людей в белых одеждах» — восстание Мукавны 776—783 гг. В платформе Мукавны лозунги политической независимости сочетались с требованиями уничтожения экономического неравенства. Сам халиф прибыл в Хорасан, чтобы лично следить за борьбой с повстанцами.

После завоевания арабами Средней Азии ее экономика и культура пришли в упадок. Бесконечные войны и восстания, штурмы и грабежи нанесли заметный удар по благосостоянию городов и сел. Были уничтожены сотни памятников культуры. Археологи нередко становятся как бы очевидцами этих далеких событий, когда находят согдийские фрески с тщательно выскобленными лицами людей.

Вместе с тем по мере того как правительство халифата отходило от политики ограниченного национализма, положение менялось. Выходцы из среды покоренных народов занимали уже далеко не последнее место на иерархической лестнице. Задолго до Генриха IV, придя к выводу, что «Париж стоит миссы», местная знать приняла ислам. Арабский язык превратился в язык государ-

ственных канцелярий, науки и литературы. Центральная власть, открыто покровительствуя торговле, устанавливала и совершенствовала систему караванных дорог и почтовой связи, и Средняя Азия шире вовлекалась в орбиту торговых и культурных взаимоотношений со странами Ближнего Востока. Казалось, открылись возможности преодоления политической раздробленности, стоявшей на пути прогресса в самых различных областях. Носителями и наиболее яркими выразителями этих новых, бесспорно прогрессивных тенденций стали представители целого ряда местных династий, осуществлявшие свою политику в сложной и запутанной обстановке.

Одна политика трех династий

История многих стран феодальной эпохи похожа на пестрый приключенческий роман — дворцовые заговоры и перевороты, взлеты и падения удачливых кондотьеров, неустанное перекраивание удельными правителями лоскутного одеяла политической карты страны в собственных эгоистических интересах. Такова история и Средней Азии IX—XII вв. Как и в Западной Европе, номинальным духовным и политическим главой в мусульманском мире считался наместник бога на земле — багдадский халиф. Верноподанные правители смиренно именовали себя «клиентами повелителя правоверных» или даже просто «сборщиками налогов», что отнюдь не мешало им сохранять полную самостоятельность, а при случае и посягать на власть и жизнь багдадской марионетки. Правда, никому из восточных владык не удалось достичь такого выдающегося успеха, как авиньонское пленение пап.

Вместе с тем история средневековой Средней Азии имеет одну отличительную черту. В Западной Европе политическая ситуация таковала обычно привычную колоту герцогов и маркграфов. В Средней Азии, неподалеку от которой проходила граница между земледельческими оазисами и кочевым миром, кочевые племена выступали в качестве важного участника политической игры. Беспокойные помады, то объединяемые удачливым вождем, то просто призываемые кем-либо из соперников в междоусобной войне, нередко сами захватывали власть и ста-

новились у руля государственной машины. Однако обычно это не вносило принципиальных изменений в осуществляемую политику. Вчерашние кочевники неизбежно вставали на путь патронирования городской цивилизации, что в конечном итоге и обеспечивало политическую устойчивость новоявленным династиям.

Вместе с тем в калейдоскопе феодальных неурядиц и смут, раздиравших Среднюю Азию IX—XII вв., отчетливо выступают две основные тенденции: стремление избавиться от власти арабов и создать централизованные государственные системы. Первоначально анти-арабские тенденции занимали главное место в политике среднеазиатских эмиров.

Арабских наместников на востоке халифата постепенно смещали местные аристократы. Тесно связанные с различными слоями страны, они быстро добивались значительного влияния. Обеспокоенные халифы на первых порах пытались замедлить этот процесс. Прославленный герой сказок Шахерезады Гарун ар-Рашид даже приказал как-то перебить членов одного знатного хорасанского семейства, долгое время числившихся у него в интимных наперстниках. Но повернуть события вспять было уже невозможно. В Хорасане теперь прочно утверждаются на посту наместников Тахириды.

Первый из них — Тахир ибн Хусейн явно хотел превратить свои владения в самостоятельное государство. Не прошло и года с начала его правления, как в мечети в пятничных молитвах «случайно» перестало упоминаться имя халифа. Тайная полиция халифата действовала быстро и решительно, и вскоре Тахир неожиданно умер. Его смерть породила слух об отравлении. И официально халиф уже не решился затронуть могущественный род. Хорасанским наместником он утвердил сына Тахира — Абдуллу ибн Тахира (828—844).

Этот энергичный человек много сделал для упорядочения системы налогообложения, борясь с лихоимством сборщиков налогов разорявших одновременно и крестьян, и государственную казну. С целью улучшения торговых путей и обороны страны в целом ряде мест по его указанию выросли укрепленные торговые станции — рабаты. Но отнюдь не внешние враги являлись главной угрозой для развивающейся страны. Корыстолюбивое местничество мелких феодалов было основным препятствием на пути

прогресса и процветания. Правители уделов в той же мере не считались с государственными интересами и сюзеренитетом хорасанского наместника, в какой он сам третировал багдадских халифов. Поэтому всякий раз, как в стране устанавливалась новая династия, ее наиболее дальновидные представители неизменно вступали на путь борьбы с сепаратистскими тенденциями.

Особенно ярко это проявилось в период деятельности Саманидов (900—999). Первоначально Саманидов в качестве уездных наместников назначали Тахириды. С течением времени их положение все более укреплялось. Четыре брата — сыновья Асада ибн Самана — в первой половине IX в. стали наместниками Ферганы, Самарканда, Шаха (район Ташкента) и Усрушаны (район к северо-востоку от Самарканда). Главные области Мавераннахра, за исключением Бухары, оказались таким образом в руках одной семьи. С ослаблением власти хорасанского наместника в Бухаре утвердился Исмаил ибн Ахмед, правнук основателя династии Саманидов. В 838 г., разбив армию своего брата Насра (по старшинству главы рода), Исмаил подчинил своей власти весь Мавераннахр, а с 900 г. — Хорасан. Энергичный правитель приступил к устройству обширной державы. При этом главное внимание он уделял созданию регулярной армии и централизованного государственного аппарата.

Опора новой династии — гвардия — формировалась из гуламов (покупных рабов тюркского происхождения). Существовала детально разработанная система продвижения по службе этих среднеазиатских ландскнехтов. В течение первого года их обучали как пеших воинов и под страхом наказания им запрещалось даже тайком садиться на лошадь. Лишь на шестой год службы при благоприятных рекомендациях гулам мог занять должность начальника палатки, в которой кроме него находилось еще трое воинов. Глава тюркской гвардии считался одним из первых сановников Саманидской державы. Это войско было значительно боеспособнее ополчения, состоявшего из отрядов, приводимых местными правителями, смотрящими на общегосударственные интересы сквозь призму федерализма. Неудивительно, что Исмаил прекрасно сознавал свою роль преобразователя. Когда к нему обратился по вопросу о ремонте степ, окружавших Бухарский оазис, он гордо ответил: «Я — стена Бухары».

Налаживая работу государственного аппарата, Исмаил Самавид во многом ориентировался на систему диванов — центральных ведомств, или министерств, сложившуюся в Аббасидском халифате. Их насчитывалось десять. Один из преемников Исмаила вознес для них на главной площади даже десять специальных зданий. Главным был диван визиря — своеобразного премьер-министра восточных государей. Визирь возглавлял все центральное управление. Отдельные диваны ведали учетом доходов и расходов, составлением государственных бумаг, тюркской гвардией и почтой. Многочисленный чиновничий аппарат требовал постоянного контроля, для чего предназначался специальный диван мушрифов (наблюдателей). Центральному управлению подчинялись диваны областных центров.

Существовал и административно-фискальный аппарат, призванный способствовать нормальному функционированию центральной власти, следить за тем, чтобы «ничья голова не высовывалась из ошейника послушания». Оперативную информацию правительствам восточных государств поставляли сахиб-хабары — осведомители. Выдающийся государственный деятель Востока — визирь Низам аль-мульк указывал, что сахиб-хабары должны назначаться лично государем и получать ежемесячную плату из казны, «чтобы они действовали в душевном спокойствии». Правда, и сам Низам аль-мульк понимал, что ценность такой системы государственных следователей весьма относительна. В своем сочинении о руководстве государством он приводит ответ сельджукского султана Алп-Арслана, которого спросили, почему он не имеет сахиб-хабара. «Ты хочешь пустить мое царство на ветер, — ответил султан, — отвратить от меня моих приверженцев. Если я назначу сахиб-хабара для того, кто со мной искренен и дружен, это не будет иметь значения, он не даст ему взятки, а тот, кто мне противник и враг, будет дружить с ним, дарить имущество. Волей-неволей сахиб-хабар будет сообщать мне плохие сведения о моих друзьях и хорошие о врагах. Хорошее и плохое слово, как стрелы: выпустить несколько слов, в конце концов одна попадает в цель; с каждым днем мое сердце будет озлобляться на друзей, становиться лучше к врагам. Через короткое время друзья удалятся, а враги приблизятся, пока не займут места друзей». Приводя этот рассказ, Низам аль-мульк не без впутренного вздоха комментирует его следующим

образом: «Однако все-таки предпочтительнее, чтобы существовал сахиб-хабар. Существование должности сахиб-хабара — одна из основ царства»¹.

Стройная система, созданная Исмаилом Саманидом, действовала далеко не безотказно. Чиновники беззастенчиво злоупотребляли своим положением, крупные феодалы отнюдь не всегда считались с державной Бухарой, а гвардия гуламов, подобно римским преторианцам, нередко утверждала на престоле удобного ей ставленника. Уже сын Исмаила — Ахмед (907—914), покровительствовавший чиновникам, знающим арабский язык, вызвал недовольство патристических кругов, и его убили гуламы. На престол был возведен его восьмилетний сын Наср II (914—943) при фактическом регентстве визирия. Придворные интриги, религиозная борьба между различными группами духовенства, глухое недовольство народа, избираемого чиновниками, подтачивали устои страны изнутри. Подняли голову притихшие на время крупные феодалы, а тюркские военачальники стремились основать независимое владение. С целого ряда областей поступление доходов в казну Саманидов практически прекратилось.

В этих условиях движение засырдарьинских кочевников, возглавляемых Богра-ханом, оказалось для Саманидской династии роковым. В результате предательства тюркского генералитета саманидская армия потерпела поражение, и в 992 г. Богра-хан занял Бухару. В 999 г. в Мавераннахре утвердился новая династия — Караханидов, тюрков по происхождению. Некогда мощное государство распалось на уделы, из-за которых то и дело вспыхивала ожесточенная борьба. Однако наиболее дальновидные из Караханидов, в частности Арслан-хан (1102—1130), старались по мере сил преодолеть эту раздробленность, покровительствовали городам. Из построек периода его правления доныне сохранился минарет Калин, стройный силуэт которого венчает один из архитектурных комплексов Бухары.

В конечном итоге ту же картину мы наблюдаем и в среде другой династии, также имевшей кочевое происхождение и обосновавшейся первоначально на территории современной Южной Туркмении и Северного Ирана, — династии Сельджукидов. Их военные успехи множи-

¹ Низам аль-мульк. Сиясат-Наме. М. - Л., 1969, стр. 73.

лись со стремительной быстротой. В 1040 г. Сельджуки подчинили Хорасан, откуда некогда арабские военачальники двинулись на завоевание Средней Азии. Затем настала очередь Ирана, а в 1054 г. сельджукская армия вступила в Багдад, лишив халифа светской власти. При «великих Сельджуках» — Алп-Арслане (1063—1072) и его сыне Меликшахе (1072—1092) присоединяются Малая Азия и Сирия, признают сельджукский сюзеренитет Караханиды Мавераннахра. Вчерашние кочевники становятся хозяевами огромного государства. И дальновидные султаны обращаются к традиционным административным системам, существовавшим в покоренных ими странах. Нодаром первым советником и визирем обоих «великих Сельджуков» был знаменитый Низам аль-мульк, чье административно-управленческое кредо мы цитировали выше. Особенно заботится сельджукское правительство о городах и торговле. На торговых путях, проходящих через пески, строятся караван-сарай, в городах возводятся величественные архитектурные ансамбли, такие, как один из лучших памятников среднеазиатской архитектуры мавзолеей последнего из «великих Сельджуков» — Султана Санджара (1118—1157) в Мерве.

Нет необходимости подробно описывать детали междоусобиц и династийных смут, на которые лучшие умы той эпохи тратили столько сил и средств. В целом Средняя Азия достигает относительно благосостояния и подъема. И когда фортуна улыбнулась провинциальным владетелям Хорезма, создавшим во второй половине XII — начале XIII в. обширное государство хорезмшахов, наступил едва ли не последний этап расцвета. Многообразие его проявлений порой просто поражает. Это время гениальных ученых, бессмертных поэтов, замечательных зодчих. Даже рядовой памятник культуры Средней Азии X—XII вв. отличается изысканностью и изяществом.

Сад «повелителя правоверных»

«Садом повелителя правоверных» именуют передко Среднюю Азию X—XII вв. тогдашние географы, заполнившие не одну страницу своих энциклопедических трудов описаниями среднеазиатских оазисов и городов. Полив-

ное земледелие превратило долины Зеравшана и Мургаба в подлинныя житницы страны. Особой известностью пользовалась мургабская ирригационная система, обеспечивавшая водой Мервский оазис. Ее обслуживало 12 тыс. человек. Буквально нет ни одного уголка страны, где бы не поднимались города, приходя на смену селам и постоянным дворам. Немало этому способствовал и расцвет международной торговли: из Средней Азии купеческие караваны регулярно отправлялись к берегам Волги и в далекий Китай.

Над всем сонмом мелких и крупных центров высились три гиганта: Бухара, Самарканд и Мерв. С XII в. их начинает нагонять и Ургенч — столица поднимающейся династии хорезмшахов. С подлинным восхищением говорят о них древние путешественники. Поражают эти города и современных археологов, изучающих оплывшие руины. Одни развалины Мерва и его пригородов занимают площадь около 60 км².

Укрепленным центром города обычно была цитадель, где располагались дворец правителя, монетный двор и тюрьма — тогдашние неизменные спутники устойчивой государственной власти. Но пульс подлинной жизни бился на все разрастающейся территории собственно города, также окруженной крепостными стенами. Здесь, рядом с многолюдными базарами и кварталами ремесленников, тянулись вывешенные величественные мечети, стояли здания библиотек. Славилась библиотека Саманидов в Бухаре, где рукописные книги распределялись по специальным отраслям и хранились соответствующим образом в отдельных помещениях. В начале XIII в. в Мерве существовало десять первоклассных книгохранилищ. Средневековые ученые пишут, что эти собрания заставляли их забывать семью и детей. Видное место занимали на среднеазиатских базарах и продавцы рукописей — средневековые букинисты.

Многие из рукописей принадлежали перу среднеазиатских авторов. В X—XI вв. Мавераннахр подарил миру целое созвездие выдающихся ученых и писателей, чьи произведения отмечены печатью подлинного гения. Таков философ и врач, неутомимый труженик, блестящий стилист и вольнодумец уроженец Бухары Абу Али ибн-Сина, известный в Европе под именем Авиценны (980—1037). Не менее колоритен хорезмиец Абурайхан Биру-

ни (972—1048) — энциклопедист гигантской трудоспособности и творческого потенциала. Он создал около 150 трудов почти по всем отраслям знаний от истории и географии до астрономии и математики. X век — век рождения таджикско-персидской поэзии. Особенно прославились при дворе Саманидов поэты Рудаки и Дакики. Дакики начал огромную работу по стихотворному переложению пранского эпоса, законченную позднее Фирдоуси, который включил в «Шах-наме» 1000 байтов (двустийший) своего выдающегося предшественника.

Цветущие города средневековой Средней Азии были ареной неустанной деятельности талантливых зодчих, чьи имена нам во многих случаях неизвестны, по чьи научные трактаты и поэмы, воплощенные в камень и кирпич, вошли в сокровищницу мировой культуры.

Монументальное строительство рассматривалось на Востоке как символ политической устойчивости и могущества правящей династии, и эпоха X—XII вв. ставила в этом отношении перед среднеазиатскими архитекторами все новые и новые задачи. Они старались идти в ногу с временем, совершенствуя строительные материалы, изобретая новые конструкции, применяя новые виды декора. До наших дней сохранилось сравнительно ограниченное число памятников X—XII вв., но они свидетельствуют о блестящих достижениях средневековых мастеров.

Одним из наиболее ранних памятников является мавзолей Исмаила Саманида конца IX в. в Бухаре, служивший фамильной усыпальницей Саманидской династии. Здесь использован новый вид строительного материала — неизвестный в согдийском Пенджикенте жженый кирпич, значительно увеличивший конструктивные и эстетические возможности архитектуры. Объемно-композиционное решение мавзолея просто и лаконично: полусфера купола на кубическом основании, венчаемом легкой аркадой. Вместе с тем гармония частей и целого достигнута благодаря математически точной разработке пропорций, лежащих в основу проекта. Законченная легкость и упругость композиции умело дополняется ажурно-кружевной ornamentацией из обычного и резного кирпича. Но в этом изящном здании уже проскальзывает стремление к вычурному, порой нарочитому декоративизму.

В интерьерах строений архитекторы пользуются ма-

териалами, менее подверженными климатическим колебаниям. Так, руины дворца, открытого на Афросиабе, украшены великолепными резными стукowymi панелями, в которых затейливо переплетается кружевная вязь растительных и геометрических орнаментов. Возможно, это резиденция Саманидов.

В XI—XII вв. постепенно в постройках выделяется портал, подчеркнуто объемный, призванный концентрировать внимание зрителя. Ведь в условиях скученной городской застройки именно парадный портал определял внешний облик всего сооружения в целом.

На отделке портала сосредоточиваются теперь основные усилия декораторов. Для этой цели уже в северном узгенском мавзолее (их всего три, они, видимо, служили усыпальницами династии Караханидов) успешно используется резная терракота. Легко струится фриз южного узгенского мавзолея, тонко оттеняемый менее высокой резьбой, дающей как бы фоновую подсветку. Широкое распространение резной терракоты составляет одну из особенностей средневековой архитектуры Средней Азии. Не претендующий на колористическую броскость, основанный полностью на игре светотени, этот вид архитектурного декора не нарушал целостности восприятия здания. Достаточно выразительны объемы мавзолея Айша-Биби у г. Джамбула, сплошь затканного причудливым узором терракотовой облицовки. Вместе с тем в монументально масштабных сооружениях широко применяется и фигурная кладка кирпича, например на бухарском минарете Калян 1127 г., в сочетании с терракотой, покрытой голубой глазурью. Здесь цвет впервые вступает в новую для него область, что отражает растущую тенденцию к утонченной парадности. Декоративизм становится все более самодовлеющей чертой в творчестве зодчих.

Специалисты насчитывают несколько местных архитектурных школ в домонгольской Средней Азии. Скажем, в сельджукском Хорасане узорная кладка кирпича соседствует со стуковой резьбой, а резная терракота, напротив, не получает большого распространения. Таково убранство мечети Талхатан-баба (около 1096 г.) и так называемого мавзолея Мухаммед Ханая в Мерве (1112—1113). Шедевр хорасанской архитектуры — мавзолей Султана Саиджара в том же Мерве, построенный, видимо, незадолго до смерти (1157) этого последнего из

Мавзолей. Уагетт

Мавзолей Фахр ад-дин Рази. Куня-Ургенч

«великих Сельджуков», — поражает монументальной лаконичностью, подавляет зрителя царским величием, в отличие от утонченной интимности усыпальницы Исмаила Саманида в Бухаре.

Весьма оригинальны шатровые мавзолеи (скорее всего, усыпальницы хорезмшахов), возведенные в XII — начале XIII в. в Ургенче. Декоративно выделенный портал и резная терракота одного из памятников хорезмской архитектуры — так называемого мавзолея Фахр ад-дин Рази — роднят его с произведениями зодчих Мавераннахра.

Изысканный орнаментализм процветал не только на улицах и площадях среднеазиатских городов. Искусные ремесленники, руководствуясь господствующими эстетическими веяниями, создавали чеканные бронзовые изделия, инкрустированные серебром и красной медью, стеклянные флаконы замысловатой формы, нередко в виде фигурок фантастических животных, дорогие сервизы. Но особенно славилась среднеазиатская керамика IX—XII вв. (она наиболее полно представлена в музейных коллекциях). В это время значительная часть глиняной посуды стала покрываться стекловидной поливой различных цветов, и парадные блюда среднеазиатского средневековья до наших дней сохранили свою поистине нетленную красоту. Иногда мастера привлекала пестрая, радужная гамма, в других случаях рисунок монохромен, но зато выполнен с аристократической строгостью и изяществом.

Великолепна парадная посуда IX—X вв. с арабскими надписями. Надписи выполнены почерком куфи, декоративная вычурность которого обеспечила ему широкое распространение в прикладном искусстве. Чаще всего это добрые пожелания, иногда весьма пространные («благословение владельцу сего»), иногда краткие: «счастье», «здравие», «долголетие». Значительная их часть восхваляет щедрость — качество вполне уместное на пирах, где ели из парадной посуды. «Щедрость охраняет от всего, кроме зла», — сообщает нам древний моралист, увековечивший свое изречение в гончарной мастерской. В иных случаях предпочтение отдано более высоким материям. «Начало учения горько на вкус, а конец его слаще меда», — читаем мы на другом блюде. Есть и пословица, сообщающая о том, что «кто много говорит — тот унижает себя». Едва ли этот призыв пришелся бы по душе участникам удалого пиршества, если бы они разгляде-

Штампованный сосуд. Султан-Кала

ли сентенциозные увещевания на своих фиалах. С приходом к власти местной династии Саманидов число арабских пословиц на керамике сокращается, а к XI в. они полностью исчезают. Сохраняются лишь короткие благопожелания, а вскоре к ним добавляются и персидско-таджикские надписи, выполненные арабским алфавитом.

Широко были распространены на поливной керамике и причудливые растительные орнаменты, и сложная геометрическая плетенка. Изредка встречаются изображения людей и животных в той манере нарочитой стилизации, которая восходит еще к пенджикентским фрескам. Вместе с тем, подобно зодчим XI—XII вв., среднеазиатские керамисты использовали и монохромный

рельеф, где строго продуманная игра света и тени заменяла пестрое очарование ярких красок. Высшим достижением в этом отношении явилась штампованная керамика Мерва XII — начала XIII в. Раскопаны остатки нескольких мастерских, хозяева которых, гордясь своей незаурядной продукцией, ставили на ней метку с собственным именем. Горлышко, а иногда и дно сосудов покрыты сплошной кружевной вязью растительных и геометрических орнаментов, эпиграфических панно, а зачастую и изображениями живых существ. Сюжетный репертуар исключительно разнообразен: и охотничьи псы, преследующие убегающих зверей, и сам охотник с лов-

Изображение гона зверей. Штампованный сосуд: Мерв

Изображение козла. Оттиск со штампа. Султан-Кала

чей птицей на руке. Нередки и воспроизведения сцен пира и просто отдельных животных, птиц или рыб, образующие с ритмичной уравновешенностью целые орнаментальные пояса. Творения мастеров-керамистов — неутомимых тружеников среднеазиатских базаров, бессмертные произведения поэтов, ученых и зодчих — все в равной мере свидетельствует о высоком уровне культуры Средней Азии в X— XII вв.

Монгольское нашествие

Во второй половине XII — начале XIII в. экономика и культура Средней Азии, казалось бы, достигли наивысшего расцвета. Многочисленные города были благоустроенными, писатели, зодчие и ученые снискали заслуженную славу на породившей их земле, а раздиравшие страну феодальные распри и междоусобицы на время прекратились. Однако вскоре кровавые события с невиданной жестокостью отбросили страну на несколько столетий назад.

Начало этих событий, их стремительный ход вполне достойны моралистического романа о превратностях судьбы. Хорезмшах Ала ад-дин Мухаммед, власти и влияния

которого недаром опасался духовный глава мусульманского мира — багдадский халиф, искренне считал себя великим полководцем и государственным деятелем, вторым Александром Македонским и вторым Санджаром. Во дворце Мухаммеда была введена торжественная церемония «науба зу-л-карнайн» (церемония Александра) — так она официально именовалась. В ней помимо музыкантов участвовало 27 сыновей покоренных хорезмшахом владык. Убаюканный атмосферой придворной лести Мухаммед замыслил поход на Китай, когда до него дошли сведения, что эта страна уже завоевана монголами во главе с выдающимся государем Чингисханом. Для проверки слухов он направил к Чингисхану посольство, благожелательно принятое монгольским владыкой. С ответным посольством Чингисхан объявил, что почитает хорезмшаха наряду с лучшими из своих сыновей. Новоявленный Александр понял, что его унизили преднамеренно и затаил злобу, хотя и отпустил посольство с миром.

В 1218 г. Чингисхан снарядил огромный караван послов и купцов в хорезмшахскую столицу с ценными товарами и подарками. Но в пограничном городе Отраре на Сырдарье местные власти задержали караван, безжалостно разграбили его, а людей перебили. Трудно сказать, действовал ли правитель Отрара — Ипальчик-хан по прямому указанию самого Мухаммеда, известно только, что хорезмшах отнесся к происшедшему в высшей степени благосклонно. Во всяком случае когда оскорбленный Чингисхан потребовал наказания виновных, Мухаммед приказал казнить посла, а сопровождавших его лиц отправить обратно с позором, предварительно отрезав у них бороды. Жребий был брошен.

За долгие годы победоносных войн армия Чингисхана превратилась в первоклассную для своего времени военную машину. Четкая организация, железная дисциплина во всех звеньях управления, превосходная разведка — эти глаза и уши любой армии — умело дополнялись обещаниями огромной добычи. Немалую роль играл культ жестокого и расчетливого Чингисхана. Биографы Чингисхана рассказывают о том, как однажды он обратился с вопросом к своему окружению: «В чем величайшая радость для настоящего мужчины?» Большинство ответило, что это охота, особенно с ловчими птицами. Но престарелый завоеватель Вселенной считал такой ответ совершенно неудовлетво-

рительным. «...Величайшее наслаждение и удовольствие для мужа,— наставительно пояснил Чингисхан,— состоит в том, чтобы подавить возмущившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет; заставить его замужних женщин рыдать и обливаться слезами; в том, чтобы сесть на его хорошего коня с гладким крупом морины; в том, чтобы превратить животы его прекрасных подруг в ночное платье для сна и подстилку»¹.

В Средней же Азии за фасадом внешнего благополучия и процветания скрывались явные признаки упадка. Бездарный и трусоватый Мухаммед пытался лавировать, чтобы сохранить свою власть. Вооруженным силам он не доверял, опасаясь обиженных им кипчакских военачальников. Духовенство смотрело косо на последнего хорезмшаха из-за его распрей с халифом и репрессий в их собственной среде. Крестьяне в селах и ремесленники в городах были в лучшем случае равнодушны к судьбе правителя, бессильного определить хоть какие-то границы их безудержной эксплуатации. В роковой час у государства не оказалось ни воли, ни способностей достойно встретить надвигающуюся опасность.

На военном совете, состоявшемся в Ургенче накануне монгольского нашествия, один из военачальников предлагал собрать в одном месте всю огромную армию хорезмшаха, чтобы дать генеральное сражение монголам. Но Мухаммед, боясь заговора, предпочел остановиться на предельно-пассивном варианте: войска рассредоточить по крупнейшим гарнизонам, и здесь, под защитой городских стен, отразить нападение монгольской кавалерии. После первых поражений в пограничных битвах нерешительный Мухаммед еще более пал духом. Так, правитель Мерва получил указание укрыться в крепости, а сельским жителям предлагалось приветствовать монголов и выполнять их распоряжения. По образному выражению восточного историка, это был указ, украшенный подписью и печатью, обрамленный трусостью и бессилием. «Когда падишах, которого можно сравнить с сердцем, ослабевает,— добавляет этот автор,— как может остаться у конечностей

¹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. I. М.—Л., 1952, стр. 265.

какая-нибудь сила»¹. Тем большего уважения заслуживает мужество защитников городов и крепостей.

Военные действия начались в сентябре 1219 г. осадой Отрара. Один из хорезмских полководцев, решив, что сопротивление бесполезно, сдался со своим отрядом, рассчитывая поступить на службу к Чингисхану. Однако монголы не питали особой симпатии к двурушникам: пербежчик был убит, а его войско безжалостно истреблено. Правитель Отрара Инальчик-хан отчаянно сопротивлялся. Но в конце концов город пал, а незадачливый герой отрарского инцидента подвергся мучительной казни. Отрарский эпизод отразил характерные черты всей кампании в целом: прямую измену одних военачальников, личную храбрость и героизм других, что при общей растерянности главного командования и правительства мало влияло на ход событий, все более отчетливо принимавших характер подлинной катастрофы.

Сам Чингисхан, имея надежных проводников и преемственную разведку, прямо от Сырдарьи двинулся через Кызылкумскую пустыню на юг и в феврале 1220 г. подошел к стенам Бухары.

После трехдневной осады часть гарнизона сумела прорваться и уйти на юг, а делегация жителей во главе с духовенством вышла навстречу новоявленному владыке с выражением покорности. Горстка храбрецов некоторое время оказывала сопротивление, засев в цитадели, но вскоре был взят и этот последний оплот. Бухара первой из крупных городов Средней Азии испытала на себе жестокие последствия монгольского нашествия. Жители, выполняя приказ завоевателей, захватили только одежду и покинули город, который затем был разграблен. Возникший пожар вскоре уничтожил большую часть строений. Липящих крова людей теперь толпами гнали перед монгольским войском, чтобы использовать на осадных работах.

Решительные действия неумолимого противника окончательно парализовали хорезмшахских военачальников и администрацию. Тем временем сам Чингисхан с главными силами направился к Самарканду, не задерживаясь у мелких городов, если они почему-либо не сдавались. Хорезмшахское правительство для ремонта городских стен Самарканда трижды в течение года собирало налог с его

¹ «Материалы по истории туркмен в Туркменистана», т. I. М.—Л., 1939, стр. 488.

обитателей, но к ремонту укреплений едва только приступили. После неудачной вылазки и пятидневной осады 60 тыс. регулярного войска, 50 тыс. ополчения, имевшие в своем распоряжении 20 боевых слонов, еще способны были продолжать сопротивление. Как отмечают письменные источники, Самарканд мог продержаться около одного года. Однако духовенство и военная верхушка с начальником Самаркандского гарнизона Тугай-ханом сошлись на предательском плане сдачи города с тем, чтобы спасти свою жизнь и имущество. Они направили к монголам депутацию с предложением сдать город и открыть ворота Намазгах. Вскоре лавина монгольских всадников ворвалась в город.

Лишь цитадель Самарканда монголам пришлось брать штурмом. Город постигла судьба Бухары — жителей вывели за пределы городских стен, а их дома разграбили. 30 тыс. ремесленников были отправлены в Монголию, а 30 тыс. других жителей мобилизованы на осадные работы. Позднее из Самарканда еще несколько раз уводили жителей, так что в городе вскоре осталась едва ли четверть прежнего населения.

Сам же хорезмшах Мухаммед практически бездействовал, располагаясь военным лагерем на берегу Амударьи в районе Келифа якобы для того, чтобы помешать монголам переправиться на южный берег этой реки. Вскоре, однако, под благовидным предлогом он предпочел отступить в Иран, и, преследуемый монгольской конницей, укрылся на одном из островов в Каспийском море, где умер в декабре 1220 г. от воспаления легких. Его приближенные не имели средств даже для приобретения савана, и один из них пожертвовал собственную рубашку. Вся система хорезмшахского государства рухнула окончательно и бесповоротно, и Чингисхану оставалось лишь последовательно занимать его основные центры.

Повсюду успех сопутствовал «покоряющим мир знаменам завоевателя Вселенной». В небольшом городке на Сырдарье — Ходженте местный военачальник Тимур-мелик долгое время героически сопротивлялся монголам. Но, как коршуны на добычу, со всех сторон устремились монгольские отряды к непокорному городу, и он пал под напором превосходящих сил врага. Пять месяцев оказывала отчаянное сопротивление сыновьям Чингисхана —

Джучи и Чагатаю хорезмшахская столица Ургенч. Бой шел буквально за каждый дом и каждый квартал, жители Ургенча сражались рядом с воинами, невзирая на охватившие город пожары, которые монголы устраивали с помощью сосудов с нефтью. Историки сообщают, что кости монголов, погибших при осаде, образовали целые холмы, долгое время стоявшие рядом с развалинами. Тем с большей жестокостью расправились победители с Ургенчем. После традиционного грабежа они разрушили плотины, и вода хлынула на обугленные руины. Индивидуальный да и массовый героизм сами по себе не могли спасти гниющую военно-административную систему. К 1222 г. Средняя Азия была полностью в руках монгольских завоевателей.

Военная катастрофа сопровождалась упадком хозяйства и культуры. На многих городищах археологи не встречают материалов более поздних, чем начала XIII в. Монгольский рубеж проходит трагической полосой в жизни большинства городских центров страны. Про Мерв, эту жемчужину Востока, историк Джувейни меланхолически сообщает: «В городе и его окрестностях не осталось ни ста человек и не находилось количества пищи, достаточного для пропитания нескольких несчастных»¹.

К власти приходит Тамерлан

Новые владельцы считали своим долгом всячески подчеркнуть презрение к горожанам и земледельцам, равнодушным к прелестям привольной степной жизни. Даже их ставка располагалась подальше от городов, на территории современной Киргизии и Южного Казахстана. В Мавераннахр назначались правителями мусульманские купцы, в задачу которых входило выколачивание налогов как в пользу великого кагана, так и в пользу своих скромных персон. Помимо налогов население облагалось разного рода повинностями. Зачастую так называемый сбор налогов превращался в открытый и беззастенчивый грабеж. В одном официальном документе этого времени прямо говорится, что насилия и притеснения достигли выс-

¹ «Материалы по истории туркмен и Туркменистана», т. 1, стр. 493.

шей степени. Вспыхивавшие то и дело восстания жестоко подавлялись.

Упадку страны способствовали непрерывные распри и в среде самих завоевателей. Чингисхан, умерший в 1227 г., перед смертью разделил свои обширные владения между сыновьями. Большая часть Средней Азии досталась Чагатаю, тогда как Хорезм вошел в состав улуса старшего сына Джучи. Однако вскоре отдельные группировки правящего рода вступили в ожесточенную борьбу за верховный престол и лучшие владения. В 1251 г. победила группировка сына Джучи — Батые и потомки Чагатая были изгнаны из Мавераннахра. Тем не менее в следующем десятилетии внук Чагатая вновь силой утвердился в дедовском домене. Нескончаемые междоусобицы сопровождались пожарами и разрушениями. Так, в 1272 г. ужасающему разгрому подверглась Бухара, на некоторое время почти совершенно обезлюдевшая. Стало совершенно ясно, что необходимо искать выход из этого затянувшегося кризиса, затормозившего развитие страны и подрывавшего благосостояние тех основных налогоплательщиков, на которых основывалось могущество Чингисидов.

Наиболее дальновидные монгольские правители пытались теснее связать свою жизнь с интересами оседлого населения, но их сурово осудило общее собрание (курултай) царевичей и военачальников, заключивших даже договор, в котором говорилось, что они впредь будут жить в горах и в степях, а не возле городов. Однако монгольские правители все чаще начинали принимать ислам, а Кебек-хан (1318—1326) даже демонстративно построил себе дворец в долине Кашкадарьи, в самом сердце оседлых оазисов Мавераннахра. Проведенные им денежная и административная реформы в известной мере способствовали упорядочению положения в стране. Все это вызывало бешеное сопротивление военно-кочевой аристократии, и в развернувшейся борьбе погиб брат Кебека — Тармаширин (1326—1334). Страна снова погрузилась в пучину драг. Выродившиеся представители Чингисханова рода исползовались в качестве подставных лиц удачливыми военачальниками и политическими авантюристами. Вырвать страну из бездны феодальной раздробленности могла лишь железная рука непреклонного государственного деятеля. И такой деятель нашелся.

Тимур, или Тамерлан (от персидского Тимурленг — Тимур-хромец), родился 9 апреля 1336 г., в год мыши, в семье мелкого монгольского эмира, проживавшего в долине Кашкадарьи. Начав свою деятельность как предводитель удайцов, не брезговавших даже простым грабежом и угоном бараньих стад, Тимур постепенно все более втягивается в политическую борьбу. Получив в управление Кашкадарьинский вилайет, Тимур сближается с одним из видных монгольских эмиров Хусейном и женится на его сестре. Оба молодых эмира ведут веселую жизнь искателей приключений, совершая набеги на соседние районы с целью захвата добычи. Однажды им пришлось 62 дня просидеть в заключении у более удачливого соперника. В 1362 г. при налете на Сеистан (юго-запад современного Афганистана) Тимур был ранен в правую руку и ногу. Он охромел, и рука у него засохла, что, впрочем, не помешало ему продолжать воинскую деятельность.

В 1336 г. Тимур и Хусейну удалось подчинить своей власти Самарканд, и с этого момента закадычные друзья постепенно превращаются во врагов. Победителем из кровавой игры вышел Тимур. В 1370 г. Хусейн попал в плен, и с молчаливого согласия Тимура его убил один феодал на основе права кровной мести. Во всем Мавераннахре у Тимура не оставалось сколько-нибудь серьезных соперников, и на курултае военачальников его провозгласили государем. Правда, не будучи Чингисидом по происхождению, Тимур держал представителей этого рода в качестве подставных ханов. Сам он довольствовался скромным титулом гурагана (царского зятя) после женитьбы на Чингисидке Сарай-Мульк-ханум из захваченного им гарема своего неудачливого соперника Хусейна. Среднеазиатские феодалы скоро почувствовали железную хватку нового владыки. В 1376 г. он столкнулся с неповиновением главы влиятельного племени джелаиров. Непокорный был тут же казнен, а джелаиры расселены по разным округам. Узнав как-то о существовании в Самарканде заговора против себя, Тимур хитростью заманил его участников и всех перебил. Опираясь на преданную ему армию, Тимур выступал как единодержавный правитель централизованного государства, прибравший к рукам беспокойную ораву местных владетелей. Он *«ввел систему шпионажа, причем орудиями служили ему дер-*

виши, факиры, монахи, от лам до христианских отшельников»¹.

Тимур, как заметил один из современных историков, прекрасно учитывал стремление среднеазиатских феодалов к удачным походам с получением обильной добычи, да и сам имел вкус к подобным мероприятиям. В деятельности этого вчерашнего атамана сочетались организаторская работа и грабительские походы.

Первоначально военная экспансия Тимура тесно связывалась с интересами созданного им государства. В Средней Азии сохранял политическую независимость Хорезм, поддерживаемый наследницей улуса Джучи и Батыея — Золотой Ордой. Шесть раз вступала в пределы Хорезма тимуровская армия. Во время последнего похода в 1388 г. его столица Ургенч была полностью разрушена, жители переселены в Мавераннахр, а на руинах демонстративно посеян ячмень. Долгая и кровопролитная война с золотоордынским ханом Тохтамышем закончилась в 1395 г. разграблением его приволжской столицы — г. Сарая Берке.

Одновременно предпринимались походы в Иран, уже мало связанные с государственными интересами и носившие в основном завоевательный характер. В конечном итоге Тимур присоединил всю территорию Ирана. При этом ограбление провинций и городов нередко совершалось с чингисхановской жестокостью. Когда в захваченном Исфагане возникли волнения, «железный хромец» отдал город войску на полное разграбление, а из 70 тыс. голов непокорных исфаганцев приказал сложить высокие пирамиды. В другом случае, также при расправе с восставшими, в стены специально построенных башен замуровали живыми 2 тыс. пленных.

«... Политика Тимура заключалась в том, чтобы тысячами истязать, вырезывать, истреблять женщин, детей, мужчин, юношей и таким образом *всюду* наводить ужас...»².

Вскоре Тимур совершил поход в Индию, где безжалостно истребил 100 тыс. пленных (до него дошли слухи об их возможном восстании) и откуда вернулся с ог-

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 185.

² Там же.

ромной добычей. На западе войска Тимура вступили в Малую Азию и Сирию и в 1402 г. в сражении при Анкаре разбили армию османского султана Баязида, тем самым отсрочив падение Византийской империи. Султан попал в плен. Блеск золота озарял эти кровавые завоевательные акции Тимура. Его властолюбие не знало границ, и уже под конец своей жизни он замыслил поход в Китай, утверждая, что все пространство населенной части мира не стоит того, чтобы иметь двух царей.

Вместе с тем по отношению к Мавораннахру Тимур вел себя как рачительный хозяин, который тянет в дом все, что ему приглянулось. Пленные ремесленники и мастера тысячами сгонялись сюда со всех концов его обширной империи. Дворцы, мечети, загородные сады, крепостные стены городов возводились в кратчайшие сроки по требованию нетерпеливого самодержца. На его родине, в долине Капкадарьи вырос дворец Ак-сарай (в его постройке принимали участие хорезмийские пленные), а на северной границе тимуровской державы в Ясах (современный Туркестан) на реке Сырдарье — огромная мечеть-мавзолей над могилой чтимого местным населением и особенно засырдарьинскими кочевниками Ахмеда Ясави. Для мечети по его заказу изготовляют бронзовые изделия, в том числе великолепный котел весом около двух тонн, отлитый, как гласит сделанная на нем надпись, в 1399 г. мастером Абд ал-Азизом из иранского города Тебриза.

Особой симпатией Тимура неизменно пользовался Самарканд, где работали лучшие мастера, где в основном и тратились колоссальные средства, добываемые в грабительских походах. Самарканд должен был затмить все другие города мира, коль скоро он удостоился чести стать резиденцией новоявленного владыки. Чтобы оттенить его неоспоримое превосходство, ряд селений в окрестностях получил названия крупнейших городов Востока — Каир, Дамаск, Багдад, Султания и Шираз.

Город подвергся значительной реконструкции: заново отстроенные архитектурные комплексы на много столетий определили городской силуэт.

При этом монументализм, граничащий с гигантоманией, удачно сочетался с исключительным богатством декора.

Для украшения памятников применялась резная поливная терракота, майоликовые плитки, на которые еще до обжига наносятся различные цветные узоры, и, наконец, наборная мозаика. Празднично сиявшие под ярким среднеазиатским солнцем постройки нового стиля радостно оживляли города. Уже в середине XIV в. встречаются здания, сплошь затканые полихромным декором. Таков, в частности, небольшой мавзолей Буянкулихан в Бухаре, облицованный резной терракотой ярко-голубого, марганцево-синего и белого цветов.

Подлинной жемчужиной среднеазиатской архитектуры является комплекс Шах-и-зинда в Самарканде. Ансамбль мавзолеев, теснящихся около усыпальницы легендарного двоюродного брата пророка Мухаммеда, не претендовал на парадную значительность. Скорее это альбом архитектурных миниатюр, каждая из которых по-своему изящна и совершенна. Вот одно из наиболее ранних сооружений — мавзолей Ходжа Ахмеда. Причудливой вязью выются по его portalу геометрические, растительные и эпиграфические узоры преимущественно мягких голубых оттенков. Такая же мягкая сине-голубая гамма сохраняется и на мавзолее племянницы Тимура — Шади-Мульк-ака, скопчавшейся в 1372 г. Возводившие усыпальницу бухарские зодчие для облицовки портала наряду с терракотой использовали и майолику. Прекрасен мавзолей Туман-ака, одной из жен Тимура, отстроенный в 1405 г. Здесь наборная мозаика совершенно вытеснила рельефный орнамент, цветовая палитра царственно парадна: густо-синие и глубокие черные тона как бы создают углубленный фон для орнаментов, выполненных голубой, желтой и белой инкрустацией.

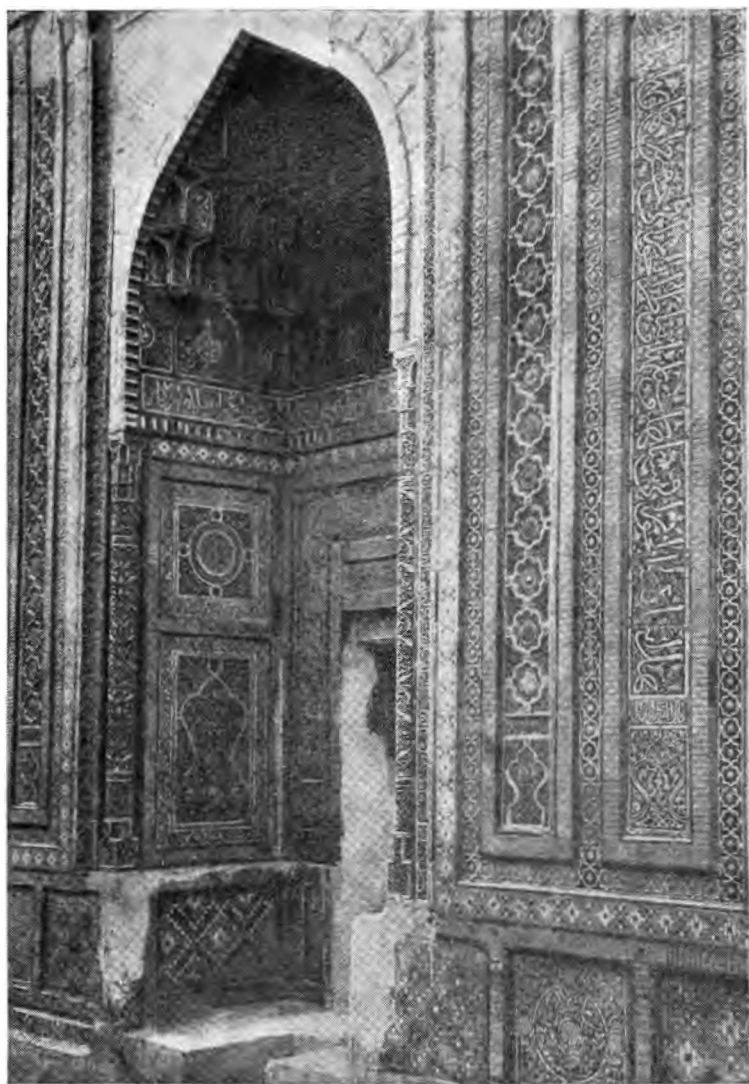
Другой памятник Самарканда — соборная мечеть Биби-ханым как бы символизирует гегемонистское властолюбие «железного хромца». Ее строительство началось 11 мая 1399 г., вскоре после возвращения Тимура из Индийского похода. Сотни мастеров и ремесленников принимали участие в работах, за которыми Тимур наблюдал лично. 95 индийских слонов перевозили камни. Летом 1404 г., вернувшись из Ирана, Тимур осмотрел мечеть и остался недоволен размерами портала, показавшегося ему недостаточно величественным. Руководители строительства за такое упущение заплатились жизнью. Срочно были начаты работы по переделке портала. Даже

Шах-и-занда. Деталь мозаики. Самарканд

в наши дни руины мечети, не пощаженной временем и особенно пострадавшей при землетрясениях, производят поистине грандиозное впечатление.

Обширный двор ее (78×64 м) в древности окаймляли аркады обводных галерей. Его центральную ось замыкало главное здание со стройным порталом, прикрывающим купол, облицованный кирпичом голубой поливы. Высота портала около 41 м, а пролет арки — около 20 м. Линейная высота подавляет зрителя, и придворные летописцы не жалели слов для восхищения постройкой. «Купол ее был бы единственным, если б небо

Мавзолей Шади-мулк-аха. Шах-и-мирза. Самарканд

Главное здание мечети Биби-ханым. Самарканд

Портал мечети Вафси-ханым. Самарканд

не было его повторением, единственной была бы арка, если б Млечный Путь не был ей парой!»¹, — восклицает один из них.

Тридцать пять лет практически единодержавно правил Тимур Средней Азией. Смерть настигла его в начале похода в Китай. Он умер от белой горячки, вызванной неумеренным употреблением алкоголя, 18 февраля 1405 г. в Оtrarе.

Тимур — фигура глубоко противоречивая.

«... Он дал своему новому царству *государственное устройство и законы*, представляющие большой контраст с теми зверствами и дикими разрушениями, которые *по его приказам* совершали татарские орды»².

Тимура похоронили в Самарканде в мавзолее Гур-амир, возведенном им для любимого внука и предполагавшегося наследника Мухаммед-Султана. В эпитафии на нефритовом надгробии сделана попытка возвести к общему предку генеалогические линии Тимура и Чингисхана. Однако практической необходимости в этом уже не существовало. Именно принадлежность к Тимурову роду давала теперь в глазах современников неоспоримые права на власть и престол.

Расцвет культуры

Казалось, что после долгих лишений Средняя Азия снова вступила в полосу процветания. Многолюдные города, развивающаяся торговля, широкий размах строительства воспринимались как достаточно яркие признаки прогресса. Правда, подъема страна достигла благодаря привлечению огромных сил и средств из соседних стран, но, возможно, именно с помощью таких экстраординарных мер и удалось устранить губительные последствия монгольского разгрома и последующих неурядиц.

Сыновья Тимура, увы, не сохранили огромной империи, созданной отцом. Громоподобное, во многом искусственное объединение распалось вскоре после его смерти, и во власти Тимуридов остались в основном Мавераннахр и Хорасан. Не сохранили наследники Тимура и си-

¹ В. В. Бартольд. Визит Ханын. Сочинения, т. IV. М., 1986, стр. 17.

² Архив Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 184.

стему единовластия. Частично этому способствовала неразработанность вопроса о престолонаследии.

Уже Тимур, почему-то не доверяя сыновьям, возлагал основные надежды на внуков. Он же ввел практику выделения членам своей семьи отдельных областей и уделов. Пока у власти стоял скорый на расправу «железный хромец», все помалкивали, но с его смертью сепаратизм расцвел пышным цветом. Бесчисленные внуки и правнуки, не склонные признавать авторитет центральной власти, непрестанно грызлись между собой, делая мечту сесть на престол. Достаточно было сыну сколотить в своем уделе сколько-нибудь стоящее войско, как он шел войной и на братьев, и на отца.

Первым фактическим наследником Тимура стал его сын Шахрух (1409—1447), сумевший силой оружия заставить недовольных повиноваться. Он перенес свою столицу в Герат, а в Мавераннахре назначил наместником своего сына Улугбека, который вскоре возглавил фактически независимое государство. Улугбек, один из наиболее образованных Тимуридов, оставил заметный след в науке, но как государственный деятель и полководец далеко не во всех случаях оказывался на должной высоте. После смерти Шахруха к Улугбеку перешло номинальное старшинство в беспокойном Тимуровом роде, и он, следуя семейной традиции, сделал наместником Герата своего сына Абдуллатифа. Тот не пожелал играть вторую роль и выступил с армией против отца. На просветительную политику Улугбека давно косилось реакционное духовенство Мавераннахра, и поэтому поражение его армии в 1449 г. вызвало лишь удовлетворение в определенных кругах. Однако жестокость болезненно властолюбивого Абдуллатифа, не остановившегося перед убийством отца, а затем и брата, вскоре вызвала в придворной среде острое недовольство. В мае 1450 г. отцеубийца сам пал жертвой заговора, и его голова была выставлена в одном из крупнейших медресе Самарканда для всеобщего обозрения. Мусульманское духовенство продвинуло на престол своих ставленников Абусаида (1451—1469) и Султан-Ахмеда (1469—1494), которые и управляли Мавераннахром во второй половине XV в. При них возвысился глава реакционного духовного ордена накшбевдиев шейх Убайдула Ахрар. Эти Тимуриды, исполненные ханжеского благочестия, мало чем напоми-

нали яростного основателя династии. Про Султан-Ахмеда говорится, что он «не пропускал пятикратной молитвы и даже во время винопития не забывал о молитве»¹.

Несколько иная обстановка сложилась в Хорасане, где утвердился энергичный, склонный к меценатству Султан-Хусейн (1469—1506). При нем Герат превратился в подлинную культурную столицу Ближнего Востока, а его визирем долгое время был выдающийся поэт Алишер Навои.

Высокий уровень культуры, стремление к покровительству наукам и искусству — характерная черта жизни почти всех тимуридских владений. Охота, праздничные пиршества, строительство монументальных сооружений являлись как бы нормой поведения всякого мало-мальски заметного правителя XV в. Многие из Тимуридов не только покровительствовали поэтам, но и сами писали стихи. К образованию приобщались и знатные горожане, занимавшиеся торговлей и ремеслом, а также служилый люд среднего достатка. В обществе высоко ценились тонко выраженная мысль, находчивость, остроумие. В этом отношении достаточно характерна атмосфера, царившая на приемах в доме Алишера Навои, где собирались сливки гератской интеллигенции. Посещал эти приемы и талантливый поэт и музыкант Бенаи, к которому сам Навои испытывал почти нескрываемую неприязнь. Алишер Навои придерживался обыкновения одаривать по праздникам своих собеседников и сотрапезников богатыми халатами. Однажды всем гостям были поднесены роскошные халаты, а перед Бенаи положили сверток, обмотанный прекрасной парчевой тканью. Развернув сверток, Бенаи обнаружил в нем... ослиный потник! Поэт встал и с выражением «великого счастья» на лице начал молиться. Когда он кончил, присутствовавшие спросили его: «Что это за молитва?» Он ответил: «Это благодарственная молитва за ту помощь и то счастье, которое на меня внезапно свалилось. Весь народ говорит, что Алишер питает самые скверные чувства к Бенаи. Слава Аллаху, творцу миров, сейчас выяснилось, что это не так и что он проявляет ко мне наилучшую милость.

¹ *Бабур. Бабур-нама. Ташкент, 1948, стр. 27.*

Мавзолей Ишрат-хана. Самарканд

Разве не видите, что всем остальным он дал почетные одежды, а мне пожаловал халат с собственного плеча»¹.

Нельзя обойти молчанием научные достижения тимуридской эпохи. Пожалуй, наибольшее значение имела в этой области деятельность Улугбека. Стремясь к развитию образования, он открывал новые медресе — высшую школу мусульманской формы. В самаркандском медресе он, говорят, выступал с лекциями. На дверях медресе в Бухаре он велел поместить надпись: «Стремление к знанию является обязанностью каждого мусульманина и мусульманки». Сам Улугбек, увлекаясь точными науками, добился немалых успехов. Под Самаркандом он построил крупную обсерваторию, где при его личном участии проводились астрономические наблюдения. Здесь были составлены астрономические таблицы, отличавшиеся высокой степенью точности и снискавшие Улугбеку заслуженную славу как на Востоке, так и в средневековой Европе. Поскольку Улугбек, подобно своему деду, носил титул гурагана — царского зятя, этот труд получил известность под именем «Гураганских астрономических таблиц».

Не оставалась в забвении и архитектура. При Улугбеке в Самарканде на парадной и крупнейшей площади города Регистан возводится архитектурный ансамбль. В настоящее время из построек XV в. сохранилось лишь медресе, носившее имя самого Улугбека и законченное в 1420 г. Оно весьма характерно для сооружений этого типа. Огромный прямоугольный двор обегает аркатура выходящих в него келий — худжра, каждая из которых предназначалась для двух студентов. На осях двора — сводчатые айваны, в углах — купольные аудитории и помещение зимней мечети. Продуманные пропорции торжественно-парадного портала удачно сочетаются с динамизмом двух минаретов на фасаде. Богато убранство фасада. В основании его опоясывает мраморная панель, над ней идут красочные узоры, выложенные глазурованными кирпичами. Но особенно впечатляющи мозаичные панно голубовато-синих тонов, где преобладают разнообразные звездчатые системы. Декларативный монументализм архитектуры эпохи Тимура сменяется изящностью и уравновешенностью.

¹ А. И. Волдырев. Алишер Навои в рассказах современников. — Сб. «Алишер Навои». М. — Л., 1946, стр. 146.

В этом отношении особенно интересна построенная в середине XV в. Ишрат-хана, фамильная усыпальница женщины из династии Тимуридов. Четкость пропорций сложного комплекса взаимосвязанных помещений определила общий облик легкого и стройного сооружения с высоким порталом и ярко-голубым куполом на стройном барабане. Наружный декор мягок. По розовой фактуре шлифованного кирпича разбросаны небольшие наборные вставки сине-голубой мозаики. Изысканный аристократизм не исключал богатства и пышности: в интерьере изразцовая панель расписана золотом, а стены украшены живописью в технике кундаль, когда рисунок наносился на рельефный фон, сплошь покрытый позолотой. Применена в Ишрат-хана и новая система перекрытия: через помещение перекинута четыре пересекающиеся подпружные арки, позволившие поставить на них купол меньшего диаметра, чем стороны перекрываемого квадрата. Изобретение этой системы было одним из крупнейших достижений тимуридской архитектуры.

Расцвет культуры и новые веяния, характерные для тимуридского времени, достаточно ярко отразились и на художественных ремеслах, в частности на производстве керамики. В цветовой гамме парадной поливной посуды господствует синяя роспись различных оттенков по снежно-белому фону. В значительной мере это дань модному увлечению импортным китайским фарфором, охватившему многие страны Востока, а затем и Европы. Наряду со стилизованными растительными мотивами встречаются и иные сюжеты: павлин, гуляющий в саду; козлы на фоне цветущего ландшафта; пирующий юноша. Донце сосуда, обрамленное орнаментальной рамкой, использовалось для ярких и выразительных рисунков, заставляющих пожалеть о том, что памятники мавераннахрской миниатюры XV в. еще не обнаружены.

Конец тимуридского времени связан с традиционным для истории Средней Азии нашествием засырдарьинских кочевников, приведшим к утверждению в 1500 г. в Мавераннахре новой династии Шейбанидов. Практически здесь уже во второй половине XV в. с возрастанием роли реакционного духовенства начинается известный застой и упадок. Вскоре Средняя Азия, погрязшая в замкнутом цикле феодальных усобиц, превращается в отсталое захолустье.

Список рекомендуемой литературы

- Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1898.
- Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.
- Виноградов А. В.* Тысячелетия, погребенные пустыней. М., 1966.
- Гафуров Б. Г.* История таджикского народа. Душанбе, 1957.
- Дьяконов М. М.* Очерк истории древнего Ирана. М., 1951.
- Засылкин Б. Н.* Архитектура Средней Азии. М., 1948.
- История народов Узбекистана*, т. I. Ташкент, 1950.
- Кошелев Г. А.* Культура Парфии. М., 1906.
- Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964.
- Массон В. М.* Страна тысячи городов. М., 1966.
- Массон М. Е., Пузаченкова Г. А.* Парфянские ритоны Нисы. М., 1956.
- Пузаченкова Г. А.* Халчаян. Ташкент, 1966.
- Пузаченкова Г. А.* Искусство Туркменистана. М., 1967.
- Пузаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* История искусства Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М., 1965.
- Сарианиди В. И., Кошелев Г. А.* За барханами — прошлое. М., 1966.
- Сарианиди В. И.* Тайны исчезнувшего искусства Каракумов. М., 1967.
- Скульптура и живопись древнего Пенджикента.* М., 1959.
- Средняя Азия в эпоху камня и бронзы.* М., 1966.
- Ставиский В. Я.* Между Памиром и Каспием. М., 1968.
- Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948.
- Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.
- Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- Шишкин В. А.* Варахша. М., 1963.

Содержание

Пролог. Сражение при Анкаре	5
------------------------------------	----------

Первые ступени прогресса

Каракумская заря цивилизации	8
Храмовые фрески старинных художников	11
Время первых «абстракционистов»	15
В хижинах живут охотники	24
Ковры на глиняных черепках	26
Северный Вавилон	31
Главняные женщины	40
Кочевая лавина	43

Самый восточный эллинизм

Мужское коварство и женское мужество	51
Греческие штандарты на берегах Амударьи	56
Греко-бактрийский сфинкс	63
Каракумы — колыбель Парфянского царства	69
Союзы степных племен	82
Кушанское царство: кочевники становятся горо- жанами	87
Северный форпост в знойных степях	95
Время тревог и упадок городов	102

Среднеазиатский ренессанс

Замки смутного времени	106
Помпей под Самаркандом	110
Согдийские эстеты	114
Государь Деваштич пишет письма	121
Арабы приносят ислам	125
Одна политика трех династий	129
Сад «повелителя правоверных»	134
Монгольское нашествие	143
К власти приходит Тамерлан	148
Расцвет культуры	158
Список рекомендуемой литературы	164